Глава первая

Осенью Кенгьюбери – город, покинутый Морриган Блэр четыре года назад – был особенно красив. Или все дело в ностальгии?

Пока Морриган разглядывала окрестности, страж междугороднего портал-зеркала сжал ее руку и провел пальцами по коже, проводя невидимую черту от запястья до локтя. Под его чарами активировался стройный ряд татуировок. Страж внимательно проверил вытатуированные на коже личные данные – имя и присвоенный Морриган Трибуналом ранг Охотницы.

– А, Вольная, – поморщился он.

Не нужно быть эмпатом, чтобы понять всю глубину неодобрения стража. Снисходительное презрение – так Морриган окрестила бы его отношение к ней. Самое любопытное, что к взрослым охотникам за головами – ярчайшим представителям касты Вольных – большинство людей относились с уважением, практически равняющим их с законниками. А вот юных Вольных – даже Охотниц, как Морриган – чаще всего воспринимали досадными недоразумениями, эдакими глупыми неоперившимися птенцами, вздумавшими поиграть в героев и воинов. Наверное, считали, что они путаются под ногами старших и только и делают, что создают им помехи.

Вот они, двойные стандарты во всей красе.

«Мне всего семнадцать, я свободна и вольна делать все, что захочу и быть там, где захочу, а ты подчиняешься префекту – и не только ему – и застрял тут на веки вечные», – мстительно подумала Морриган и выдернула руку. Подчеркнуто сухо осведомилась:

– Я могу идти?

В Кенгьюбери ее привело дело, и она не собиралась задерживаться здесь дольше нескольких часов.

– Иди, – буркнул страж.

Мощные улочки города украшали золотисто-багряные ковры из опавших листьев, которые вот-вот, повинувшись чарам рабочих, превратятся в пыль, оставив после себя только золотистые искры, медленно гаснущие в воздухе. Обычно Морриган нравилась наблюдать за красочным процессом распада – явлением таким же естественным, как сама жизнь. Но чем ближе она подходила к дому сестры, тем больше мрачнела. Тем сильнее – глупо, конечно, и совершенно бессмысленно – сжимала в руках медальон, вызывая в памяти образ Клиодны. Сестра не откликалась.

Попытка самоуспокоения с треском провалилась. Сердце – или же присущая всем ведьмам обостренная интуиция – подсказывало: что-то случилось. В душе поднялась волна тревоги, заглушая все прежние чувства. С Клио что-то произошло – теперь Морриган знала это наверняка.

Дом семьи Блэр, в котором последние пару лет жила одна Клио, встретил ее тишиной и прохладой... и тэной, как черный туман, невидимый для глаз простых обывателей, заполонившей все вокруг. Тэна... откуда она здесь, да еще и в таком количестве?

С детства избрав путь света, Клио никогда не сходила с него. Она не интересовалась черной магией. Даже белую зеркальную магию, так почитаемую Морриган, Клиодна отвергала, боясь, что однажды ненароком перешагнет опасную грань, на которой сама Морриган балансировала с трудом. Грань, за которой магия становится запрещенной.

А значит, возможны только два варианта событий: либо произошло нечто, что спровоцировало Клио на черные чары, либо... на нее напал кто-то, кто черную магию практиковал.

Гостиная. Стекланный журнальный столик, узкий плафон, в котором порхала разбуженная сущность света, чашка с остывшим чаем – излюбленным напитком Клио. Шкафы до потолка, битком набитые книгами.

Сестры Блэр выбрали разные судьбы, что ни говори. Морриган стала Вольной в тринадцать лет, когда бросила школу и поступила в Кентрай, где обучали Охотников и Охотниц. Три года ее натаскивали, а затем отправили в «вольное плавание» – вместе с группой старших наемников отлавливать

отступников. Однако командная работа продлилась недолго – Морриган была одиночкой столько, сколько себя помнила. И именно будучи одиночкой, она достигала наилучших результатов. Вполне закономерно: пока держишься за чью-то юбку, пока тебя прикрывает чья-то тень, пока кто-то думает и действует за тебя, личностью ты не станешь.

Клиодна – приверженец старых традиций. Она продолжала учебу в школе и была одной из лучших учениц. Что, впрочем, неудивительно: несмотря на пропасть различий между членами семьи Блэр, было у них и кое-что общее – постоянное стремление к совершенству, желание быть лучшим всегда и во всем.

Младшая сестричка Морриган – в этом году ей исполнилось шестнадцать – планировала поступить в институт и получить нетипичную для потомственной ведьмы профессию врача. Стоит ли говорить, что Бадб, глава семейства, ее решение не одобряла?

Чутье привело Морриган в спальню. В светильниках беснуются сущности света, кровать не заправлена, на столе – остатки обеда. Она коснулась кончиком пальца картофельного пюре. Еще теплое. Взгляд выцепил новую, прежде не замеченную деталь – треснувшее зеркало в медной раме, висящее в дальнем конце спальни. Трещины, как черная паутина, покрывали всю его поверхность. Клио защищалась? Или зеркало разбила чары нежданного гостя? Где тогда она сама?

Все остальные предметы в комнате оказались целы. Если не считать незастеленной кровати и остатков еды на столе, в спальне царил порядок. Стоя посреди комнаты, Морриган прикрыла глаза. Что могло здесь случиться? Кому вообще могла помешать милая скромница Клио?

Не успела она додумать эту мысль, как хлопнула входная дверь. Морриган инстинктивно потянулась к ремню, к которому была прикреплена плеть-молния – ее неизменный атрибут и главное оружие Охотников и Охотниц – хлыст, по воле владельца мгновенно превращающийся в сокрушительный молниевый разряд. Она успела бы воспользоваться им – ее

инстинкты были обострены до предела, но вовремя удержала порыв призвать искусственную молнию.

Первое, что Морриган успела заметить – вошедший был облачен в черное пальто с серебряной нашивкой агента Департамента. И только потом увидела, кто предстал перед ней, держа в вытянутой руке револьвер. Выдержка помогла ей сохранить лицо и остаться совершенно невозмутимой, хотя в желудке на какое-то мгновение образовалась щекочущая пустота.

За то время, что они не виделись, он... возмужал. И, судя по нашивке, успел примкнуть к «цепным псам Трибунала» и дослужиться до младшего инспектора. Обычно взъерошенные темно-русые волосы сейчас аккуратно уложены – волосок к волоску, голубые глаза смотрят на Морриган с нескрываемым изумлением. Николас Куинн – лучший друг детства, а ныне – агент Департамента полиции и... почти незнакомый ей молодой мужчина.

– Морриган? – сорвалось с его губ удивленное.

– Ник. – Она спокойно кивнула. – Что ты здесь делаешь?

Он нахмурился, вложил в кобуру револьвер.

– Соседи Клио слышали странный шум и чей-то крик, вызвали полицию. Я не знал, что ты в городе.

– Только сегодня переместилась, полчаса назад.

На несколько мгновений в комнате повисло неловкое молчание. Сложно поверить, что когда-то они могли болтать днями напролет.

– Что-то успела найти? – возвращая голосу деловитый тон, осведомился Ник.

– Что-то странное с зеркалом – оно треснуло, но не раскололось и не осыпалось на пол, – сообщила Морриган. – Скорее всего, воздействие чьих-то чар – или Клио, или того, кто здесь побывал. Дверной замок нетронут, защитный барьер тоже – непохоже, чтобы его вообще кто-то касался. Возможно, Клио впустила гостя сама. Больше ничего, кроме плотного облака тэны – но это ты, разумеется, видишь и сам.

От внимания Морриган не укрылось странное выражение, промелькнувшее на лице бывшего друга. Она нахмурилась, силясь его расшифровать, но ее отвлек очередной вопрос:

– Клио... говорила тебе что-нибудь?

– Говорила, – хмуро бросила Морриган. – Собственно, именно поэтому я и приехала в Кенгьюбери. Она отговаривала меня, убеждала, что все в порядке, но... я же чувствовала по лицу и голосу, что это не так. В последнюю нашу беседу она сильно нервничала. Говорила, что иногда чувствует, будто за ней кто-то наблюдает. Потом рассмеялась, сказала, что это глупости, что у нее просто бурное воображение... Но Клио никогда не волновалась по пустякам, ты же знаешь. Думаю, она что-то подозревала. – Она вздохнула. – Только поделиться со мной своими подозрениями нужным не сочла. Ник... Я прошу тебя: помоги мне найти сестру.

Глава вторая

Невероятно. Морриган Блэр – здесь, в Кенгьюбери.

Она казалась еще жестче, еще решительнее, чем прежде – а она и в детстве мягким характером похвастаться не могла. Истинная юная аристократка с ее тонкими чертами лица и вместе с тем... истинная ведьма: тяжелая волна черных волос ниспадает на спину, черные глаза смотрят холодно и бесстрастно.

Морриган никогда бы не попросила Ника о помощи – она была для этого слишком горда. Если бы только речь не шла о ее сестре...

Когда-то они дружили – все трое. Веселая Клио, радостно хохочущая над любой его, даже самой нелепой, шуткой, и всегда серьезная Морри, при любом подходящем и совсем неподходящем случае напоминающая, что она, «как-никак, потомственная черная ведьма». Несмотря на то, что Ник был на пять лет старше нее, именно Морриган была вожаком их маленькой стаи – на

редкость суровым и упрямым, надо сказать, вожаком. Из тех, с кем лучше согласиться, чем затевать все равно обреченный на провал спор.

Дружба распалась, когда Морриган стала Вольной. Пока она училась в школе Охотников и путешествовала по провинции, выполняя наемничьи заказы, Клио и Ник продолжали общаться. Вот только его новая должность, судя по всему, стала для Морриган полной неожиданностью: или Клио не говорила о нем (что вряд ли), или подобного рода новости Мор пропускала мимо ушей (что вероятнее всего).

Ник хмуро огляделся по сторонам. Куда же ты пропала, Клио?

Милая девочка, так непохожая на непокорную и своенравную Морриган... Откуда в ее доме могла взяться гуца тэны, свидетельствующая о применении запрещенной Трибуналом магии? И еще один, куда более насущный и тревожащий его вопрос – что ему теперь делать? Морриган не знает... Никто не знает и не должен узнать.

Придав лицу уверенное выражение, Ник подошел к треснувшему зеркалу. Вынул из кармана пальто стопку покрытой спектром бумаги размером с игральную карту. Зажал один лист между ладонями и внимательно взгляделся в кривое зеркальное отражение. Как только он отнял руку от бумаги, на ней тут же проявилось изображение – та самая картинка, которая мгновение назад запечатлелась в его сознании. Внимательно просмотрев спектрографию, Ник положил ее в специальный пакет.

На всякий случай он запечатлел кровать, стол и окно. Полицейские эксперты иногда умудрялись распознавать использованные чары благодаря вызванным тэной колебаниям в воздухе, которые искажали окружающее пространство. Правда, что-то подсказывало ему, что в этот раз подобный трюк повернуть не удастся: картинка была очень четкой, а все предметы на спектрографии имели привычные, ровные очертания.

В глазах Морриган Ник явственно видел вопрос: почему он не идет по Следу? Хотел бы он открыться ей и обо всем рассказать, но... те времена, когда это было возможно, остались в далеком прошлом.

– Ты видишь След? – не выдержав, спросила она.

В любой другой ситуации Ника позабавило бы то, насколько хорошо он знает Морриган и как легко может предугадать ее реакцию. Но сейчас не до смеха – крик, который слышали соседи Клио и гуща повисшей в воздухе тэны отчетливо давала понять: здесь произошло нечто серьезное.

Способностью распознавать тэну – темную энергию, оставшуюся после применения запрещенной Трибуналом магии, обладали как агенты Департамента, так и Охотники. Таких людей, с более чутким восприятием, а значит, и умением отличать черную магию от белой, во всем мире очень много. Куда меньше тех, кто умел распознавать среди облака тэны След – призрачный шлейф, который при должном уровне следопыта мог привести его к заклинателю. Тому, что к двадцати двум годам он дослужился до ранга младшего инспектора, Ник был обязан именно особому восприятию, обостренному, на грани уникальности, видению Следа. Когда-то он слыл лучшим следопытом во всем Кенгьюбери...

Измененным от природы внутренним зрением Ник ощущал тэну в виде черного клубящегося тумана, посреди которого сверкала тончайшая серебристая нить – След. Он протянул руку, и нить прильнула к его ладони. Улучив момент, когда Морриган отвлечется на треснувшее зеркало, Ник схватил ее пальцами и торжествующе улыбнулся. Улыбка поблекла, как только растаял След. Ник снова его коснулся, уже зная конечный результат. След ускользал из пальцев, словно серебристая змея, сотканная из эфира. Сбылись самые худшие его опасения.

Клио пропала, а Ник даже не мог ей помочь. Он все еще чувствовал тэну, видел ее невооруженным взглядом, но толку-то, если она не могла привести его к тому, кто оставил шлейф остаточной энергии черных чар. Он был совершенно бессилен.

Его дар следопыта, которому Ник под строгим контролем отца обучался с самого детства, с каждым днем становился все слабей.

Когда легкий шок от неожиданной встречи прошел, Морриган мысленно расписала дальнейшее развитие событий – Ник пойдет по Следу тэны и найдет заклинателя, применившего в доме Клиодны черные чары. Каково же было ее удивление, когда он заявил, что След обрывается у порога квартиры. Это было более чем странно: если заклинатель обладал достаточной силой, чтобы развеять След – что умели немногие, – то почему вообще его оставил?

Прежде чем уйти, Ник заверил Морриган, что сделает все возможное, чтобы отыскать Клио. Полностью положиться на него и бездействовать? Увольте. Да, Ник был их старым другом, но достаточно ли этого обстоятельства, чтобы полиция бросила все силы на поиски Клио? Морриган не могла так рисковать. Не могла отдать судьбу сестры в чужие руки. Да и сидеть сложа руки она никогда не умела.

Как только за Ником захлопнулась дверь, она вернулась в спальню. Прикрыла глаза – с закрытыми глазами темная энергия, заполонившая пространство, была еще более ощутима. Морриган не умела различать След, хотя Ник когда-то и пытался ее этому научить. Но темную энергию она видела вполне отчетливо.

Ходило множество слухов о том, что привело к появлению тэны – остаточного следа от применяемых заклинателями черных чар. Поговаривали, что раньше люди не обладали подобными способностями и «цвета» магии не различали. Кто-то считал, что все дело было в разлитой в воздухе особой магии, кто-то называл причиной умения распознавать тэну постепенное изменение генетики человека. Было и еще более дерзкое, но вполне правдоподобное объяснение: многие были уверены, что при рождении целители по указанию Трибунала помечали каждого человека невидимыми метками – чтобы иметь возможность в дальнейшем контролировать применение черных чар.

Так это было или нет, но тэна служила Охотникам и агентам Департамента хорошим подспорьем в расследовании преступлений. Да и

пресловутый След нередко приводил к отступнику – заклинателю, применяющую запрещенную магию.

Но сейчас След был последним, что интересовало Морриган. Она скинула кожаную сумочку на стол и выудила оттуда небольшое зеркало в фигурной раме «под серебро». Достала длинные свечи, аккуратно лежащие в коробке на дне сумки – она никогда не выходила без своих неизменных атрибутов. Без них ее ведьминская магия работала лишь вполсилы.

Растерев воздух между большим, указательным и средним пальцем, Морриган трением разожгла искру. Прикоснувшись к фитилю свечи, и мгновением спустя на нем заплясало пламя. Поднеся зажженную свечу к зеркальцу, которое держала в левой руке, сквозь него заглянула в Мир Теней.

Предметы тут же потеряли четкость, тени вытянулись. Магия зеркалиц, которой, хоть и в меньшей степени, обладала и Клио, позволяла сестрам Блэр выгодно отличаться от обыкновенных ведьм, проводящих бесконечные ритуалы в погоне за правдой или величием. Хотя саму Клио последнее никогда не интересовало...

Зеркалицы пользовались уважением – их дар среди ведьм был достаточно редким и весьма непростым в освоении. Даже те, кто умел заглядывать в Мир Теней, не всегда могли распознать знаки, которые она диктовала. Но только там тайное становилось явным, а все загадки обретали смысл. Глядя в зеркало и незримо путешествуя по Миру Теней, Морриган надеялась увидеть то, что было скрыто от глаз обычных людей. Отпечаток, знак, символ – что-то, что даст понять, где искать Клиодну.

Но реальность превзошла все ее ожидания. Сначала не происходило ничего необычного. Окружающее пространство в отражении ее зеркальца было искажено и покрыто тэной будто густым слоем сажи – так происходило всякий раз на месте действия черных чар. Но Мир Теней молчал – вглядываясь в искаженное отражение, Морриган не видела ничего необычного, ничего, что подсказало бы ей, какие именно чары применил заклинатель и к чему они привели.

Пока... Пока взгляд не упал на то самое испещренное трещинами зеркало у стены, которое привлекло внимание Морриган, как только она перешагнула порог спальни сестры. Закаленная охотой на отступников, наблюдавшая самые устрашающие последствий их чар, Морриган почти разучилась и бояться, и удивляться. Но то, что предстало ее глазам, действительно ужасало.

Там, на дне зеркальной глади, в свою очередь отраженной через зеркало в ее руке, застыла... сестра. Чудовищная пародия, отвратительная карикатура на прекрасную и милую Клио. Не она сама – скорее, ее энергетический слепок, видимый лишь в Мире Теней. Призрак, эфемерное подобие и бледная тень Клиодны Блэр, запертая в треснувшем зеркале как муха в янтаре.

В первое мгновение руки Морриган, державшие зеркальце, задрожали, но она сумела сохранить самообладание. Заставила взять себя в руки и запрятать эмоции подальше: Клио требовалась помощь хладнокровной Охотницы, черной ведьмы, зеркалицы, а не сходящей с ума от беспокойства старшей сестры.

Морриган осторожно приблизилась к зеркалу Клио, глядя на его отражение в Мире Теней через зеркальце в руках. Пристально вгляделась в лицо той, что казалась застывшей между двумя мирами – миром мертвых и миром живых. Миловидное лицо сердечком, распахнутые глаза цвета морской волны и светлые волосы. Обеих сестер природа и материнские гены наградили черными волосами, которые Клио упорно красила разрешенной Трибуналом иллюзорной магией в платиновый оттенок. Да так искусно, что никто и не догадывался, что этот цвет волос ей не родной.

Это был тот самый случай, когда облик идеально отражал истинную сущность, таким нехитрым способом словно проводя между сестрами черту. Клиодна – мягкая, нежная, отзывчивая, мечтающая спасти чужие жизни, оставалась на светлой стороне, тогда как Морриган – охотница за головами и практикующая ведьма – балансировала на тонкой грани между тьмой и светом.

– Клио... что же с тобой сделали? – прошептала она, ледяными пальцами касаясь зеркальной глади. Касаясь щеки того, что было слепком, отражением ее сестры.

Казалось, какая-то неведомая сила затянула Клио в зеркало, где она и застряла. Вот только Морриган знала – той, на чьем красивом лице застыл шок, была не Клио, а лишь ее тень... энергия... Нет, душа. Где же тогда искать ее... тело?

Безмолвная Клио в зазеркалье не могла дать ответ на ее вопрос, но и оставлять сестру в таком виде Морриган не желала. Она поставила свечу и зеркало на пол – таким образом, чтобы в нем отражалась Клио. Прикрыв глаза, соткала из воздуха прочную сферу, магией холода отшлифовала ее стенки, чтобы она стала видимой, напоминающей стеклянный шарик.

Сжимая в руке сферу, повернулась к треснувшему зеркалу и протянула к нему свободную руку. Высвободила магию, стиснув от напряжения зубы. За весь сегодняшний день, оказавшийся таким длинным и страшным, Морриган использовала слишком много чар, и драгоценная жизненная энергия утекала из нее как песок сквозь пальцы – все потому, что магии в ней почти не осталось. Мерзкое это чувство. Все тело охватывает слабость, такая сильная, что грозит свалить с ног. Нужна была медитация или долгий глубокий сон, но такой роскоши сейчас, когда ее сестра в беде, Морриган просто не могла себе позволить.

На выручку пришел экфо – дорогостоящий, но незаменимый браслет с магическими кристаллами, так называемой «подпиткой», который имелся у каждого уважающего себя Охотника. Да и агенты Департамента полиции ими не пренебрегали. Морриган коснулась кнопки на браслете, и в запястье вонзилась тончайшая игла, пропуская в кровь растворенные магические кристаллы. Блаженно прикрыла глаза, чувствуя, как в нее вливается чистейшая магическая энергия. Зачарованная целительной магией пластина тут же «залатала» место укола, сохранив нетронутой нежную кожу на запястье.

Теперь, когда использование чар больше не угрожало ее жизни и здоровью, Морриган могла довести начатое до конца. Вновь протянув руку к зеркалу, она заставила его сминаться, словно пластилин. С хрустом зеркало корежилось, а высвобожденная из него энергия, принадлежащая Клио, тонкой эфемерной дымкой перетекала в сферу в руках Морриган. Удостоверившись, что вытянула всю энергию до последней капли, она заставила зеркало принять первоначальную форму – на случай, если в дом к Клио нагрянут агенты.

Морриган внимательно изучила зеркало, но понять, что за чары затамили Клио внутрь и что сделали с ее телом, так и не смогла. Тщательно и неспешно изучила сферу, но спустя час сдалась – эти чары были ей совершенно незнакомы. Плохой знак, если учесть, что Морриган была не кем иным, как зеркалицей.

А значит тот, кто затамил душу Клио в зеркало, в обращении с зеркалами был куда искуснее их обеих.

Глава четвертая

За минувшую ночь Морриган так и не смогла заснуть – до рези в глазах вглядывалась в сферу с душой Клио. Ей даже удалось установить некую ментальную связь с сестрой и увидеть ее воспоминания – но, увы, совершенно не те, что были ей сейчас нужны. Яркие обрывки прошлого – когда их мать была еще жива, когда их жизнь казалась такой размеренной и умиротворенной, расписанной на года вперед. Ощущение, впрочем, обманчивое: трудно назвать жизнь предсказуемой, когда ты – дитя легендарной Бадб. Леди Ворон – или же Леди Война, как называли Бадб те, кто не боялся сказать правду ей в лицо. А плохое о ней страшились говорить даже шепотом, ведь всем известно – у стен есть уши. И Бадб Блэр, как никто другой, умела распознавать голоса стен.

Сжимая в руках сферу, Морриган предавалась воспоминаниям, которые внушала ей энергия Клио. Жаль, в них не было ничего о том, кто заключил ее в зеркало.

Ей не хотелось призывать на помощь Ника, но другого выхода не было. Как любая ведьма, всеильной она не была. Морриган исчерпала все имеющиеся у нее ресурсы, пытаясь разгадать загадку исчезновения сестры, и надеялась, что связи Ника в Департаменте полиции помогут им обоим.

Увы, очередное разочарование. Эксперты не сумели определить по спектрограммам вид чар, что Морриган, однако, совсем не удивило – если знакомые Охотники, к которым она обратилась за советом, за годы странствий по провинции не сталкивались ни с чем подобным, то что могли знать полицейские, просиживающие штаны в своих уютных кабинетах? След был оборван и вел в никуда. Соседи, доложившие полицейским о крике, не видели ни до, ни после этого ничего подозрительного.

У них не было ни одной зацепки... кроме души Клиодны.

Чем дальше Морриган рассказывала Нику о проведенном в квартире сестры обряде, тем больше вытягивалось его лицо.

– Подожди... ты хочешь сказать, что вот здесь находится душа Клио? – изумленно проговорил он, указывая на лежащую на столе сферу.

Ник смотрел на Морриган с сочувствием, и это безумно ее злило.

– Верно, – сухо сказала она. – А теперь мне нужно отыскать ее тело.

– Морриган, я разослал ориентировку агентам и патрульным, спектрограмма Клио встроена в каждый портал в Кенгьюбери. Если она в городе – ее найдут. Но...

– Она не мертва, Ник, – не выдержала Морриган. – Ее душа – здесь, а значит, она еще жива. И точка.

– Но... Ты... – Он резко выдохнул. – Прости, но ты сама сказала, что в этой сфере – душа Клио. Ее мысли, чувства, воспоминания... А значит, в ее теле не осталось ничего из этого.

– Ты не понимаешь очевидных вещей, – резко бросила Морриган. Быть может, даже чересчур резко. Но ее выводил из себя тон Ника, сочувствие и печаль в его взгляде, его жалиющие слова. Он говорил и вел себя так, будто Клио уже нет в живых. А это неправда.

– Может, это оттого, что ты никогда не рассказывала мне о своем ремесле? – с холодной усмешкой отозвался Ник. – Ты постоянно пропадала на чердаке... или в лесу, творила чары, но всегда отмахивалась, когда я лез к тебе с расспросами. Говорила, что я, не колдун, все равно ничего не пойму. Вот и вся твоя благодарность за то, что постоянно тебя покрывал?

Морриган помрачнела. Спасибо, что напомнил. Сколько ей было тогда? Лет девять? Десять? Жадная до всего, что касалось магии, она порой и впрямь перегибала палку, распространяя вокруг себя облако тэны. Поймай ее тогда отец Ника или его друзья из Департамента, у нее были бы серьезные неприятности.

– Может, если бы ты мне открылась, я бы понимал больше? И не выглядел бы сейчас идиотом, изо всех сил пытаюсь понять, как человека с вынутой душой можно считать живым и невредимым?

Что-то в ее глазах заставило Ника осечься.

– Во-первых, «человек с вынутой душой» – моя сестра, Клио Блэр, и не смей ее обезличивать, – прошипела она, гневно сощурившись. – Во-вторых, я не говорила, что она невредима, но это не значит, что я должна перестать лезть из кожи вон, чтобы ее найти! В-третьих...

Морриган заготовила длинную обличительную речь, в котором слово «идиот» произносилось неоднократно и с заметной долей экспрессии, но произнести ее не дали. Помешал медальон на груди Николаса, внезапно загоревшийся красным.

Он не стал уходить в другую комнату, а тут же активировал медальон – простой, без изысков, невзрачный на фоне золотого медальона Морриган, украшенного капельками-рубинами. Перед Ником выросла прозрачная стена, по другую сторону которой находился совсем юный паренек с темными глазами.

– Сэр, пришло сообщение по вашему последнему запросу «КБ1».

Морриган резко вскинула голову. «КБ» в коде запроса, очевидно, обозначало «Клиодна Блэр», а 1 – степень приоритетности запроса, некий маячок для младших агентов, собирающих для инспекторов информацию по тому или иному делу. Приятно, что Ник присвоил делу об исчезновении ее сестры – не убийству и не нападению на политическую элиту – самый высокий статус. Впрочем, Морриган разочаровалась бы в нем, поступи он иначе.

– В Восточном квартале обнаружено тело девушки, предположительно принадлежащее Клиодне Блэр.

Морриган шумно выдохнула. Ник, уточнив информацию и поблагодарив агента, деактивировал медальон – тот вновь стал пластиной серебристо-белого оттенка. Взглянул на Морриган.

– Идешь?

– Нет, посижу дома, журнальчик почитаю.

Было совершенно неподходящее время для препирательств, и Морриган прекрасно это понимала. Но сгустившееся внутри напряжение давило, требовало выхода – хотя бы в виде мимолетной вспышки раздражения. Ник остался невозмутим – кажется, за годы их дружбы он успел привыкнуть к тому, что легко и просто с ней не было никогда.

Морриган вышла из дома раньше своего гостя – нетерпение подгоняло ее. Запирать дверь магической печатью не стала – не было ни времени, ни желания, лишь одним коротким жестом, сплетением пальцев и слетевших с губ слов накинула на дверь тонкую призрачную паутину. В арендованной квартире и поживиться-то нечем, но даже если какой-нибудь неудачник покусится на то малое, что есть в ее доме... пусть потом пеняет на себя.

Она шла рядом с Ником, но мыслями была далеко от него. Ее сердце сейчас рядом с той, что лежала, бездыханная – *бездушная* – между домами Восточного квартала.

Портал-зеркало перенес их на несколько миль, отозвавшись лишь легким трепыханием в желудке, которое тут же исчезло. Ник уверенно вел Морриган

вперед, и спустя несколько шагов она увидела полицейских и зевак. В голове вдруг что-то помутилось. Окружающий мир поблек и расплылся по краям. Лица смазались в едва различимые пятна, голоса превратились в неразборчивый шум. Четким осталось только фигурка, лежащая на мощеной улице.

Морриган подходила ближе, медленно сокращая дистанцию между собой и казавшейся такой хрупкой фигуркой, и шаги отзывались в голове ударами молота по наковальне. Девушка полулежала, спиной прислонившись к стене и запрокинув голову. Лицо сердечком, рассыпавшиеся по плечам платиновые локоны. Это была она. Клиодна.

Морриган обдало могильным холодом: не чары – эмоции, против которых на этот раз оказался бессилён даже хваленый ведьминский самоконтроль. Когда глаза твоей младшей сестры бездумно смотрят в небо, хладнокровие куда-то исчезает.

Наверное, со стороны Морриган могла показаться даже равнодушной – лицо превратилось в маску, в глазах нет ни слез, ни сожаления. Она не плакала, не тормошила бесчувственное тело сестры, не умоляла ее вернуться и задышать. Не было горя утраты – только твердое, как отколовшийся от скалы камень, желание исправить допущенную мирозданием – или судьбой – ошибку. Твердое желание вернуть Клио к жизни – во что бы то ни стало. Даже сейчас, видя сестру бездыханной, Морриган отказывалась признавать ее мертвой.

Клиодна Блэр была потомственной черной ведьмой – хотя и всячески скрывала от других этот факт. А черные ведьмы так просто не умирают.

Глава пятая

Видеть Клио такой – холодной, с кожей белой как снег – было невыносимо. Но еще невыносимее наблюдать, как агенты полиции кладут ее тело в черный мешок.

Перед этим молодой эксперт осмотрел тело Клиодны и по спектрографии попытался распознать отпечаток чар. Морриган кривила губы, наблюдая за его тщетными попытками произвести на нее, хорошенькую ведьму, впечатление. Эксперт полностью оправдал ее ожидания и провалился. Более того, он даже не сумел увидеть, что лежащая перед ним девушка была убита не здесь. С вырванной душой, которую наверняка заменила другая, Клио миновала портал-зеркало, ведущее в Восточный квартал, прошла несколько шагов и... умерла у одного из домов. Почему?

Кто заменил в теле Клио запертую в зеркале душу? Кому это понадобилось? Почему Клио? Кому помешала не признающая в себе ведьму ученица обыкновенной, немагической, школы и не слишком умелая зеркалица, главные дары которой – сострадание, жизнелюбие и доброта?

Столько вопросов... Столько разбегающихся мыслей в голове... Не собрать – как бисерины, рассыпавшиеся по мраморному полу.

Затесавшись среди зевак, чтобы лишний раз не мозолить глаза полицейским – Охотников они не жаловали и могли из вредности запретить использовать магию на месте происшествия, вмешиваясь в ход расследования, – Морриган вынула из сумки зеркальце и свечу.

Она надеялась увидеть хоть какой-нибудь знак, который поможет расшифровать своеобразное послание, оставленное в доме Клиодны. Понять, что за магия способна затянуть человека в зеркало. Но... все было бессмысленно.

Увы, Мир Теней снова безмолвствовал.

Даже здесь, на улице, Морриган видела пятна тэны, как черно-сизый дым повисшие в воздухе то тут, то там. Этот след – оборванный, уже порядком растаявший, оставляла за собой Клио, когда шла сюда. Но даже в Мире Теней Морриган не могла соединить клочки тэны в единое целое, чтобы последовать за тем, кто наложил на сестру эти странные чары. И Николас, который какое-

то время стоял неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям, к разочарованию обоих покачал головой. След вел вникуда. Все ниточки, которые могли привести их к убийце Клио, оборвались.

Морриган не стала возвращаться в свою пустую квартиру. Вернулась в дом сестры, где в воздухе все еще витал шлейф ее легких, цветочных духов. Оставшись в одиночестве и тишине, лихорадочно размышляла: план, поначалу показавшийся едва ли не безумным, понемногу обрастал новыми деталями и все отчетливее формировался в голове. В тот момент, когда она твердо решила действовать, в окно постучали.

Морриган обернулась. Ворон, зависнув в воздухе, клювом стучал в закрытое окно. Любой другой счел бы это странным и плохим знаком. Любой другой, но только не она.

Неторопливо пройдя вперед, Морриган открыла ставни. Черная, словно тэна, птица вспорхнула в комнату. Приземлилась на полу, чтобы мгновением спустя обернуться невероятно красивой молодой женщиной с тонкими чертами лица и длинными иссиня-черными волосами. Мало кто догадывался, что в венах этой красавицы застыла черная – мертвая – кровь.

– Здравствуй, мама, – спокойно сказала Морриган.

– Клиодна... Я видела...

Голос Бадб Блэр, легендарной черной ведьмы, звучал хрипло. За время, проведенное в облике ворона, она понемногу разучивалась говорить, и каждая новая беседа с дочерьми давалась ей непросто.

Ей было доступно любое обличье, будь то птица или хищный зверь, но отчего-то Бадб неизменно выбирала ворона – символа утраты, горя и кровавых жертв. Наверное, это вполне закономерно: та, к чьим ногам прежде складывали трупы убитых на войне – на войне, развязанных самой Бадб или во имя Бадб, – и та, что давным-давно была мертва, но родной мир навсегда покидать отказалась, воспевала смерть как неотъемлемую часть жизни.

Даже будучи мертвой, Леди Ворон не оставила дочерей. Хотя Морриган, унаследовавшей ее характер и часть способностей, Бадб благоволила куда

больше... Она не могла отдать дочерям свою силу, львиную долю которой потеряла вместе с физическим воплощением, не могла защитить их своей некогда невероятной по мощи магией – почти все, что у нее осталось, уходило на то, чтобы поддерживать существование в мире живых. Но она была рядом – так часто, как могла.

– Магия...

– Ты знаешь что-то о ней? – встрепелась Морриган. – Видела, как это случилось?

Ей бы толику везения... Но не на этот раз – Бадб сокрушенно покачала головой.

– Не была рядом. Магия незнакома.

Разочарованно выдохнув, Морриган побарабанила по столу длинными ногтями.

– Морриган... Я знаю, о чем ты думаешь.

Она встретила взгляд матери твердым взглядом.

– И отказываться от задуманного не собираюсь.

– Может будет лучше оставить все как есть? – Теперь голос Бадб больше походил на прежний – глубокий, грудной, с хриплыми нотками, когда-то очаровывающий и искушенных мужчин, и легковверных юнцов.

Морриган изумленно взглянула на мать, которая растирала ладонями руки и плечи. В своем новом пограничном состоянии между жизнью и смертью она отчего-то все время мерзла. Ни помогала ни магия, которую призывали для матери Морриган и Клиодна, ни теплые шали, ни растопленный камин. Все-таки смерть, даже не отнимая души, все же что-то забирала. И, наверное, этим «что-то» было живительное тепло, которого мертвым так недоставало.

– Поверить не могу! Ты предлагаешь мне смириться со смертью сестры?

– Смерть – еще не конец, – наставительно произнесла Бадб.

– А только начало пути, знаю-знаю, – раздраженно бросила Морриган. В любимом изречении матери было зерно истины, и говорить подобное справедливо... о ком угодно, но только не о Клио.

– Я не предлагаю тебе смириться с утратой – такие, как мы, никогда не уходят навсегда. Но только подумай: она будет рядом со мной, мы вместе – уже вдвоем, две прекрасные черные птицы! – будем присматривать за тобой.

– И кому от этого будет лучше? – хрипло спросила Морриган. – Кому, кроме тебя одной?

Бадб ничего не сказала. Впрочем, все было ясно без слов.

Легендарная Леди Ворон страдала от одиночества. И пускай посмертие открывало перед ней новые горизонты – возможность видеть то, чего не видят другие, наслаждаться свободой и изучать мир, раскинувшийся за ее черным крылом, она... тосковала. Бадб хотела превратить трагедию с Клио в новую жизнь для них обеих.

– Нет, мама, я не позволю. – В голосе Морриган звенела сталь. – Клио мечтала стать врачом и помогать людям. Хотела учиться, любить и быть любимой. Завести семью. Если ты забереешь Клио, ты лишишь ее шанса прожить жизнь как нормальный человек, а не мертвая, перевоплощенная ведьма.

Она знала: ее слова резки, но... справедливы.

– Морриган, это слишком опасно и непредсказуемо.

– Мама, моя сестра мертва! Мертва, понимаешь? Хуже ей я уже сделать не могу!

– Можешь, – холодно отозвалась Бадб.

Морриган молчала, кусая губы. То, на что она собиралась пойти, и впрямь было очень опасно. Но другого шанса вернуть Клио к жизни она просто не видела.

– Если что-то пойдет не так... Если она сойдет с ума или перестанет быть собой... Я не буду ее мучить. Но я должна хотя бы попытаться все

исправить. Неважно, чего хотим мы. Клио прожила слишком короткую, непозволительно короткую жизнь. И она ненавидит черную магию. Если ты превратишь ее в лича, наделишь своими способностями... Она будет в ужасе. Я это знаю.

– А как насчет того, что собираешься сделать ты? – усмехнулась Леди Ворон. – Разве это не те же самые черные чары, к тому же, запрещенные Трибуналом? Даже если не брать в расчет реакцию Клио – я знаю, ты скажешь, что оно того стоит...

– Стоит. И это меньшее из двух зол.

– ...что будет, если ты попадешься в лапы Трибунала? – не слушая ее, продолжала Бадб. – Тогда я могу потерять обеих дочерей.

– Не попадусь, мама, – медленно сказала Морриган. – У меня есть план.

Глава шестая

Человек, променявший детские мечты о «вольности» и безграничной свободе на служение государству – куда менее странное явление, нежели следопыт, потерявший возможность идти по следу.

Это лишь вопрос времени, как скоро главе Департамента станет известно о его проблемах. Ник выиграл немного времени, взяв себе в напарники Алана Райса, чтобы хотя бы таким – отчаянным – способом прикрыть исчезающий дар следопыта. Но Алан был слишком неопытен, чтобы умело формировать из гущи тэны След, способный привести к заклинателю – для этого требовалась немалая концентрация и выработанная годами сноровка. Он часто ошибался, ожидая, что младший инспектор Николас Куинн исправит его ошибку. А Ник не мог ни сделать этого, ни признаться в своем неумении.

Причина могла быть только одна: проклятие. Дар не исчезает просто так. Дар вообще не исчезает, если в твою жизнь не вмешиваются чужие чары. Черные, несомненно, чары.

И как насмешка судьбы, и так порядком над ним поиздевавшейся – встреча с Морриган Блэр, потомственной и наверняка практикующей черной ведьмой. И уже не насмешка, а откровенный удар – Клио... Пускай в последние пару лет они и отделились друг от друга, пускай виделись лишь раз в месяц, да и то случайно, обмениваясь улыбками и банальными фразами... Пусть изменилась их дружба, но сама Клиодна Блэр – олицетворение доброты, жизнелюбия и искренности – не изменилась. Меньше всего Ник хотел бы, чтобы беда коснулась именно ее. Меньше всех в этом треклятом городе Клио заслуживала смерти.

Он не смог защитить ее, не был рядом, когда ей нужна была хоть чья-нибудь помощь. Клио умерла. А теперь он даже ее убийцу отыскать не мог...

Проблемы начались пару месяцев назад – тогда дар следопыта впервые дал сбой. Сформированный Ником След из тэны – с идеально четкими очертаниями, плотный и отчетливый, привел его напрямик... в здание Департамента полиции Кенгьюбери. Тогда поднялся жуткий переполох, строились самые разнообразные версии вплоть до своеобразного террористического акта. Подняли на уши чтиц, но они не обнаружили никого подозрительного. И только после часа бесплодных поисков Ник понял свою ошибку.

Оказалось, что он слил воедино два Следа – свежий След отступника, за которым охотился он, и вчерашний След колдуна, пойманного и отведенного в участок его коллегой Раском. Прежде такого никогда не случалось: одно из умений следопыта, отличающее его от всех остальных, кто мог видеть тэну в виде чернильного облака, но не мог использовать ее, чтобы найти заклинателя – отличать Следы друг от друга, распознавать каждый из них.

Приятного в произошедшем было мало. Вит Ротриден, глава Департамента, впервые засомневался, не слишком ли рано он повисил

старшего агента до младшего инспектора. И все же случившееся казалось скорее исключением из правил – кто из них никогда не ошибался?

Но когда способности следопыта подвели его во второй раз, Ник насторожился. Стало хуже – четкий всего мгновение назад След обрывался прямо посередине улицы, где, разумеется, никого не оказалось. Отступник просто не мог рассеять тэну – средней руки колдуну это было не под силу. А имели бы дело с могущественным магом, рассеял бы ее в том же самом доме, где оставил труп молодой женщины с ритуальными знаками на теле.

Уже второй раз по вине Ника, всего год работающего в должности младшего инспектора, Департамент упустил убийцу. Но и тогда ему удалось выкрутиться – выручила репутация отличного следопыта и несколько громких дел, которые он успешно расследовал в минувшем году. Никто не заподозрил, что Николас Куинн потерял След. Департамент искал отступника, способного этот След развеять, и только Ник знал истинное положение дел. И то, что он знал, его пугало. Его дар исчезал – стремительно и, похоже, неотвратно.

Он понимал – такие сложные чары так просто насыпать не будут. Чтобы пойти против Трибунала и воспользоваться черными чарами – а любое проклятие к ним относилось, – да еще и направить их против инспектора Департамента, нужна веская причина. И Ник должен был во что бы то ни стало узнать, кому он умудрился так сильно насолить. Задача не из легких – особенно если учесть род его занятий. Скольких отступников он успел отправить в тюрьму?

Или поставить вопрос иначе: кто из них имел или мог иметь в теории возможность ему отомстить?

Сидя на диване в своей скромной холостяцкой квартире, Ник глотнул пива, потер пальцами виски. Сосредоточиться не получалось. Ухватить ниточку в веренице кружащих в голове мыслей – тоже. Перед глазами мелькали лица тех, кого он отправил на суд Трибунала, в голове – как в мемокарде – выдержки из заведенных на них дел: биография, магическая специализация, умения, индивидуальный почерк – характерное плетение чар.

Людей, к кому в черный список мог попасть Николас Куинн, набиралось предостаточно, что существенно осложняло поиски.

Медальон на груди мелко завибрировал, разрывая цепочку мыслей. Ник активировал его, зажав в ладони. Медальон мгновенно обнаружил, куда послать проекцию, и на противоположной стене появилось лицо Меган Броуди. Старший инспектор Департамента, кареглазая шатенка с идеально гладким и ровным каре, старше его лет на семь – как большинство женщин, свой истинный возраст она предпочитала не называть. В последнее время они неожиданно сблизилась – все чаще ходили в «Асковай», чтобы выпить вишневого пива и поболтать – о чем угодно, только не об отступниках, черных чарах, жертвоприношениях и ритуальных убийствах. Всего этого им с лихвой хватало и в рабочие часы.

Мег любила элегантные платья чуть выше колен, которые превосходно облегли ее стройную фигуру, светлые цвета и минимум украшений и макияжа. Не красавица, но ухоженная и ладная, она была отличной собеседницей, неглупой и остроумной. И все же что-то мешало Нику видеть в ней кого-то большего, нежели просто коллегу. Они ограничивались лишь ненавязчивым легким флиртом и шутливыми перебранками.

– Раск, Геманн и я собираемся сегодня в «Асковай», – сказала Мег, улыбаясь. – Ты с нами?

Ник уже открыл было рот, чтобы отказаться – смерть Клио отбила у него всю охоту к веселью. И вдруг понял: если он не расскажет хоть кому-нибудь о том, что происходит с его даром... он просто взорвется. Этот секрет, так тщательно им оберегаемый, жег изнутри душу. Стыдно признаться в собственной беспомощности, в том, что как инспектор и следопыт он стал неполноценен, нелегко открыться кому-то, когда привык все держать внутри, но... Он может хотя бы попытаться.

– С вами.

– Форма одежды – парадная, – со смешком добавила она. – Точнее – все, что угодно, кроме заляпанных соусом джинсов, в которых Геманн заявился в прошлые выходные.

– Хорошо. – Ник отсалютовал ей початой бутылкой. – Я приду без джинсов.

Не растерявшись, Мег прищурила глаза:

– Ты фронт. Ты не носишь джинсов. Только черные, всегда тщательно выглаженные брюки.

Ник рассмеялся. Стало неожиданно приятно – раз она знает его стиль, значит, хоть временами, но за ним наблюдает.

– Уговорила. Я приду без джинсов и без брюк.

Мег очаровательно закатила глаза.

– Одевайся давай. Выход через полчаса. Не заставляй девушку тебя ждать.

Посмеиваясь, Ник одним прикосновением к медальону прервал связь. На сборы он потратил десять минут – надел черные брюки (в своем наблюдении Мег была права абсолютно), черную рубашку и начищенные до блеска лакированные ботинки. В голове зазвучал голос совсем еще юной Морриган, со смехом называющей его педантом.

Завершающим штрихом Ник провел пятерней по аккуратно уложенным волосам. Взлохмаченные, они делали его похожим на бесшабашного мальчишку, а этот образ не слишком сочетался со званием младшего инспектора Департамента. Вот и приходилось тщательно приглаживать волосы в попытке придать немного строгости и прибавить пару-тройку лет. Хорошо, когда есть люди, с которыми ты можешь побыть самим собой.

Сломанный портал-зеркало, вокруг которого суетился хмурый наладчик, внес коррективы в расписанный до минут план. Пришлось идти до ближайшего портал-зеркала в квартале Эккервис. Даже будь Ник колдуном, сформировать портал не смог бы – подобные чары были запрещены Трибуналом с расплывчатой формулировкой «ради безопасности жителей города».

Когда он вошел в «Асковай», громила Геманн, Мег и рыжий Раск уже были там. Раск как раз отпускал какую-то скабрзную шуточку, ничуть не

беспокоясь о присутствии дамы во-первых и старшей по званию во-вторых. Однако им всем нравилось в Меган то, что она не кичилась тем, что в свои тридцать или около того уже была старшим инспектором и находилась на хорошем счету у главы Департамента.

Пока Раск и Геманн гоготали над анекдотом, Ник перекинулся с Мег парой ничего не значащих фраз. Однако разговор, против обыкновения, не клеился – Нику приходилось вникать в слова коллеги... и все равно переспрашивать, понимая, что слушает ее вполуха.

– Ты последнее время сам не свой, – с тревогой сказала Мег. Карие глаза смотрели участливо.

– Извини.

– Все в порядке?

Ник покрутил в руке бокал. Странно, что во всем Кенгьюбери остался, пожалуй, только один человек, с которым он мог поделиться своим позорным секретом. За последние несколько лет одиночество стало больше, чем просто привычкой – второй натурой. И вроде бы много рядом было неплохих людей, но что-то мешало ему называть их друзьями.

Ник долго откладывал этот разговор, но сейчас, когда его жизнь стремительно катилась под откос, подминая под себя его карьеру, его репутацию, его мечту, самое подходящее время, чтобы разделить с кем-то свою тайну. Попросить помощи, совета, просто поддержки, на худой конец.

Реакция Мег на его сумбурный монолог уверила Ника в том, что он не зря открыл ей свою душу. Ни разочарования, ни насмешки – лишь безграничное сочувствие.

– Ох, Ник, мне так жаль! Проклятия такого рода, высасывающие из человека дар, сами по себе не рассеются, – расстроилась она. – Ты не избавишься от него, пока не найдешь причину. Или же того, кто это сделал.

– Понимаю, – мрачно ответил Ник, наблюдая, как подвыпивший Раск – и когда, спрашивается, только успел? – заигрывает с хорошенькой

официанткой. Сделал хороший глоток пива и отставил в сторону бокал. –
Вот только претендентов – как грязи.

– Знаешь, думаю, я смогу тебе помочь, – задумчиво протянула Мег.

– Эмм... Ты? Прости, как?

– Я могу выбить тебе пропуск в архив.

Ник нахмурился.

– Я уже думал поднять свои старые дела...

– Там есть не только это, – перебила его Меган. – Благодаря пропуску ты получишь доступ к информации, предназначенной для старших инспекторов. Там куда больше данных, которые могут тебе пригодиться.

Ник откинулся на кожаный диван, окрашенный в цвет спелой вишни. Заманчивое предложение... В Департаменте существовала строгая иерархия: Трибунал тщательно контролировал, какая информация в какие руки попадает, ограничивая уровень допуска званием. Все для того, чтобы в рядах Департамента не затесались так называемые оборотни. Не вервольфы – люди, по каким-то своим соображениям вздумавшие помогать отступникам.

– Спасибо, Мег, – выдохнул Ник. – Я... буду очень благодарен, если ты поможешь мне с этим.

Она ободряюще накрыла ладонью его руку. Одиночество ушло, испуганное ее улыбкой.

Глава седьмая

Морриган медленно прохаживалась по квартире сестры, задерживаясь то у стола со сферой, в которой искрилась душа Клио, то у шкафов, где аккуратным рядком стояли многочисленные книги. Никакой развлекательной литературы – сплошь философские труды, учебники по целительству

(единственная магия, которую сестра признавала) и медицинские справочники. Клио постоянно подгоняла саму себя: читала до поздней ночи, зубрила, экспериментировала или часами просиживала у цеури, чтобы узнать самую свежую информацию – новые рецепты целительных зелий, последние медицинские статьи и научные дискуссии.

Морриган поймала себя на мысли, что не думает о Клио как о мертвой. И не только потому, что так сильно любила сестру, что не могла примириться с тем, что ее уже нет... Сдаться можно лишь тогда, когда все способы вернуть Клио будут перепробованы. И пусть Бадб не одобряет выбор дочери, Морриган пойдет до конца.

Она сжала в руках медальон, вызывая в памяти образ Ника. Понадобилось время, чтобы ниточка ментальной магии дотянулась до сознания инспектора. Как только это произошло, Морриган увидела лицо бывшего друга, отгороженное от нее прозрачной стеной.

– Ник, я хочу присутствовать на обследовании тела. – Прежде, чем принять решение о вскрытии, эксперт Департамента обязан был провести полное исследование, чтобы определить возможные наложенные на тело чары. Морриган знала, что оно ничего не покажет – если даже Мир Теней не дал ей ответ, – но было важно помешать проведению вскрытия.

– Морриган...

– Ник, я целый год отлавливала отступников для Трибунала, на который работает и твой Департамент. Клио – моя сестра. Просто помоги мне. Обещаю, что не буду путаться под ногами.

Ник некоторое время молчал, испытующе глядя на нее. В любой другой ситуации он наверняка не позволил бы ей вмешиваться в расследование. Но сейчас, когда дело касалось ее сестры и его подруги...

– Хорошо.

Из груди Морриган вырвался облегченный вздох. Портал-зеркалом она добралась до Центрального квартала. Над входом в здание полицейского

управления Кенгьюбери висело небольшое зеркало, которое на фоне выкрашенной в песочный тон стены выглядело странно.

Морриган раздраженно поморщилась. Прежде зеркалицы были исключительно ведьмами, что заглядывали в Мир Теней для своих собственных нужд или нужд своих клиентов – или, как она, Охотницами, наемницами, которые использовали силу зеркал для поиска отступников. Но, увы, времена меняются, а магические способности при смешении крови имеют свойство слабеть. И те зеркалицы, чьих сил не хватало для мощных чар – а простое наблюдение за Миром Теней выпивало массу энергии, – подались в профессии менее захватывающие и уважаемые обществом, но более безопасные.

Зеркалицы стали работать на Департамент и переквалифицировались в чтиц – агентов, способных считывать изображения со специальных зеркал, установленных у всех важных точек Кенгьюбери. Чтецы и вовсе не гнушались работой охранников в различных заведениях города – от баров до продуктовых магазинов. Это злило Морриган – предать их науку, тонкую и сложную магию зеркальных чар...

Впрочем, каждому – по способностям.

У входа ее ждал Николас. Темно-русые волосы вновь аккуратно уложены, сам он собран и спокоен. Держась рядом с инспектором, Морриган миновала пропускной пункт и углубилась в лабиринт коридоров. Они спускались все ниже, пока не оказались в самом тихом и спокойном месте во всем здании. В морге.

Клиодна лежала на столе. Такая красивая, холодная и безучастная. Настоящая ледяная принцесса. Морриган, не удержавшись, провела пальцем по обескровленной коже щеки, заслужив недовольный взгляд грузного мужчины с темными вихрами – по всей видимости, эксперта по чарам.

– Вескиль, это Морриган Блэр. Морриган...

– Я слышала, – сухо отозвалась она. Вскинула голову, одаривая эксперта изучающим взглядом. – Вы уже приступили?

– Нет, по просьбе Ника ждал вас. – В голосе эксперта отчетливо чувствовалась недовольство. Что это за выскочка, которая вмешивается в рабочий процесс?

– Так я уже здесь.

Ноздри Вескиля гневно расширились. Ник покачал головой, послав ему красноречивый взгляд, и эксперт предпочел оставить свои мысли при себе.

Он простер руки над телом Клио, целомудренно прикрытым простыней. Морриган успела заметить слабое свечение, охватившее его руки от запястий до кончиков ногтей, успела увидеть и сеточку паутинных чар, которые оплели тело сестры. Подобной магией она не владела, поэтому с интересом наблюдала за манипуляциями Вескиля.

То тут, то там по бледно-золотистой паутине пробежали яркие алые всполохи.

– Что они означают? – осведомилась Морриган.

– Попытки воздействовать на ауру погибшей, – буркнул Вескиль, недовольный, что его отвлекают. – Чары, проще говоря.

– И вы можете их распознать?

– Могу попытаться, если ты перестанешь лезть ко мне с пустяковыми вопросами.

Морриган гневно сощурила глаза, но заставила себя успокоиться. В ее интересах понять, какие чары затянули душу Клио в зеркало. Нужно узнать, кто ее убил – чтобы виновный смог сполна за это расплатиться.

Вескиль коснулся одного из ярко-красных сгустков. Тот, превратившись в подобие молниевой нити, послушно перекинулся на руку эксперта. В наступившей тишине Морриган отчетливо слышала стук собственного сердца. Вескиль пристально вглядывался в свою ладонь, которую оплели взятые с тела Клио чары. Всмотривался очень долго – не меньше нескольких минут – прежде чем сокрушенно покачать головой.

– Что это значит? – не вытерпела Морриган.

– Это значит, что я впервые сталкиваюсь с подобными чарами. Точнее... я отчетливо вижу зеркальную магию. Но кроме этого есть еще одно плетение... Похоже на типовое плетение проклятия, но и отличий немерено. Возможно, тот, кто убил твою сестру, сам был носителем проклятия.

– Возможно? – ехидно спросила Морриган. Выдохнула. – Хорошо, но что за проклятие?

Вескиль снова помотал головой.

– От него остался только слабый остаточный след, звенья плетения порваны, недостает слишком многих, чтобы классифицировать проклятие. Я попытаюсь найти совпадения в базе, но шанс очень мал. С такими исходными данными это как искать иголку в стоге сена.

Морриган разочарованно прикрыла глаза. Очередное поражение.

– Вы можете еще что-то узнать? Хоть что-нибудь?

– Боюсь, что нет. До вскрытия – точно нет.

Она быстро кивнула, взглянула на Ника.

– Спасибо. Я... думаю, мне пора идти.

Что-то странное отразилось в его взгляде. Разочарование? Не мог понять, почему Морриган так спокойно восприняла смерть любимой и единственной сестры? Почему так холодна и сдержана? Впрочем, раскрывать карты она не спешила.

Ник кивнул, но провожать ее не стал – задержался, чтобы перекинуться парой слов с Вескилем. Это было Морриган на руку.

Закрыв за собой дверь, она огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что коридор пуст. Вынула из сумки зеркало и свечу, зажгла фитиль одним прикосновением и приблизила свечу к зеркалу. Спустя мгновение в нем отразился верхний план Мира Теней – отражение существующей реальности, в которой все тайное зачастую становилось явным.

Коридор в отражении тонул... нет, не во мраке, как показалось вначале, а в переплетающихся призрачных шлейфах, сотканных, казалось, из самой тьмы.

Энергия смерти, пропитавшая холодные помещения морга, в Мире Теней была видна как на ладони.

Морриган знала, что не добьется новых ответов на мучивший ее вопрос, но сейчас дар зеркалицы нужен был ей для другого.

– *Kes amuada atroin*, – прошептала она.

Дунула на огонек, сравнившийся цветом с Миром Теней и ставший пепельно-серым. Он не погас – напротив, разгорелся с новой силой. Морриган поднесла свечу как можно ближе к зеркалу, опаляя пламенем его поверхность. Зеркальное отражение подернулось рябью, став похожим на озерную гладь. И настал тот миг, когда рука со свечей прошла сквозь зеркало.

Черноволосая девушка в отражении шагнула в ставшую мягкой и податливой как пластилин стену. Настоящая Морриган просто исчезла.

Когда Ник с Вескилем вышли из комнаты, на ходу обсуждая рисунок чар на теле Клиодны, они увидели лишь пустой коридор... и стены, сокрывшие в себе Морриган Блэр. Если бы Ник, поднимаясь по лестнице, обернулся назад, он бы увидел черные глаза, глядящие ему вслед прямо из стены. Она развеяла сопровождающую ее чары полупрозрачную вуаль тэны (взаимодействие, прямой контакт с Миром Теней всегда сопровождался проникновением теневой магии в мир живых), лишая агентов шанса понять, что в Департаменте творили черную магию, пусть и самого низшего порядка.

Когда Ник и Вескиль скрылись, Морриган выскользнула из стены – для этого ей было достаточно просто сделать шаг вперед.

Приблизившись к столу, на котором, как прекрасная жрица, спящая безмятежным и долгим сном, лежала Клио, она поставила рядом вынутую из сумки небольшую сферу с прозрачными стенками. Сдернув с сестры простыню, отбросила в сторону. Положила руки на ледяную кожу Клио и прошептала: «*Eibias amorai*».

Тело сестры растеряло все свои краски – те немногие, что оставила ей смерть, – стало прозрачным, едва осязаемым, а затем... распалось на мириады искр. Искры стали серебристыми бабочками, которые закружились по

комнате, взбивая воздух в невидимую пену. Повинуясь воле Морриган, они выстроились в стройный ряд, и серебристой лентой впорхнули в сферу. Морриган провела пальцами по прозрачным стенкам, запечатывая в ней брешь. Невольно улыбнулась, глядя на медленно кружащихся бабочек.

Клио любила бабочек...

Морриган как-то предложила ей коллекционировать самых красивых из них. Ответом ей был убийственный взгляд – редкий гость на милом личике сестренки, и фраза: «Невозможно восхищаться тем, что мертво». Клио тогда едва исполнилось двенадцать. Было лишь одно исключение из этого правила – их мать, к тому времени прочно поселившаяся в Мире Теней.

Морриган понимала, что сильно рискует, используя запрещенную магию в здании, которое кишело агентами Департамента. Как могла, она развеяла оставленный за собой призрачный след тэны. Впрочем, в этом не было особого смысла – делом Клио занимается Ник, и когда обнаружат, что ее тело исчезло, он узнает об этом первым. И след из тэны ему не понадобится, чтобы сложить два и два.

Морриган беспрепятственно покинула полицейский участок. Пользоваться портал-зеркалом не стала, чтобы лишний раз не попадаться в объективы зеркал агентов Департамента. Придя домой, она выложила на стол обе сферы.

Итак, в ее руках наконец были две половинки одного ключа: душа и тело Клиодны Блэр.

Глава восьмая

Николас был в ярости.

– Что-то не так? – хладнокровно спросила Морриган, когда инспектор ворвался в ее квартиру подобно бешеному вихрю.

– Тело Клио пропало. А затем чтица по зеркалу слежения увидела тебя выходящей из полицейского участка. И произошло это за несколько минут до того, как Вескель обнаружил пропажу. Твоих рук дело?

Будь прокляты эти чтицы.

– Ник, я никогда бы не пошла против Департамента.

– Ой да брось, – зло усмехнулся он. – Ты вообще никогда не считаешься с другими. Ты хоть понимаешь, какие неприятности на нас навлекла? Тело человека исчезло, Мор!

Ник никогда бы не назвал ее именем, которое так ее раздражало. Именем, которое, имея прочную связь со смертью, куда больше подошло бы ее матери, нежели ей самой. А значит, он в ярости. Это плохо, очень плохо. До ярости Ника как таковой Морриган не было никакого дела. Но она украла тело из морга, нарушила закон. Если инспектор Департамента начнет вставлять ей палки в колеса... убийцу сестры она может никогда не найти.

Оправдываться бессмысленно – Ник знал достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы. Если отвести от себя подозрения невозможно, нужно сделать хоть что-то, чтобы оправдать свой проступок. И немедленно. Но объяснять Нику, что она задумала... нет, он никогда этого не поймет.

– Я просто хотела... сделать хоть что-то для Клио... – прошептала Морриган. – Знаю, это противоречит всем мыслимым правилам, но... у нас, у ведьм, свои обряды. Я похитила тело Клио, чтобы... проститься с ней так, как умею.

Морриган не умела плакать. Бадб, которая взяла ее под строгий контроль, всегда говорила: слезы – это слабость. «Каждый раз, когда ты плачешь, ты пробиваешь свой внутренний щит, и не дай бог рядом окажется тот, кто увидит твою уязвимость и воспользуется ею». С самого детства Морриган отучила себя плакать. Превращала свою боль в ярость и крушила все вокруг. Ярость – это сила. Так ее учила мать.

Слеза, покотившаяся по ее щеке, была фальшивой, вызванной магией, и ничем иным. Однако Ник об этом не знал и, встревоженный, растроганный

таким редким для Морриган проявлением чувств, подошел к ней, сгреб в охапку и прижал к себе. От его гнева не осталось ни следа – напротив, от него исходили волны беспокойства и безграничного сочувствия.

Мужчины... Пытаются казаться такими сложными, а на деле – так предсказуемы и просты.

– Но... Морриган... Что, если вскрытие поможет нам найти убийцу? Разве ты не хочешь этого?

– Не поможет, – убежденно сказала она. – Я все перепробовала, и твой эксперт... ты же его слышал. Кто бы ни сотворил это с Клио, он тщательно замел следы. И мне никогда его не отыскать, если только...

– Если только что? – Николас Куин покорно вступил в расставленную для него ловушку.

– Если только я не спрошу об убийце у нее самой. Если церемония прощания с ведьмой пройдет по всем правилам, она никогда меня не покинет – пускай и в обличье духа, но Клио всегда будет рядом со мной.

Ник выглядел сбитым с толку. Не его вина, что большая часть ведьминских секретов навеки так и останется для него секретами. Он не знал даже про Бадб Блэр, которая незримо присутствовала в жизни дочерей, хотя ее жизнь после смерти имела под собой совершенно другую природу. Морриган многое от него скрывала – даже тогда, когда они были очень близки. Впрочем... тайны всегда были неотъемлемой частью ее странной жизни.

– Прости, Ник, что так с тобой поступила. Но я не могла иначе. Я должна была пойти на это – не только ради себя, но и ради Клио.

Морриган надеялась, что ее слова окончательно растопят лед в сердце Ника – ему ли не знать, что извиняться не в ее привычках. И Клио... Она наверняка занимала важное место в его сердце. Клио легко сходилась с людьми. Светлую, искреннюю, так непохожую на сестру-погодку, ее всегда любили.

Ник тяжело вздохнул. Морриган услышала в этом вздохе невысказанное и довольно улыбнулась. В этом раунде победа осталась за ней.

– Тебе нужна помощь? С обрядом? – тихо спросил он.

Совесть кольнула острой иглой – но только на мгновение. Морриган улыбнулась – так искренне, как только могла.

– Я справлюсь, Ник. Спасибо.

Он ушел. Морриган задумчиво повертела в руках медальон, но все же передумала вызывать Джона Гейта. Некоторые встречи нужно решать с глазу на глаз. Накинув на плечи кожаный плащ и вставив в петлю на поясе плеть-молнию, она вышла из дома.

Почти позабытый путь до квартала Одридж, где проживали семьи, находящиеся у самой черты бедности... Еще не нищие, но уже почти отчаявшиеся исправить что-то в своей жизни. Морриган остановилась у деревянного многоквартирного дома, решительно толкнула подъездную дверь. Лестница на ее появление отозвалась недовольным скрипом, перил Морриган старалась вовсе не касаться.

Наверняка большинство здешних жителей подрабатывают донорами для всемирно известной корпорации «Экфорсайз», производящей браслеты экфо. Или, что еще хуже, донорами совершенно неизвестных фирм, которые пытаются повторить успех «Экфорсайз» менее законными методами. Легкие деньги, но взамен – полное магическое истощение. Поэтому у квартирантов не оставалось магии на починку дома – а она была нужна ему как воздух. Стены обшарпаны, в единственном окне зияет прореха, не очень умело залатанная чарами.

Морриган постучалась в нужную дверь. Подождала несколько мгновений, постучала снова. Нетерпеливо вздохнула. Обостренное ведьминское чутье подсказывало: за дверью кто-то стоит. И, судя по медлительности, гостей он не ждет.

– Эмер Гейт, откройте.

За дверью зашевелились. Миг – и снова воцарилась тишина.

Морриган раздраженно фыркнула. Как утомительно – следовать приличиям!

– Эмер Гейт, это Морриган Блэр. – Тишина. – Открывайте, пока я не взорвала эту дверь к чертовой матери!

В замке завожился ключ. Ну наконец-то!

Наконец на пороге показался Джон Гейт. За прошедшие месяцы он еще больше осунулся и как-то... выцвел. И без того блеклые голубые глаза совсем потухли и стали практически белесыми, спускающиеся ниже ушей темные волосы висели неопрятными тонкими прядями, помятая одежда висела как мешок.

– Морриган... – настороженно произнес Гейт.

Она прошла мимо него в квартиру – очень маленькую, скудно обставленную, но на удивление опрятную. Было заметно, что хозяйничала в нем женщина.

– Эльза... Они только с Эммой уснули. Пожалуйста, тише.

Морриган скользнула равнодушным взглядом по закрытой двери, ведущей в соседнюю комнату. Нахмурившись, огляделась по сторонам. Ощущение, появившееся, как только она вошла, обострилось. Тэна... Она не клубилась плотным туманом, как было в день гибели Клио, а висела в воздухе рваными сгустками дыма.

Она не умела создавать След так хорошо, как делал это Ник. Ему ничего не стоило собрать клубки тэны воедино, сплестя из них призрачный шлейф Следа, который вел от источника чар к заклинателю. Но Морриган этого и не требовалось: она знала – заклинатель стоял за ее спиной. Гейт был не слишком одаренным магом и последствия призыва темных чар развеивать не умел.

Идти далеко не пришлось – наибольший сгусток тэны обнаружился у одного из ящиков ободранного, по всей видимости, котенком, комода. Морриган уверенно потянула на себя ящик, игнорируя протестующие вопли эмера Гейта, позабывшего о спящих жене и дочке. Содержимое ящика зазвенело. Изогнув бровь, Морриган изучала взглядом зачарованные кольца,

браслеты, ожерелья для не особо придирчивых покупателей – от них всех фонило запрещенной магией. Разбираться, какие на безделушки наложены чары, она не стала. Будто у нее и без того мало дел.

Развернувшись, Морриган в упор посмотрела на Гейта.

– Взялись за старое? – В ее голосе не было упрека – она ему не мать и не жена, чтобы говорить, как нужно жить. Злило ее другое. – Хотя бы прикрывались получше, что ли. Что, если однажды на моем месте окажется кто-то другой, более... принципиальный?

Некстати на ум пришел Николас Куин. Кто-кто, а он скорее умрет, чем нарушит букву закона. Зануда.

Гейт виновато отвел взгляд.

– Зарабатывать надо. Здесь вечно сыро... Эмма болеет...

– Не давите на жалость, – резко оборвала Морриган. – Сейчас всем нелегко. Вы бы лучше подумали, что будет, если вас поймают Трибунал. Как Эмма в одиночку прокормит дочь?

– Я осторожен. Просто... ты застала меня врасплох.

– Осторожен он, – пробурчала Морриган. Пока Гейт задвигал ящик обратно, поставила легкий экранирующий щит, впитывающий в себя остатки тэны. На какое-то время этого хватит, чтобы ищейки не унюхали у дома Джона запрещенную магию.

Гейт выпрямился, и Морриган поспешно прекратила плетение чар. Не хватало еще, чтобы он решил, будто она проявляет сострадание.

– Зачем ты здесь? – устало спросил хозяин.

– Вернулась за долгом.

– Догадался, – кивнул Гейт.

– Мне нужно попасть в Пропасть, – бросила Морриган, скрестив на груди руки.

На какое-то время он потерял дар речи.

– Но... зачем?

– Не ваше дело, – бархатным голосом отозвалась она.

– Морриган, я... я не знаю, правда... Я слышал о Пропasti, но никогда там не был! Туда попадают только самые привилегированные отступники, если можно так сказать – те, кто обладают необходимой информацией и связями.

– Так найдите мне одного из них! – теряя терпение, воскликнула Морриган.

В соседней комнате послышалась возня и шепотки: Эмма и Эльза проснулись.

– Морриган... – Гейт отступал к стене под ее прожигающим взглядом, глаза его бегали. – Я правда ничем не могу тебе помочь.

Она подлетела к нему, схватила за шею и с силой прижала к стене. Приблизила лицо к его лицу и прошипела:

– Полгода назад я могла сдать вас Трибуналу и получить целую горсть монет, но не сделала этого. Только благодаря мне вы не оказались в тюрьме, а ваша жена – на улице с маленьким ребенком на руках. Не давайте мне повода пожалеть о своем решении... и передумать. Я все еще Охотница, а в вашем доме целая гуща тэны и безделушки, зачарованные запрещенной магией. Мне нужен человек, который покажет мне, где находится эта чертова Пропасть! И вы мне его найдете!

Морриган вовремя ослабила хватку. Отступила на шаг, и в этот момент из комнаты вышла изможденная светловолосая женщина. В руке она держала револьвер. Страшно представить, сколько денег Эльза за него отдала. Судя по всему, квартал Одридж, как и прежде, был одним из самых опасных во всем Кенгьюбери, раз последние деньги Гейты потратили на такую дорогую игрушку.

– Что происходит? – звенящим от напряжения голосом спросила Эльза.

– Просто разговор старых знакомых, – невозмутимо отозвалась Морриган.

Гейт молчал, потирая шею со следами чужих пальцев.

– Джон, что эта девчонка хочет от тебя? – требовательно спросила Эльза, не опуская руки с зажатым в ней револьвером. Морриган даже на миг восхитилась силой духа этой хрупкой с виду женщины.

– Милая, это Морриган Блэр. «Вольная» Охотница. Я рассказывал...

– Я помню.

– Она хочет, чтобы я нашел для нее человека, который проведет ее в Пропась.

– Долги нужно возвращать, – спокойно сказала Эльза, опуская револьвер.

– Но я понятия не имею...

– Дэмьен Чейз.

С лица Гейта сошли все краски. Он испуганно переводил взгляд с жены на Морриган и обратно.

– Милая, я едва рассчитался с ним за тот раз!

– Вы, я смотрю, многим задолжали? – хмыкнула Морриган.

Эльза остановила на ней холодный взгляд.

– Можно поспорить насчет того, насколько позволительно заявляться в мой дом, пугать мою дочь и душить моего мужа...

– Я его не душила.

– ...но мы действительно тебе обязаны. – Она повернулась к мужу. – А значит, мы должны вернуть долг. С Демьеном как-нибудь разберемся. Вызови его.

– Хорошо. – Гейт устало прикрыл глаза. – Я устрою тебе встречу с Демьеном – он отступник и, по слухам, живет в самой Пропасти. Но я не уверен, что он согласится отвести тебя туда.

– Это уже мои проблемы, – пожала плечами Морриган.

– Я найду его, но на это может потребоваться время, – торопливо сказал Гейт. Добавил, заметив ее недовольство: – Клянусь, я не сбегу. Нам... нам просто некуда бежать.

Выбора у Морриган не было. Сухо попрощавшись с супругами, она развернулась, чтобы уйти. И едва не налетела на девочку лет шести, которая вышла из спальни. Светлые волосы, серые глаза, худенькое личико – вся в маму. Бледная, худая и теперь понятно, отчего – Морриган явственно увидела на ее груди темное плетение чар. Людям, не владеющим ведьминским искусством, никогда и ни за что его не заметить.

Простая душница – легкое проклятие, вызывающее слабость и удушающий кашель. Наверняка проделки недоброжелателей или конкурентов Гейта. Морриган нарисовала в воздухе знак очищения и послала его в сторону Эммы. Искорки осели в ее волосах. Проникнув сквозь кожу, они очистят кровь и избавят малышку от проклятия.

Эльза и Джон, к которым Морриган стояла спиной, ее манипуляций не увидели.

– Эмма, иди к себе!

Напуганная тоном матери, девочка скрылась за дверью.

– Дэмьен придет к тебе, но ты больше никогда сюда не приходи, – ледяным тоном сказала Эльза.

Помедлив, Морриган перешагнула порог. Дверь тут же захлопнулась, замок закрыли на три оборота, кажется, еще накинули сверху цепочку. Нелегко приходилось тем, кого практически не защищала магия.

Пожав плечами, она направилась домой.

Глава девятая

Ник и не рассчитывал, что, едва оказавшись в Архиве, в отделе для старших инспекторов, тут же нападёт на след таинственного заклинателя, которые наслал на него забирающие дар чары. Но он никак не ожидал, как много времени уйдёт на то, чтобы просто составить список возможных подозреваемых.

Архив представлял собой лабиринты стеллажей с длинными ящиками, забитыми серебристыми пластинами мемокард, и делился на несколько отделов, отгороженных друг от друга клетками с магическими печатями на двери. Бляха с магическим ключом позволила Нику беспрепятственно проникнуть в нужный ему отдел. Зеркала наблюдения были только на входе, в охранниках не было нужды: признаться, в Архив заглядывали редко, в основном, чтобы оставить в недрах ящиков записанный на мемокарде отчет. Тем не менее, Меган пошла на должностное преступление, предоставив ему пропуск в отдел старших инспекторов.

Ник был безмерно благодарен. Даже если вылазка в Архив не поможет продвинуться в деле, поддержка и искреннее участие – бесценно. А потому Ник не нашел ничего лучше, чем в качестве выражения благодарности пригласить Мег в фешенебельный ресторан... и вздохнул с облегчением, когда она в свойственной ей мягкой манере отказалась: сейчас было совсем не то время, чтобы думать о свиданиях и интимных разговорах в полумраке...

Ник находил информацию о расследованных им когда-то делах и скрупулезно выписывал имена, пытаясь найти ниточку, которая приведет его к заклинателю. Кенгьюбери – один из немногих городов, где существовала смертная казнь, еще двадцать лет назад узаконенная префектом Делспано. А потому нескольких человек он вычеркивал из списка сразу же, как только они туда попадали.

Минуты превращались в часы, и Ник все отчетливее понимал, что его затея не увенчается успехом. Из всего составленного им списка не было ни одного человека, подходящего на роль заклинателя. Неудивительно: те, кого он арестовывал, обычно так скоро из тюрьмы не выходили – его отдел специализировался на убийствах с применением черных чар.

Усталый взгляд упал на стопку мемокард, веером рассыпанных по столу: записи старших инспекторов Департамента, в том числе и Меган Броуди, сделанные во время расследования того или иного дела. Ник прикоснулся к одной из пластинок, читая проступившие на ней слова. Раздраженно выдохнул, так и не найдя того, что искал, и кинул мемокард на стол. Его план, пусть не идеальный и – прямо скажем – сомнительный, с треском провалился.

Выйдя из Архива, Ник коснулся рукой медальона. Из глубин памяти всплыл образ Мег и как только она отозвалась, Ник знаком стер ее лицо, оставив только голос, нашептывающий ему в уши – делать их разговор достоянием общественности не хотелось.

– Ну что? – встревоженно спросила она. – Удалось что-нибудь узнать?

– Нет, Мег, ничего, – сокрушенно признался Ник. – Конечно, я еще попытаюсь – приду сюда завтра и проверю все с самого начала, но... Мне кажется, что все это впустую.

– Ох, Ник, мне так жаль. Я правда хотела тебе помочь...

– Я знаю. И очень тебе за это благодарен.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь болтовней случайных прохожих. Даже не видя лица Мег, Ник хорошо себе его представлял: сочувственный взгляд, опущенные вниз уголки губ.

– Что будешь делать? – тихо спросила она.

– Пока не знаю. Для начала отдохну. Может, что-нибудь путное в голову и придет.

– Я... – Мег вздохнула. – Увидимся завтра, да?

– Да. Увидимся завтра.

Разрывая связь, Ник думал о том, что впервые за полтора года их знакомства соврал Меган. Он прекрасно знал, что делать и куда идти.

Когда закон оказывается бессилён, на помощь приходит магия.

Портал-зеркало перенес его в квартал Цеури – небольшой участок на окраине города, где гордо возвышалось одно-единственное здание. Нику не

раз приходилось обращаться к цеури, когда он заходил в тупик, расследуя очередное дело. Но они до сих пор внушали ему трепет, который обычно испытываешь от столкновения с необъяснимым. Вот и сейчас он на мгновение застыл в нескольких шагах от высокой башни, возвышающейся посреди зеленого луга.

Такая башня была в каждом городе, в каждой стране. И, что удивительно, попав в любую из них, человек видел одно и то же лицо встречающей его цеури. Это всегда была красивая темноволосая девушка с тонкими чертами лица и холодными глазами, которые не закрывались ни на миг.

Сколько догадок было высказано по этому поводу! Всех цеури сначала считали близнецами, но узнав, сколько их, мнение изменили. Еще одно предположение заключалось в том, что цеури заколдованы, благодаря чему их дочери вырастают их точной копией. Но чаще всего высказывалась мысль, что цеури – эта одна и та же девушка, создавшая миллионы собственных иллюзий. Как бы то ни было, узнать правду так никто и не смог.

Единственный вопрос, который цеури задавать было бессмысленно.

Преодолев невольный ступор, Ник приблизился к двери башни. Послал сущность воздуха в отверстие со струнами и как только раздалась приятная мелодия, дверь тут же исчезла. Посреди совершенно пустого пространства башни, сцепив руки на животе, стояла цеури в белоснежном платье. Ее глаза из-за постоянно поднятых век казались кукольными. Неуютно ощущая себя под пристальным взглядом немигающих глаз, Ник произнес традиционную фразу:

– Я хочу поделиться своими воспоминаниями.

– Конечно, – кивнула хозяйка башни. – Подойди ближе.

Как только Ник приблизился, цеури положила руки на его виски и заглянула в глаза. Впитывала знания, опыт, воспоминания – плата за возможность задавать вопросы. Цеури работали как живые мемокарды, считывающие информацию прямо из человеческой головы. Приходя к ним, человек делился пережитым, простым усилием воли скрывая сокровенное,

личное. А в обмен получал воспоминания людей по всему миру, которые могли дать ответ практически на любой вопрос. На всех сотрудников Департамента – для надежности – накладывали особые чары, которые при всем желании не позволили бы агенту открыть цеури информацию о расследуемых им делах.

Ник не мог ни пошевелиться, ни отвести взгляд, но неприятных ощущений не было – лишь легкая щекотка в голове. И все же, когда цеури отстранилась, с его губ сорвался облегченный вздох.

– Что бы вы хотели узнать взамен? – все тот же мелодичный, но лишенный всяческой эмоциональной окраски голос.

– Я хочу знать о сивилле из Кенгьюбери.

Прежде Ник предпочитал решать проблемы собственными силами, без помощи таинственной колдуньи, которая умела читать прошлое, настоящее и будущее. К тому же, как показало одно-единственное посещение сивиллы в маленьком городке Тенге, слухи об их мастерстве предсказания были весьма преувеличены. Сивилла из Тенге любила говорить загадками и иносказаниями, окутывая крохотное зерно истины в кружевную вязь слов. Тогда это не вызвало ничего, кроме раздражения – выплатив причитающиеся предсказательнице деньги, Ник навсегда покинул ее дом.

И вот теперь он по собственной воле идет к той, кому почти не верит. Впрочем... говорят, отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Цеури вновь прикоснулась пальцами к его вискам. В сознание Ника ворвались потоки чужих воспоминаний. Почти все они были для него абсолютно бесполезны – разговоры, в которых упоминалось слово «сивилла», но потом... Сцена глазами девушки – он, конечно же, не видел ее лица, ведь этим воспоминанием незнакомка поделилась с цеури сама, а значит, была свидетелем этих событий, – но слышал ее голос. Подруги, сидящие перед ней за столиком в летнем кафе, внимали каждому ее слову. А незнакомка захлеб рассказывала, как сивилла из квартала Алайя помогла понять, что на ее дочурке, которая проболела всю прошлую зиму, лежит проклятие – постаралась соперница, у которой рассказчица увела парня.

Проклятие... То, что нужно.

– Она, – хрипло сказал Ник. – Мне нужно ее воспоминание, чуть раньше.

Цеури не сделала ни единого движения, но воспоминания в голове Ника изменились. Все тот же голос – чуть хриловатый, взволнованный, а напротив уже не девушки из кафе, а худая женщина со светлыми глазами и удлинённым лицом.

– Могу я узнать ее фамилию? Улицу, где она живет? – Ник знал, что в этот момент цеури видит то же, что и он сам, будто разделяя на двоих одно воспоминание.

Она покачала головой, ответив:

– Эта информация закрыта.

Вряд ли незнакомка не захотела ею делиться. Скорее, просто не запоминала адрес и не произносила его, а сивиллу называла просто «сивиллой».

Ник на мгновение задумался.

– Хорошо. Тогда мне нужно ее воспоминание за пять минут до этого. Должно быть что-то. Улица, по которой она шла. Что там находилось?

– Еще одно воспоминание, – потребовала хозяйка башни.

Ник вздохнул. С цеури никто не спорил.

И когда она снова прикоснулась к его вискам прохладными пальцами, он отдал еще неиспользованное – цеури любого из городов старые воспоминания не интересовали – воспоминание о вечере с Раском, Глеманном и Мег. Но только до момента, когда он во всем ей признался. Ник понятия не имел, кому и зачем оно могло понадобиться, но... цеури тоже никогда не оспаривали плату. Видимо, даже кажущееся мелочным и бесполезным, такое воспоминание могло кому-то помочь. Ну... например, какому-нибудь шутнику, у которого иссякли запасы скабрёзных анекдотов.

Не говоря ни слова, цеури показала еще один небольшой фрагмент из жизни незнакомки с больной дочкой. Ник увидел главную улицу квартала

Алая, а полминуты спустя узнал, что хозяйка воспоминания вошла в пятый со стороны моста дом.

Кивком простившись с цеури, он покинул стеклянную башню.

Направляясь к портал-зеркалу, гадал: сможет ли сивилла ему помочь? Что увидит, взглядевшись в глаза человека, который медленно утрачивал данный ему с рождения дар?

Как бы то ни было, сивилла, возможно, оставалась последней его надеждой.

Глава десятая

Бадб, вновь сменившая обличье ворона на обличье человека, до хрипоты убеждала дочь, что ее затея обречена на провал.

– Пойми, Клио может сойти с ума от воздействия настолько мощных чар!

– Она сильная, мама. А еще, позволь напомнить, она ведьма. Сила, которую ты передала Клио при рождении, ее защитит.

– Ты ее мучаешь...

– Клио мертва, – оборвала мать Морриган. – И если я ничего не предприму, мертвой она и останется. А ты убеждаешь меня прекратить бороться. Я никогда на это не соглашусь.

Леди Ворон сложила руки на груди и пронзила дочь тяжелым взглядом.

– Но с моей смертью ты смириться смогла.

– С тобой все было иначе, – отрезала Морриган. – У меня не было ни твоего тела, ни души, и ты... ты совсем другая. Для тебя смерть – привычное явление, магия смерти – твоя родная стихия. Клио... более чуткая, более впечатлительная. Ты представляешь ее, бредущую среди духов по Миру Теней?

Морриган резко качнула головой. Нет. Она этого не допустит – во всяком случае, не сейчас. Смерть всегда одерживает вверх над жизнью, но так быстро Клио она не получит.

Упрямство матери злило. Бадб сама признавалась Морриган, что ей часто снятся кошмары, мучают галлюцинации – так смерть пытается затянуть ее в свой омут, оборвать последнюю нить, связывающую ее с миром живых. А хрупкой и нежной Клио всего шестнадцать лет...

– Морриган, ты строишь воздушные замки. Ты даже еще не знаешь, где искать бокора!

– Узнаю. Ты переживаешь за нее или за себя, что снова останешься в одиночестве, если я не выпущу душу Клио из сферы на волю? – холодно спросила Морриган.

Леди Ворон приняла оскорбленный вид.

– Клиодна – моя дочь.

– И моя сестра, – парировала Морриган. – И если есть хоть один шанс вернуть ее к жизни, я готова вывернуться наизнанку, нарушить все мыслимые законы Трибунала, но сделать это.

Их жаркий спор прервал стук в дверь. Напоследок наградив дочь недовольным взглядом, Бадб обернулась вороном и улетела в открытое окно. Морриган проводила ее взглядом прищуренных глаз, и только после этого отперла дверь.

Она ожидала увидеть Ника, Гейта или трибуна, принесшего ей, как официально зарегистрированной в канцелярии Трибунала Охотнице, заказ на очередного отступника. Вместо этого она увидела высокого незнакомца с коротко остриженными и бритыми по бокам темными волосами. Крепкие руки в карманах кожаной куртки, расстегнутая на груди рубашка, обнажающая татуировку-символ на шее и часть другой, уходящей на торс – распахнувшего пасть черно-белого тигра. Холодный прищур серых глаз делал похожим на хищника и самого владельца тату. Молодой – на вид лет девятнадцать-двадцать – он источал отчетливое ощущение внутренней силы.

– Дэмьен Чейз? – поняла Морриган.

Выдержала его взгляд. «Не на ту попал, милый. В гляделки я могу переиграть и самого дьявола».

Усмехнувшись своим мыслям, он вынул руки – запястья оплетали татуированные змеи, чьи головы весьма красноречиво заканчивались у фаланг средних пальцев – и прошел мимо нее в дом. Не спрашивая разрешения, вольготно расположился в кресле. Обескураженная такой наглостью, Морриган, красноречиво изогнув бровь, смотрела на гостя.

Дэмьен в свою очередь без стеснения изучал ее. Насмешливо заметил:

– Что-то ты слишком маленькая для Охотницы.

– Маленькая? – вспыхнула она. Усилием воли подавила возмущение, поняв, что именно этого Дэмьен и добивался – вывести ее на эмоции. Сказала подчеркнуто хладнокровно: – Мне рано пришлось повзрослеть. Как, полагаю, и тебе.

– Вольная? Что-то многовато нас в последнее время развелось.

Морриган неопределенно повела плечом. Люди – вестники перемен. А этот мир давно уже изменился.

– Зачем ты хотела меня видеть?

– Я хотела видеть того, кто покажет мне вход в Пропась. Если, конечно, она – не миф.

– Как я понимаю, других кандидатов в проводники у тебя нет, – пожал плечами Дэмьен. – Тогда вопрос: с чего ты взяла, что я тебе, Охотнице, открою вход в обитель отступников? Чтобы ты переубивала половину или всучила в лапы шавкам Трибунала, торопясь выслужиться перед ними?

– Я никогда ни перед кем не выслуживаюсь, – процедила Морриган, но ее протест нахала только позабавил. – И если твое имя заставило Джона Гейта побледнеть, думаю, ты успел заслужить определенную репутацию. Но как видишь, вызывать трибунов я не спешу.

– Слабое утешение.

Внутри медленно поднималась волна раздражения. План Морриган и прежде казался трудновыполнимым, но проводник ей попался куда более несговорчивый, чем она предполагала. Впрочем, что с него взять? Дэмьен был отступником. Бесцеремонным, беспринципным, готовым идти против правил... но защищать свою стаю.

– Я тебе хорошо заплачу. Деньгами, чарами – чем угодно.

– Чем угодно, говоришь? – хмыкнул Дэмьен. Окинул Морриган с ног до головы оценивающим взглядом, словно впервые ее увидел.

– Сотри ухмылку со своего лица, иначе я сделаю это за тебя, – прошипела она. Да, не слишком разумно ссориться с пока единственным информатором, но... Как же он раздражает!

На лице Дэмьена Чейза отразилась скука.

– Разговор окончен. Мне это не интересно.

Он резко поднялся и направился в сторону двери. Морриган не могла позволить ему уйти. Ей нужен был бокор. Ей нужен был путь в Пропать.

Ей нужна была сестра.

– Стой! – В отчаянной, злой попытке задержать Дэмьена, Морриган схватила его за руку.

И в тот же момент была отброшена к стене мощнейшим магическим импульсом.

Мгновения полета оборвались, когда ее голова со стуком встретила со стеной. Но прежде она увидела глаза стремительно оборачивающегося к ней Дэмьена. И готова была поклясться – они полыхали алым пламенем.

В воздухе повисло плотное облако тэны. В голове помутилось. Как только мир перестал вращаться и раздваиваться, Морриган вскочила на ноги. Выхватила плеть-молнию, и, подскочив к Дэмьену, ударила его молниевым разрядом. Еще, и еще раз. Падая, он прохрипел:

– Прекрати...

– Прекратить? – Она была вне себя от ярости. – Eskies tala!

Дэмьен отлетел назад и впечатался головой во входную дверь. Такая сладкая месть... И прозрачный намек – выход прямо перед тобой, больной ублюдок!

Он выставил ладонь, жестом прося ее остановиться. Помотал головой, приходя в себя. Странно – глаза нормального, серого оттенка. Но Морриган могла поклясться – увиденное не было плодом ее воображения.

– Подожди, я... Прости.

Морриган уже ничего не понимала.

– Никогда не касайся меня так резко, слышишь? – глухо сказал Дэмьен.

– Это что, какая-то патология?

– Просто защитная реакция, – бросил он, тяжело поднимаясь с пола.

Морриган нервно рассмеялась. Ну уж нет – произошедшее никак не укладывалось в рамки понятия «просто защитная реакция». Это какие-то сверхчеловеческие рефлексы! Она же видела все своими глазами: стоило ее пальцам коснуться его руки... и в следующее же мгновение ее отбросило назад магическим импульсом – невидимым, но хорошо осязаемым ударом.

– Теперь мне хочется, чтобы ты ушел.

– Я же извинился.

– Иногда этого бывает недостаточно, – холодно сказала Морриган, все еще ощущая пульсирующую боль в затылке.

Пожав плечами, Дэмьен развернулся, чтобы уйти.

– Впрочем... Если ты покажешь мне, где находится вход в Пропась... – вкрадчиво начала она.

– То, что я воспринял тебя как угрозу и малость переборщил с чарами, еще не означает, что я готов загладить свою вину, впустив тебя в Пропась. Я лишь удостоверился в том, что для ее обитателей ты опасна.

– Ах, ну да конечно. Если не быть покорной овечкой и смиренно терпеть, пока тебя бьют – значит, быть опасной, то я согласна, – ядовито сказала

Морриган. Прикрыв глаза, медленно выдохнула. – Дэмьен... Мне нужна твоя помощь.

Просить казалось унижительным, но... «Ради Клио, – стучало в голове, – только ради нее».

– Это касается моей сестры. Она мертва, но...

На лице, будто состоящем из одних острых углов, промелькнуло подобие заинтересованности. Морриган поспешила этим воспользоваться.

– Есть шанс, что ее смерть можно... скажем так, предотвратить.

– Предотвратить, если она уже случилась? – изумился Дэмьен.

– Клио, как и я – потомственная черная ведьма...

Он вскинул брови.

– Ты – черная ведьма и при этом Охотница? Не кажется ли тебе это лицемерием?

– Не кажется, – отрезала Морриган. – Для Трибунала я – зеркалица, вполне себе законопослушная белая ведьма. Но по своей природе... я та, кто я есть. И наша с Клио маленькая особенность дает нам некоторые преимущества – нас не так-то просто заставить покинуть мир живых. У меня есть ее тело, есть ее душа, которую я вытянула из чертового зеркала... неважно. Теперь мне нужно отыскать бокора. Я знаю, что они скрываются от Трибунала в Пропasti.

– Как и все прочие отступники, – сухо отозвался он.

– Дэмьен, пожалуйста. Я никому не причиню зла. Мне нет дела до тех, кто прячется от Трибунала. На кону стоит жизнь Клио. Я иду в Пропасть не как Охотница, а как обычная девушка, которая хочет вернуть сестру к жизни.

Какое-то время Дэмьен пристально изучал ее лицо, будто пытаясь заглянуть в самую ее душу. Затем сказал, правдоруб чертов:

– Есть в тебе что-то... странное. Не внушающее доверие.

Морриган лишь бесстрастно пожала плечами.

– Меня воспитала мертвая женщина, прославившаяся талантом развязывать войны одним взмахом ресниц. Мне положено быть странной. И не внушающей доверия.

Дэмьен понимающе усмехнулся.

– Покажи мне твою Клио.

– Что? – Морриган задохнулась.

– Покажи. Мне. Свою. Сестру. Ты сказала, что у тебя есть ее тело. Я хочу удостовериться, что это не вранье.

Ей совсем не нравилось происходящее. Мало того, что она и так рассказала Дэмьену – незнакомцу! – больше, чем знал тот же Ник, так она еще и должна была показать ему самое сокровенное, не предназначенное для чужих глаз – тело мертвой сестры.

– Если я покажу тебе ее, ты отведешь меня в Пропасьть?

– При одном условии. – Серые глаза сощурились. – Перед путешествием в Пропасьть я нанесу на твою кожу печать, которая заблокирует твою черную магию – белая, так и быть, останется при тебе.

– То есть я окажусь практически безоружной среди отступников? И стоит тебе шепнуть кому-то, что я – Охотница, и меня тут же разорвут на мелкие клочки? – холодно усмехнулась Морриган.

– Видишь, – усмешка Дэмьена была не теплее ее собственной, – мы оба рискуем.

Играть по чужим правилам – что может быть унижительнее для ведьмы? Но если от этого зависит жизнь Клио...

– Хорошо. Я согласна на это условие.

– Но ты еще не выполнила первое.

Морриган пробормотала себе под нос нецензурную фразу, но Дэмьен даже ухом не повел. Его лицо вообще казалось высеченным из камня – бесстрастное, со скудной мимикой. Впрочем, Морриган и сама не могла похвастаться широким спектром эмоций в своем арсенале. Ведьминская

сущность, взросление под надзором устрашающей Бадб Блэр, а после – среди грубоватых охотников за головами, наложили свой отпечаток. Наверняка и Дэмьен Чейз – молодой отступник с каменным лицом, полыхающими когда им вздумается алым глазами и невероятными рефлексами – хранил в своей душе немало тайн.

Морриган жестом велела Дэмьену следовать за ней. Подошла к столу, коснулась лежащей на нем сферы, снимая защиту. Рой серебрястых бабочек взлетел к потолку, чтобы мгновениями спустя опуститься вниз и образовать лежащую на полу человеческую фигуру. Клио спала безмятежным сном, даже не догадываясь, какая борьба развернулась за ее жизнь.

– Красивая, – равнодушно сказал Дэмьен. Чужая смерть его не пугала – наверняка и ему приходилось терять близких и родных.

– Очень, – прошептала Морриган, глядя на миловидное личико сестры. Ей всего шестнадцать, а она уже мертва. Встряхнула головой, сбрасывая оцепенение: – Так ты мне поможешь?

Тяжелый взгляд глаз цвета пасмурного неба. Короткий кивок.

– Помогу.

Глава одиннадцатая

Для похода в Пропась Морриган оделась в своем привычном, броском стиле – но так, чтобы как можно меньше походила на Охотницу, которая вздумала наведаться в убежище своих заклятых врагов. Или, точнее, жертв, которые привыкли считать врагом ее. Остановила выбор на обтягивающем черном платье, целомудренно прикрывшем ноги до колен, но полностью открывающем спину. Вдела в уши длинные серьги и, взглянув в зеркало, удовлетворенно хмыкнула. Теперь никому и в голову не придет заподозрить в ней Охотницу.

Морриган переложила во вместительную кожаную сумку обе сферы, зеркала, набор длинных свечей в коробке, пахучие травы, чехол с эликсирами и верную плеть-молнию. Дверь на этот раз она заперла магической печатью – кто знает, сколько времени уйдет на поиски бокора?

Дэмьен ждал ее снаружи – прислонился к стене дома, скрестив руки на груди. Челюсти крепко сжаты, так, что вырисовалась четкая линия, прищуренные глаза изучают прохожих, бредущих по вечернему городу.

– Давно здесь не был? – поинтересовалась Морриган.

Дэмьен коротко взглянул на нее, но ничего не ответил. Она фыркнула. Не больно-то и хотелось вести светскую беседу. К тому же, все ее мысли сейчас всецело принадлежали Клио... и тому месту, куда они сейчас направлялись.

Пропась. Пристанище отступников, избежавших наказания Трибунала или практикующих черных магов, ведьм и колдунов, которым хотелось творить чары, не попадаясь на глаза служителям закона. Убежище отщепенцев, отбросов цивилизованного общества, ставящего белую магию во главу угла и избегающего магию черную. Общества, которое боялось нарушать запреты.

Морриган с детства слышала самые разные байки о Пропаси, которая не существовала ни на одной карте Кенгьюбери. То ею провозглашали некий храм, который окружали настолько мощные чары, что делали его совершенно невидимым для посторонних глаз. То Пропасью назывались тоннели канализации, в которых и прятались отступники – пожалуй, самая беспомощная из всех возможных версий: если обитель беглых магов можно было найти, просто спустившись под землю, то почему ни Трибунал, ни Департамент еще этого не сделали?

И только Бадб, которая в обличье ворона путешествовала по всему Кенгьюбери, проникала в самые секретные и темные его уголки, и, оставаясь незамеченной, подслушивала людские разговоры, приоткрыла для дочери завесу тайны. В Пропаси, в отличие от тщательно контролируемого Трибуналом Кенгьюбери, царила полная вседозволенность – когда дело касалось черных чар. Там действовали другие законы: ни агентов

Департамента, ни трибунов – правосудие вершили короли города. На поддержание чар, защищающих Пропась от вторжения чужаков, уходили огромные силы, но только так можно было сделать ее надежным убежищем, гарантируя отступникам свободу и безопасность.

Даже душа Бадб в эфемерном теле ворона не сумела проникнуть сквозь оберегающий Пропась барьер. И что самое любопытное, каждый день вход туда менял местоположение. Залатанная иллюзией дверь в Пропась пряталась то у лодки в бухте на юге города, то на черном рынке, умело маскирующемся под обычный, где из-под прилавка торговали амулетами с запрещенными чарами вроде тех, что делал Джон Гейт. Иной раз выбравшиеся в Кенгьюбери колдуны приводили Леди Ворон к неприметному домишке – по всей видимости, принадлежащему одному из посвященных в тайны Пропаси, – где и скрывался вход.

Затем колдуны плели странные, незнакомые Бадб чары, и иллюзия развеивалась, открывая лестницу вниз. Что было там, у ее подножья, Леди Ворон увидеть так и не смогла – когда она в обличье чернокрылой птицы решила нырнуть вниз, она больно ударилась о пол, сомкнувшийся над головами ушедших.

Неудивительно, что отступники так трепетно хранили тайну своей обители. Тем поразительней, что Морриган – Охотнице, наемнице, получающей заказы на поимку отступников напрямую от Трибунала, выпала возможность увидеть легендарную Пропась. Главное, чтобы Дэмьен поверил ей и не обманул, натравив на нее одержимых мстью ведьм и колдунов. От этого зависели жизни двух людей – и самой Морриган, и Клиодны. Даже если – при самом худшем раскладе – сил Бадб хватит, чтобы вытянуть их в царство мертвых... Морриган могла представить себя там, в этой мерзлой безжизненной серости, в кратких моментах в мире живых – в обличье ворона, змеи или волка... Но для хрупкой Клио такой участи она не хотела.

– Для девушки, которой нужна помощь, ты оделась соответствующе, – с одобрительной усмешкой заметил Дэмьен.

– Не хаами, – бросила Морриган.

Он оттолкнулся от стены.

– Дай руку, нужно поставить печать.

– И что? Она заблокирует всю мою магию? – недовольно спросила Морриган.

– Не всю. Только способность к наложению черной – чтобы ты не смогла убить никого из моих знакомых или друзей. Убить, отдать в жертву своей богине или что еще вы, Охотницы и черные ведьмы, делаете с людьми.

Морриган закатила глаза. При других обстоятельствах Дэмьену пришлось бы узнать, что значит насмехаться над черной ведьмой. Увы, он пока еще был ей нужен.

Дэмьен коснулся ногтем кожи у локтя – повыше спрятанных сейчас личностных татуировок. Вслед за его, вроде бы мимолетным, прикосновением пришла жгучая боль. Стиснув зубы, Морриган терпела – таким, как Дэмьен, ни в коем случае нельзя показывать свою слабость, даже вполне оправданную. Не прошло и минуты, как на ее коже образовался причудливый узор из густо-черных линий. Тэны не было – надо же, отступник откуда-то знал белые чары...

– Я поставил метку, – с ленцой сказал Дэмьен. – Печать рассеется сама по себе, когда окажешься рядом с домом. Мне придется завязать тебе глаза.

Не успела Морриган и рта раскрыть, как на ее лицо опустилась черная повязка, плотно закрывшая глаза. Мелькнуло машинальное: «Хорошая иллюзия – ткань, как настоящая». Чуть запоздав, пришло возмущение.

– Мог бы и предупредить!

– Я предупредил, – невозмутимо отозвался Дэмьен. – Разве нет?

Морриган резко выдохнула воздух через ноздри. Ничего, терпеть общество бесцеремонного отступника ей осталось недолго.

Поскольку Дэмьен, совершенно не беспокоясь о реакции прохожих, накинул на нее иллюзию прямо посреди улицы, а затем еще несколько шагов вел вперед, придерживая за локоть, она понятия не имела, где именно

прятался вход в Пропась и что сделал Дэмьен, чтобы его открыть. И когда повязка слетела, превратившись в тонкую нить остаточной энергии, Морриган уже находилась в Пропаси.

Она ожидала увидеть подземные тоннели, путаную сеть пещер или даже каменную громаду иллюзорного форта. Но реальность превзошла все ее ожидания. Перед Морриган раскинулся огромный город, самый необычный и поражающий воображение из всех, в которых ей, странствующей наемнице, довелось побывать.

Из земли вверх поднимались скальные столбы, на которых стояли каменные дома всех форм и размеров. Разбитый на островки, связанные между собой перекинутыми через пропасть мостами, город казался многослойным – некоторые островки имели несколько ярусов, соединенных друг с другом каменными лестницами. Лестницы уходили вниз, туда, где чернела пропасть – непроницаемая бездна, очевидно, и давшая название этому странному подземному городу.

В центре, отгороженный от всех окрашенной мраком бездной, на обособленном островке высился настоящий замок с башнями и колоннадами. Здесь было достаточно света – его обеспечивали пять небольших солнц, парящих в «небе» подземелья – по одному на каждую из частей Пропаси, включая и замок в самой его сердцевине.

– Вау, – коротко резюмировала Морриган.

Дэмьен усмехнулся и направился вниз по ведущей к подножью города лестнице. Перила совсем тонкие, перепрыгнешь – и отправишься в долгий полет до самой бездны. Морриган порывалась спросить Дэмьена, что находится там, внизу, но передумала. Была уверена, что он попросту ей не ответит. Все-таки здесь, в Пропаси, она – лишь незваный гость. Чужачка.

Ступени после сотой она сбилась со счета и просто с интересом озиралась по сторонам. Еще одна лестница, теперь уже наверх... Перейдя через мост над пропастью, они достигли одного из островков. Морриган застыла, разглядывая башню, изрешеченную вытянутыми стрельчатыми окнами, в которых мелькали человеческие фигуры. Башня возвышалась над

протяженной площадью, шумной и многолюдной – казалось, здесь было больше народа, чем на главной площади Кенгьюбери.

Жители Пропasti оказались весьма колоритны. За несколько минут пребывания в подземном городе Морриган успела увидеть леди в шляпке с перьями и платье с длинным шлейфом, который придерживала измученная служанка; дикарку в рваной юбке, с обнаженной грудью и костяными бусами на шее; беловолосую незнакомку в простом платье, к которой жался внушительных размеров волк, и худого как скелет бритоголового колдуна с совершенно белыми глазами и лицом, украшенным узором из синей краски.

Стучали о каменную кладку каблуки дам, одетых и по последней моде Кенгьюбери, и облаченных в старинные одеяния вроде балахонов с капюшонами, низко надвинутыми на лоб. Запах дорогих духов... и плотное облако тэны, повисшее над головами людей – никому и в голову не приходило развеивать ее, ведь прятаться в Пропasti не от кого. Да и вряд ли здесь вообще бывали такие, как Морриган – те, кто умел чувствовать и распознавать тэну.

«Абсолютная вседозволенность», – вспомнились ей слова Бадб. Наверное, это очень соблазнительно...

Остановившись в центре площади, Дэмьен развернулся к Морриган и насмешливо сделал приглашающий жест.

– Добро пожаловать в Пропасть.

С трудом удержавшись от того, чтобы в очередной раз не закатить глаза, она спросила:

– Ты ведь не первый год здесь живешь, верно? Ты должен знать хотя бы одного бокора.

– Может быть, – пожал плечами Дэмьен. – Ну пока.

Он развернулся и попытался затеряться в толпе прохожих. Морриган остолбенела от такой наглости. Она привыкла, что мужчины охотно идут ей навстречу, но Дэмьен, хоть и провел ее в Пропасть, к судьбе Клио остался совершенно равнодушен. Впрочем, отчасти Морриган его понимала. Кому, как

не ей, знать: доброта в этом мире выжить не поможет, а вот эгоизм – лучший способ достичь своих целей, не отвлекаясь на чужие проблемы.

Вот только Дэмьен еще не знал, что от Морриган Блэр избавиться не так-то просто.

Она догнала его, ловко лавируя на высоченных шпильках между спешащими куда-то людьми. Уже протянула руку, чтобы коснуться плеча Дэмьена, затянутого в кожу, но вовремя вспомнила его неконтролируемую вспышку – то ли чар, то ли эмоций. Ускорив шаг, поравнялась с ним и резко спросила:

– Чего ты хочешь?

– Что, прости?

Своего Морриган добила – Дэмьен остановился.

– Мне нужен бокор, – заставляя себя быть терпеливой, вкрадчиво сказала она. – А ты знаешь, где его искать. Так будь ласков, скажи мне.

– Ты ведь не отвяжешься, да? – мученически вздохнул Дэмьен. – Что, будешь преследовать меня в кошмарах? Или что вы там, ведьмы, творите на досуге с невинными людьми?

– Ты живешь в Пропasti. Ты лучше меня знаешь о ведьмах. А менее невинного человека, чем ты, и представить сложно, – ядовито парировала Морриган. – А теперь, будь добр, сэкономь нам обоим время. Просто скажи мне, где искать бокора.

– Девчонка, ты мне надоела, – устало бросил Дэмьен.

Морриган задохнулась от возмущения. Испепелить бы зарвавшегося нахала на месте! Заодно и репутацию безжалостной черной ведьмы подтвердит. Жаль, ей все еще нужна была помощь проводника. Если она будет бродить по Пропasti и приставать к людям с вопросами, рано или поздно кто-нибудь заинтересуется, кто она такая и что здесь делает. Один взгляд на татуировки на руке, и о ее профессии узнает вся Пропасть.

– Дэмьен... – Голос Морриган звенел от тщательно скрываемого гнева.

– Слушай, я не люблю Охотниц. Ясно? Свое дело я сделал. Ты уже мне задолжала, больше взять с тебя нечего.

– Чего ты хочешь? – не сдавалась Морриган. Не может такого быть, что человека нельзя подкупить. – Денег? Силы? Я могу поделиться с тобой частью своей силы...

– Чтобы ты оставила меня в покое. Вот чего я хочу.

Засунув руки в карманы кожаной куртки, Дэмьен направился прочь.

Морриган смотрела ему вслед, закипая от злости. Пришлось призвать на помощь всю свою силу воли, чтобы не наслать на отступника какое-нибудь проклятие. Она медленно разжала руки, сами собой сжавшиеся в кулаки. На ладонях отпечатались полукружья ногтей.

Глава двенадцатая

Морриган не могла отождествлять Пропасть с ее родным Кенгьюбери – слишком уж подземный город был иным и... чужим. И она сама была здесь чужой. Взгляды прохожих жгли затылок, кто-то и вовсе открыто ее рассматривал. Ускорив шаг, Морриган нырнула в проулок между двумя домами с покатыми крышами. Выглянула из своего укрытия и несколько мгновений просто наблюдала за людьми.

Первое, что нужно сделать, чтобы не выделяться из толпы – одеться соответствующе. Большинство жителей Пропasti одевались так, будто собрались на карнавал или пересмотрели иллюстрированных книг про магов прошлых веков. Женщины, питающие страсть к роскошным нарядам, разумеется, особенно отличились: высокие воротники, глубокое декольте, пышные юбки... но – обязательно с разрезом на боку или спереди, чтобы как можно больше оголить стройные ноги. Некий коктейль из современной моды и моды прошлых эпох.

Морриган считала себя леди – несмотря на раннее взросление и бунтарскую жизнь Вольной, которая в ее случае подразумевала обучение боевым искусствам и владению оружием с тринадцати лет, несмотря на сомнительный для многих род занятий и принадлежность к широко известной среди ведьм и отличающейся особой репутацией семье Блэр. Бедная Клио... Одно время она даже фамилию хотела сменить – из-за того, что одноклассники ее, потомственную Блэр, боялись и сторонились.

Именно стремление быть леди вопреки всему и заставило Морриган подойти к вопросу выбора наряда с особой тщательностью.

Черный атлас с кружевами – лучший выбор для вечернего выхода молодой ведьмы. Подол опустил до самых пят, но спину она оставила оголенной – в подземном городе царила вечная весна. Взбила руками волосы, алой вуалью иллюзии тронула губы, очерчивая контур, подчеркнула глаза и скулы, прибавляя себе пару-тройку лет. Теперь ни один мужчина не сможет устоять – даже к чарам прибегать не придется. Вынув из сумки зеркало, она усмехнулась. Берегись, Пропасть – Морриган Блэр вышла на охоту.

С самоуверенностью пришлось повременить, когда она поняла, что понятия не имеет, куда идти и кого обезоруживать своим обаянием. Не кричать же на каждом углу: «Эй, кто поможет мне найти бокора?»

Первым делом нужно было раздобыть информацию. Морриган отыскала гостиницу и сняла комнату – кто знает, на сколько придется задержаться. Владелицей оказалась молодая и молчаливая девушка с тяжелой копной рыжих волос. То ли гостиница досталась ей по наследству, то ли иллюзией сбавила себе несколько годков.

В Кенгьюбери магия иллюзии делилась на несколько ступеней, которые строго контролировал Трибунал. Первая, наипростейшая ступень, позволяла вносить лишь легкое изменение в собственную внешность, добавляя красок, но не затрагивая черты лица – то, что впоследствии назвали макияжем. Ею же можно было привнести изменения в интерьер – вроде невинного разукрашивания обоев и обивки дивана. Вторая ступень позволяла создавать предметы мебели из воздуха – увы, исключительно визуальные и очень

недолговечные, а также изменять фигуру, к чему охотно и довольно часто прибегали представительницы прекрасного пола. Но как и любые чары, иллюзия не могла существовать вечно и требовала значительное количество магических сил на поддержание, к чему далеко не все были готовы. Это приводило к тому, что, желая визуально «похудеть», женщины запасались большим количеством экфо – если их собственной магии не хватало на бытовые и иллюзорные чары. Тут уж приходилось выбирать – или тренировать силу воли и худеть более естественным путем или тратить немалые деньги на экфо для подпитки иллюзии.

А вот третья ступень, позволяющая незначительно изменять и корректировать черты лица, относилась к «пограничной» магии – то есть формально была признана белой, но применять ее можно было только после официального разрешения Трибунала и нанесения на кожу соответствующей печати, подделать которую, по слухам, было почти невозможно. Применишь чары третьей ступени самовольно – получишь гущу тэны и пущенных по следу ищеек, которые доставят тебя напрямиком на суд.

Чтобы получить разрешение на ее применение, нужно было договориться об аудиенции с одним из младших трибунов, предъявить для проверки личностные татуировки, которые пропускались по базе Трибунала, доказав тем самым, что не скрываешься от Департамента, а изменяешь внешность исключительно для эстетики, выложить кругленькую сумму... В общем, та еще морока.

А уж четвертая ступень – изменение личины – и вовсе была официально запрещена и относилась к магии черной. Неудивительно – позволь Трибунал изменять людям внешность по собственному желанию, и добрая половина отступников никогда не попала бы в лапы правосудия.

Но если уж Пропасть жила по своим собственным законам, то владелица гостиницы вполне могла применить и третью, и четвертую ступень иллюзии, и на самом деле оказаться беззубой старухой. Это заставило Морриган задуматься: как, оставшись без надзора Трибунала и Департамента, Пропасть – место, где нет разделения на черную и белую магию – еще не скатилась в

абсолютную анархию? Неужели короли города и впрямь были способны удержать жителей Дна – отступников, на минуточку – в ежовых рукавицах?

Неулыбчивая хозяйка «Подземелья дракона» – то еще, надо сказать, название для гостиницы, – показала Морриган ее комнату. На все попытки ее разговорить отвечала односложно и без особой охоты. Она явно подумала, что Морриган – новоприбывшая отступница, скрывшаяся в Пропасти от всевидящего ока Трибунала, но облегчать ее положение не спешила. В конце концов, Морриган ничего не оставалось делать, как, недовольно поджав губы, замолчать и оставить неразговорчивую хозяйку в покое.

Пришлось искать новую жертву – и нового осведомителя.

На первом этаже находился небольшой ресторанчик – его Морриган видела краем глаза, когда вслед за владелицей гостиницы поднималась в свою комнату. Прежде чем отправиться туда, она чуть подкорректировала внешность: веки вокруг глаз покраснели, подводка расплылась не очень ровными кругами. Создавалось впечатление, что Морриган безутешно плакала не меньше получаса. Она хмыкнула, довольная проделанной работой. Образ только что попавшей в Пропать отступницы, потерянной, одинокой, отчаянно нуждающейся в чьей-то помощи – то, что ей сейчас нужно.

Народу в ресторане было мало – наверняка, в основном, постояльцы гостиницы. Крашенные багряно-красным деревянные столы, стулья им в тон с высокой резной спинкой и казавшиеся в полумраке черными стены – колоритное местечко, но назвать его уютным язык не повернется. Больше всего Морриган позабавили светильники в виде распахнутой драконьей пасти, из которых периодически вырывались языки пламени – занятная отсылка к названию «Подземелье дракона». Хотя в таком случае, и столы могли бы сделать из камня.

От мыслей об интерьере ресторана ее отвлекли шепотки за спиной – заплаканная девушка мало кого оставила равнодушной. Сочувствие и жалость – один из мощнейших рычагов воздействия. К нему Морриган прибегала редко, обычно предпочитая делать ставку на силу... но здесь, в обители сильнейших черных магов, она явно не в выигрышной позиции.

Морриган села за свободный столик, у худенькой официантки в черном платье с оранжевым передником заказала большую чашку кофе. Подумав, добавила к заказу шоколадное пирожное – всем известно, что многие девушки предпочитают заедать свои маленькие и большие трагедии чем-то вкусным, словно сахар способен волшебным образом залатать душевные раны и избавить от бед. Морриган к этой категории не относилась, предпочитая выпускать пар и залечивать нервы удачной охотой, взмахом хлыста и парочкой умело сплетенных чар... но постояльцам «Подземелья драконов» знать об этом было не обязательно.

Для достоверности пару раз шмыгнув носом, Морриган принялась безрадостно отщипывать ложечкой невозможно сладкое пирожное – даже муку на лице не понадобилось изображать специально, а каждый кусочек приходилось запивать хорошим глотком кофе. Вот он был сварен на славу – крепкий, с горчинкой.

Ждать, пока в расставленные сети кто-то попадет, долго не пришлось. Когда к ней за столик подседа румяная пышнотелая блондинка – вот уж кто точно не считал нужным пользоваться иллюзией, – Морриган с несказанным облегчением отставила в сторону тарелочку с пирожным.

– Новенькая, да? – В больших голубых глазах плескалось сочувствие. – Как зовут? Я Нэн, если что.

– Морри, – мысленно кривясь, отозвалась она. На какие только жертвы не пойдешь, чтобы узнать необходимую информацию. Своевольной ведьме по имени Морриган не так-то просто втереться людям в доверие, а вот плаксе Морри...

– Будем знакомы! – радостно откликнулась Нэн. Посетовала: – Народ в Пропasti непростой... особо и не поговоришь.

А поговорить оживившаяся блондинка явно любила, и выбрала своей жертвой «бедняжку Морри». Впрочем, та была совсем не против.

– А тебя кто вниз провел?

Ах, ну да. Входы в Пропасть обычным людям так просто не открываются.

Морриган повнимательнее взглянула на Нэн. Ни подозрительности, ни настороженности – лишь бесхитрое любопытство. Но расслабляться она не спешила: на ее памяти было достаточно людей, лишь притворяющихся простаками ради достижения собственных целей. Такие «перевертыши» могут оказаться весьма опасны... Лучше быть начеку.

– Знакомый. – Морриган решила не слишком увлекаться враньем – одна ложь непременно порождает другую. – Пришлось хорошо ему заплатить, но... это того стоило. Иначе... сама понимаешь.

Нэн шумно вздохнула.

– Уж как не понимать-то.

Морриган ожидала расспросов, что она натворила такого, из-за чего пришлось скрываться от Трибунала в Пропасти, и даже успела придумать легенду, но, к ее удивлению, Нэн молчала, крепко задумавшись о чем-то своем. Видимо, чтобы задавать подобного рода вопросы, нужно было достичь определенной степени доверия.

Будто очнувшись, блондинка покосилась на недоеденное пирожное.

– Хочешь? – предложила Морриган, кивая на десерт. Призналась с тяжелым вздохом: – Кусок в горло не лезет.

Нэн радостно подвинула себе пирожное и попросила у проходящей мимо официантки новую ложечку – видимо, для этого уровня их отношений было вполне достаточно. Морриган передернула плечами – увлеченная пирожным, Нэн не заметила ее жеста.

Пока десерт стремительно исчезал с тарелки, она размышляла, как бы разузнать у новой знакомой, где найти бокора? Начать решила издалека, чтобы не возбуждать у Нэн лишних подозрений.

– Ты знаешь, тот знакомый, о котором я тебе говорила... У нас непростые отношения. – Уж что правда, то правда. – Он и помочь-то мне согласился только из-за денег – и то торговался до последнего. Пришлось выложить почти все свои сбережения.

Нэн понимающе фыркнула.

– Тоже мне, удивила. В этом городе люди душу готовы продать, если хорошо заплатят. Говорят, некоторые выходцы из Пропasti сговариваются с продажными трибунами, вызнают у них про тех, на кого они охотятся, приходят к ним и предлагают убежище – за кругленькую, естественно, сумму! А отступникам-то деться некуда, если Трибунал уже у них на хвосте! Вот и отдают все до последней монеты.

Морриган удивленно помотала головой, машинально записывая в памяти сказанное белокурой сладкоежкой – на всякий случай.

– В общем, я это к тому, что в Пропasti я как слепой котенок, – печально продолжила она. – И Дэмьен – знакомый мой, исчез, прежде чем я успела хоть что-то у него разузнать. Сказал, что, если захочу его отыскать, обратиться к какому-то бокору – он что-то вроде посредника. Вот только имени его я не запомнила.

Не самая ловкая ложь, но терять драгоценное время, окольными путями подбираясь к интересующей ее информации, Морриган не хотела. Ее сестру словно распилили напополам, и обе ее половины – и душа, и тело, оказались заперты в сферах. Слишком жестокая участь для такой светлой девушки, какой была Клио.

Морриган мысленно дала себе пощечину. Какая Клио. И какой всегда будет.

Нэн облизнула ложку и с сожалением посмотрела на пустую тарелку. Сосредоточенно нахмурилась.

– Бокор? А свой Дом он не называл?

– Дом? – осторожно переспросила Морриган.

Впервые в глазах Нэн появилось нечто похожее на подозрительность.

– Твой проводник тебе что, вообще ничего не рассказывал?

– Я же говорила – он исчез сразу, как только отвел меня сюда, – как можно небрежнее бросила Морриган, едва удержавшись от стихийно возникшего желание потереть печать Дэмьена.

Нэн помолчала.

– Честно говоря, я слышала о бокорах, но по именам их не знаю. И к каким Домам они принадлежат, тоже... – Видя непонимание на лице Морриган, охотно объяснила: – В Пропasti большинство жителей, кроме добровольных или вынужденных одиночек, входят в какой-нибудь Дом – чаще в качестве союзников... ммм, адгерентов – так их называют. Потому что от глав Домов, на самом деле, осталась жалкая горстка. Они любят, знаешь ли, уничтожать друг друга – особенно в гонке за титулом короля Пропasti. Не советую, кстати, стоять у них на пути. Сыновей и дочерей Домов – прямых наследников глав Домов, больше, но и среди них идет постоянная вражда.

– То есть даже если я не родственник главы Дома, я могу стать его частью? – уточнила Морриган. Любопытная вырисовывалась перспектива.

Нэн снисходительно фыркнула.

– Да, если докажешь его главе, что можешь оказаться Дому полезной. Те, кто не обладают ни особым умом, ни сильным даром, вынуждены существовать вне Домов. Ну, как я. Или образовывать их жалкие подобия. За таких, как мы, никто не заступится, некому обеспечить нас крышей над головой, работой, новыми чарами и всем таким прочим. Приходится выкарабкиваться самим.

Морриган не торопилась ободрять приунывшую Нэн – через пару дней она не вспомнит ни имени, ни лица словоохотливой блондинки. Но вот информация из ее уст вышла прелюбопытная... Бокоры – невероятно сильные колдуны, способные повелевать жизнью и смертью, а потому наверняка в качестве адгерентов вхожи в тот или иной Дом. Осталось только выяснить, в какой именно.

Она поднялась, не сразу поняв, что Нэн продолжает говорить – жаловаться на свою нелегкую долю.

– Прости, мне нужно прилечь, – бросила Морриган, прервав жалостливый монолог.

Губы растерявшейся блондинки сложились в идеальную «О».

– Л-ладно. Да, конечно. Тебе непросто сейчас. Первый день в Пропasti, все такое. Встретимся как-нибудь здесь?

– Да. Как-нибудь. – Теперь, когда она выжала из Нэн все, что могла, та потеряла для нее всяческий интерес.

Морриган поднялась в свою комнату и устроилась на подоконнике со сферой с душой Клио в руках.

– Потерпи еще немного, малышка, – прошептала она, зная, что сестра ее слышать не может. – Я обязательно что-нибудь придумаю. Обещаю.

Глава тринадцатая

Сивилла оказалась очень высокой – выше Ника на полголовы – сухопарой женщиной лет сорока. Усталое лицо, тени, залегшие под глазами и очень заметные на тонкой светлой коже. Плохо расчесанные светло-русые волосы висели вдоль лица неаккуратными прядями.

– Вы сивилла?

Она окинула Ника подозрительным взглядом. Он мысленно чертыхнулся – так торопился к ней после на редкость тяготящего рабочего дня, что не подумал сменить пальто с нашивкой инспектора на обычный. Как и оставить дома кобуру с револьвером, которая с потрохами выдавала в нем агента Департамента.

– Я... по личному делу.

– Вижу, – буркнула она. – Твою силу что-то сдерживает.

Ник поразился: разве сивиллам для ясновидения не нужны свечи и обряды? Она просто заглянула ему в глаза и увидела то, чего никто не видел... О чем он сам начал догадываться только несколько недель назад.

– Вы поможете мне? – В его голосе явственно звучала надежда. Было в этом некое лицемерие – еще вчера Ник убеждал себя, что его идея обратиться к сивилле – редкостная глупость.

– Помогу, отчего ж не помочь. Вот только я не ведьма и чары разрушить не сумею. Способов снять подобного рода проклятия только два: или это сделает сам проклявший, или это сделает любой колдун или ведьма, но только зная плетение чар заклинателя. Знаю, в городе полным-полно чародеев и целителей, которые за круглую сумму готовы избавить тебя от чего угодно. Вот только если действовать вслепую, не зная истинного плетения чар, можно еще больше его запутать. Иначе говоря, велик риск сделать только хуже.

Ник нервно взлохматил пятерней волосы. Он и не думал, что будет легко: за время работы в качестве агента Департамента он нередко сталкивался с нешуточными последствиями наложенных на человека чар. Раз сивилла не советовала ему обратиться к целителям, значит, насланные на него чары были совсем не просты.

– Хотите сказать, исчезновение моего дара – дело рук сильного черного мага, который наслал на меня проклятие, рискуя оказаться под прицелом у Трибунала? – Ник покачал головой.

Что-то не сходилось. За бывшими отступниками – теми, кто использовал запрещенные черные чары, Трибунал продолжал следить и после того, как они получали свободу. По Кенгьюбери, переодетые в штатское, а потому неотличимые от обычных прохожих, сновали ищейки Трибунала – люди с очень тонким восприятием, способные почувствовать выброс тэны даже на расстоянии.

Каждый маг знал об ищейках и далеко не каждый готов был рискнуть своей безопасностью и применить черные чары – что сделала убившая Клио тварь.

Но идти на такой риск только чтобы насолить ему, забрав у него дар?

Сивилла видела его сомнения и, помедлив, сказала:

– Возможно, тому, кто наслал на тебя проклятие, и не пришлось делать это самому.

Несмотря на то, что она говорила экивоками, Ник ее мысль понял.

– Подпольная торговля черными чарами?

Сивилла пожала плечами – дескать, кто знает. Ник вздохнул – напрямую о таком, конечно же, никто не хотел говорить. Вдруг решат, что ты имеешь к черному рынку самое прямое отношение: как покупатель, продавец или снабженец – готовые к продаже чары создавали и запечатывали в филактерий умелые черные ведьмы и колдуны – что одинаково незаконно? Проблем тогда не избежать.

Год назад Трибунал организовал крупнейшую операцию по обнаружению рынка черных чар, в которой Ник участвовал в качестве старшего агента. Владельца подпольного рынка поймали вместе с продавцами, чары изъяли. После того, как их лишили источника запрещенной магии, отступники на какое-то время затаились. Впрочем, глупо было бы надеяться, что затишье будет продолжаться вечно. Люди изворотливы по своей натуре и всегда найдут способ испортить кому-то жизнь, добиваясь поставленных целей. Пусть даже этот способ хоть трижды незаконен.

– Послушайте, вы же понимаете, что не в моих интересах действовать против человека, который может дать мне необходимую информацию. Вы – сивилла, а значит, такую мелочь, как местонахождение нового черного рынка, вам наверняка по силам узнать.

– Может, да, а может, и нет. Я прожила в Кенгьюбери достаточно времени, чтобы научиться никому не доверять. Именно это и позволило мне...

– Она вдруг замолчала. Светлые глаза вдруг сверкнули. Сивилле явно пришла в голову какая-то занятная мысль. – Впрочем, возможно, мы сможем договориться.

– Да, и как же? – осведомился Ник, гадая, каким образом он может помочь сивилле.

– Ты сможешь мне, я – тебе. Срок действия моей лицензии на оказание магических услуг истекает, а на новую у меня денег нет. Граждане Кенгьюбери, видишь ли, предпочитают изучать белые чары самостоятельно, нежели обращаться к сивиллам, которые, к их разочарованию, весьма ограничены в предсказаниях и не могут открыть им будущее.

– Вы правда этого не можете?

– Могу, – ответила она. – Но только тогда, когда будущее является мне само.

Ник поморщился. Его всегда раздражали подобные туманные формулировки, к которым большинство ведьм отчего-то питали слабость.

– Я не могу контролировать то, что я вижу, – спокойно сказала сивилла.
– Выбирать, хочу ли я знать истину или же не хочу. Она или является мне при одном только взгляде на человека или остается для меня такой же тайной, как и для всех остальных. Увы, дар современных сивилл весьма... неопределен, непредсказуем и ограничен. Наверное, именно поэтому времена, когда правой рукой всех правителей мира были сивиллы, способные предсказать те или иные события, верную тактику или даже исход войны, канул в прошлое. Далекое прошлое.

– Отчего же? – заинтересовался Ник.

– Смещение крови, – пожала плечами она, – а значит, и разбавление, ослабление дара, которого в каждой потомственной сивилле все меньше. Стихийно способность предвидения возникает очень редко, но именно тогда она наиболее сильна. Нам же, потомственным сивиллам, приходится довольствоваться жалкими крохами дара, которого и даром-то не назовешь. С тоской вспоминая рассказы о наших предках – уважаемых королевских советниках, идти на опостылевшую работу и служить для жителей города кем-то средним между показывающим фокусы клоуном и гадалкой.

Сивилла и сама поняла, что сказала лишнего. Резко замолчала, через окно глядя вдаль. Возможно, представляла себя в королевских покоях, на месте могущественной сивиллы прошлых веков.

Спохватившись, она произнесла:

– Я помогу тебе, если принесешь мне печать-лицензию на оказание магических услуг. С твоей подписью.

– Вы же понимаете, что я рискую, ставя свою фамилию на не прошедшей проверку лицензии, – начал Ник... и тут же осекся, поняв замысел сивиллы.

– Да, и она не только поможет мне прокормить дочерей и сына, но и послужит гарантией того, что обо всем, что будет сказано в этом доме, ты никому не расскажешь. Маги, колдуны и ведьмы... все друг с другом повязаны в этом городе, инспектор. Все связаны нерушимыми узами молчания. Стоит нарушить негласный договор и потопить другого, и ты сам окажешься за бортом.

Ник резко выдохнул. Хитра, чертовка. Но был ли у него выбор?

Будь жив отец, сказал бы, что выбор есть всегда. Он вообще был непробиваемым оптимистом, приверженцем строгих правил и ярим почитателем Трибунала. Второй его любимой фразой было: «Путь света длиннее и сложнее, чем путь тьмы, грехов и нарушений запретов». Из этих слов нетрудно было понять, как он относился к тем, кто нарушал закон из банального желания облегчить свое существование. Именно поэтому он пошел в Департамент, мечтая однажды оказаться трибуном. Не сумел. Просто... не успел.

И вот его сын, не кто иной, как младший инспектор Департамента, собирался нарушить закон. Где тонко, там и рвется, верно?

Стиснув зубы, Ник сказал самому себе: он делает это только для того, чтобы не лишиться должности и дела всей его жизни. Ведь если дар иссякнет окончательно – а именно к этому все и шло, ни инспектором, ни даже простым агентом он быть не сможет. Все, что ему останется – до конца жизни служить обыкновенным патрульным и с тоской вспоминать, кем он был и что потерял.

Иногда Нику казалось, что дух отца витает за его спиной и постоянно наблюдает за сыном. И, размышляя, он будто бы вел с ним, с Эдгаром Куинном, бесшумную беседу. Вот и после этого мысленного монолога Ник

почувствовал себя лучше – словно оправдался за должностное преступление перед отцом.

Так глупо.

– Хорошо. Если я добуду для вас лицензию, то...

– Я назову тебе место, где можно добыть черные чары. Там у тебя будет шанс узнать, что за чары на тебя наложили – торговцы черного рынка разбираются в этом как никто другой.

– На какое имя лицензия? – сдаваясь, спросил Ник.

– Аннет Брин, – широко улыбнулась сивилла. Удивительно, как шла ее не слишком привлекательному лицу улыбка, прогнавшая усталость и заставившая глаза сиять.

Кивнув, Ник вынул из кармана мемокард. Прикоснулся к серебристой пластине, которая мгновенно облекла его мысли в слова: «Сивилла Аннет Брин».

Уже по пути в управление задрожал медальон. Прикосновение – и в голове возник образ Меган Броуди. Они не пересекались с того самого вечера, когда Ник ей во всем признался. Мег наверняка надеялась, что ему пригодилась ее помощь. Увы, своим служебным положением она злоупотребила совершенно напрасно – доступ в закрытые отделы Архива ничем ему не помог.

– Мег?

– Ник, как ты?

Лицо бледнее обычного, ощущение, что плохо спала. Не из-за него, конечно, но... Все равно плескающееся в карих глазах беспокойство удивительным образом согревало. Все, что нужно человеку – разделить свои тревоги и беды с кем-нибудь другим.

Но... не в этом случае. Ник просто не мог рассказать Мег, на что он собирался пойти. Она бы не сдала его – Ник был в этом уверен. Ему попросту было стыдно. Как и многие в Департаменте полиции Кенгьюбери, Мег хорошо

знала его отца – точнее, была о нем наслышана. И вот Ник, его сын, не может решить проблему самостоятельно, обращается к сивилле и... помогает ей, сам преступая закон. Обманывая... и кого? Департамент. Трибунал. Эдгар Куинн на его месте в наручниках притащил бы сивиллу Аннет в допросную, пригрозил ворохом проблем или их устроил, но докопался бы, откуда ей известно о черном рынке. Он определенно нашел бы иное решение проблемы, чем идти у потенциальной отступницы (ведь откуда-то же она знала о подпольной торговле чар) на поводу.

Однако Ник, глядя на Аннет, видел лишь уставшую от непростой жизни женщину. Что это – человечность или... слабость с глупостью пополам?

– Нормально.

– Нашел, что искал? – Меган не рисковала говорить прямо.

– Нет, боюсь, что... напрасная это затея.

Она покусала губы.

– Мне очень жаль. Если наткнешься на какую-нибудь ниточку – расскажи мне. Может, мы придумаем выход вместе.

– Ладно. – Ник тепло ей улыбнулся.

Они помолчали. Стало ясно: говорить им сейчас просто не о чем. Посторонние темы не отвлекут от осознания, что совсем скоро его дар мага-следопыта может просто-напросто исчезнуть. Что будет тогда с его репутацией? Карьерой? Жизнью, которой он уже не представлял без нашивки инспектора и револьвера?

Так и вышло, что за теплыми улыбками последовало неловкое прощание. Медальон потух, а Ник еще долго смотрел в пустоту. Тряхнув головой, направился к портал-зеркалу, чтобы несколькими мгновениями спустя уже ступить на тротуар Центрального квартала.

В здании Департамента царило привычное оживление. Не обращая внимания на переговаривающихся над ухом инспекторов и происходящую вокруг суету, помощник Ника Алан Райс с напряженным видом изучал рассыпанные перед ним мемокарды. Это был неулыбчивый молодой блондин –

слишком молодой для того, кто полгода назад получил повышение до старшего агента и уже метил в младшие инспектора, для чего и был приставлен к Нику. Никакого чуда – просто отец Алана был заместителем главы Департамента полиции Кенгьюбери.

В защиту Алана, он действительно лез из кожи вон, чтобы произвести впечатление на старших коллег. Пускай Алан был не самым лучшим следопытом, он старался стать образцово-показательным детективом. Усидчивость, внимательность к деталям, готовность сделать все возможное, чтобы распутать дело – что еще нужно от напарника?

Ник остановился как вкопанный. Неожиданная мысль прострелила мозг: а не заинтересован ли Алан в ослаблении его дара?

Старательно возвращая лицу бесстрастное выражение, Ник прошел к своему столу. Поприветствовал Алана, не поднимая глаз и усиленно делая вид, что всецело занят изучением отчетов от старших агентов. А в голове крутилась одна и та же навязчивая мысль.

Ник слышал о колдунах – разумеется, черных, так как ментальная магия находилась под строжайшим запретом Трибунала, – способных вытягивать чужой дар, присваивая его себе. Некстати – или, наоборот, очень даже кстати – подумалось, что в последнее время Алан и впрямь делал успехи. Конечно, любой дар, особенно проснувшийся поздно, а у Алана это случилось в семнадцать, можно было развивать, укреплять, усиливать хоть до самой старости. И в том, что он стал более умелым следопытом, не было бы ничего странного, если бы не... Если бы не таинственное проклятие, так «своевременно» поразившее Ника.

Главное, ничем не выдать свои подозрения – неважно, обоснованы они или нет. Если Алан и впрямь черный колдун, затесавшийся в ряды агентов Департамента как волк в стадо ягнят – а с таким отцом это вряд ли было бы проблематично, – то поняв, что Ник обо всем догадался, он лишь быстрее приведет в действие свой план. Ник мало знал о ментальной магии в целом и в частности той ее ветви, которая позволяла красть дар – подобные дела расследовал другой отдел. Но знал, что на постепенное ослабление чужих

способностей нужно время. Алан же, занервничав, мог одним махом довести дело до конца, рискуя опустошить магический резерв Ника. Навсегда.

Вопрос – зачем это ему, не стоял. Та же Морриган стала Охотницей, посвятив себя ловле отступников, но при этом осталась и черной ведьмой. Правда, судя по его данным, прежде – до похищения из морга тела Клио – она всегда действовала в рамках закона, как любой добропорядочный гражданин получая лицензию Трибунала на тот или иной вид нейтральной магии. Так почему Алан Райс не мог быть и черным колдуном, и агентом Департамента одновременно? Вопрос лишь в том, как Нику понять, верны ли его подозрения.

Копать под Райса – себе дороже. Выяснят – никто его, Николаса Куинна, в Департаменте держать не станет, особенно в свете последних событий, а именно двух проваленных дел. Был бы жив отец, смог бы его защитить. Но...

Поразмыслив, Ник решил все же сдержать обещание и помочь сивилле. Если он сумеет проникнуть на черный рынок, то или найдет того, кто купил чары с проклятием ослабления дара... или узнает, что таких чар в Кенгьюбери не продавали. Во втором случае станет ясно, что проклятие наслал практикующий черный колдун, которым вполне мог оказаться и Алан Райс, пожелавший улучшить свой собственный дар следопыта.

В любом случае, попытаться стоило.

На то, чтобы сделать печать-лицензию на магические услуги для Аннет Брин, и времени, и усилий ушло немного. Другое дело, что Нику пришлось поставить свою фамилию и подпись. И если агенты Трибунала нагрянут к Аннет с проверкой, сопоставят факты и поймут, что Департамент выдал ей лицензию, не получив предварительного согласия Трибунала... голова Ника полетит с плеч. Не в прямом смысле, но наказание будет не из приятных. Хорошо, если его просто понизят в должности.

Повертев в пальцах готовую печать, Ник покачал головой.

Представить только: Николас Куинн, сын бывшего главы Департамента Эдгара Куинна – нарушитель закона. И так глупо и, наверное, смешно, что он, молодой двадцатидвухлетний мужчина, который пытался наладить свою

жизнь, нарушив с детства вбиваемые в голову принципы, мысленно произнес: «Прости, папа».

Глава четырнадцатая

Завеса тайны над Пропастью приоткрывалась неохотно – слишком разительным было отличие от Кенгьюбери. Жители его Дна подчинялись другим правилам, жили по другим законам, и привычные рычаги воздействия здесь оказались бесполезны. Даже магия не помогала – особенно если учесть, что возможность практиковать черные чары Дэмьен у нее отобрал.

Проклятая печать.

Морриган попыталась сломать ее, но добилась лишь жесточайшей головной боли, от которой ей же самой и пришлось себя лечить.

Она ненавидела чувствовать собственное бессилие. Это выводило из себя и здорово било по самолюбию. В конце концов Морриган пришлось сдаться. Усмирить свою гордость ради самого близкого человека в целом мире и обратиться за помощью к той, кто должен был стать самым близким, но отчего-то так и не стал. Ни до смерти, ни, уж тем более, после.

К легендарной Бадб Блэр и, по совместительству, собственной матери.

Морриган не была уверена, что чары вызова подействуют. Обычно Бадб появлялась сама, не особо заботясь, хочет ли дочь вторжения в тщательно оберегаемое ею личное пространство или нет. Да и Морриган привыкла улаживать проблемы самостоятельно – разве не этому ее всегда учили?

Ситуация осложнялась тем, что прежде Бадб никак не удавалось проникнуть в святую святых для отступников и отступниц из-за окружающих Пропасть нерушимым барьером чар. С другой стороны, Бадб магическими узами привязала себя к дочерям, чтобы в любой момент иметь возможность их найти. Правда, как показало время, узы действовали лишь тогда, когда в их

груди билось сердце, а в жилах текла горячая кровь. Когда из Клио вынули душу, ее тело Бадб отыскать не смогла...

Прикрыв глаза, Морриган произнесла уже полузабытые слова:

– Gesse lifaade, Badb.

Напряжение в воздухе стало почти осязаемым, тишина давила на уши, пробуждая только утихшую боль в голове. Чары Пропasti сопротивлялись чарам Бадб Блэр. Кто победит? И гадать не стоило.

Послышался странный звук, похожий на треск рвущейся ткани. Казалось, сама завеса реальности рвется под натиском агрессивных черных чар. Появился след тэны – пока еще призрачный, бледный, но с каждой секундой все больше темнеющий. Магия мертвой ведьмы – даже самая невинная – так или иначе имела черную окраску.

Морриган не сумела ухватить тот миг, когда реальность переменилась. Вот она стоит одна в комнате, а в следующее мгновение перед ней появляется черный ворон. Эффектно «взрывается» изнутри, перья опадают вниз, превращаясь в пышный – и откровенный – наряд Леди Ворон: платье с пышной юбкой из перьев и глубоким декольте, ожерелье с агатами, подчеркивающее лебединую шею. Бесстыдно молодая – на вид лишь чуть старше собственной дочери, она терпеть не могла скромность и блеклость. Это роднило Бадб и Морриган – как и принадлежность к клану ведьм, и любовь к черному цвету. Больше между ними не было ничего общего. Впрочем, Морриган давно смирилась с таким порядком вещей и не испытывала сожалений.

– Мне нужна твоя помощь, – без лишних предисловий сказала она. – Я сумела проникнуть в Пропасть...

– О, так мы в Пропasti! – воодушевилась Бадб.

– ...но не могу найти бокора для Клио. Судя по тому, что я узнала, их на целый город всего двое: Ганджу и Векеса. Сомневаюсь, что они одиночки – носителей такой магии вряд ли оставят без должного внимания. Но я не знаю, к какому Дому они принадлежат.

Морриган вкратце объяснила матери иерархию Пропasti. Бадб слушала, не перебивая, но казалась рассеянной – взгляд ее бездумно скользил по стенам комнаты. Морриган раздраженно выдохнула. Безучастность матери выводила ее из себя – все-таки речь шла о Клио! Лишнее подтверждение тому, что Леди Ворон выгоднее видеть ее мертвой ведьмой, нежели живой. Бадб научила бы дочь магии Мира Теней – стань Клио личем, выбора у нее попросту не останется. Магия мертвых ведм и колдунов кардинально отличается от магии живых: белая магия личам уже недоступна, и только за счет теневой магии им удастся поддерживать некое подобие жизни.

И за черную магию, в отличие от нейтральной и белой, приходится чем-то расплачиваться: спокойным сном, здоровьем... жизнью.

– Мне нужна твоя способность оставаться незамеченной и проникать в любые уголки Пропasti. Рано или поздно, кто-то из горожан должен упомянуть о бокоре. Или упомянуть тех, кого он воскресил – а через них можно протянуть нить и к самому воскресителю.

Бадб рассеянно покивала.

– Мама, Клио – не я, – напряженным голосом сказала Морриган. – Черная магия ей противна, ты же знаешь.

– Магия бокора – тоже черная магия, – заметила Бадб.

– К ней мы прибегнем только раз. Возможно, даже удастся стереть воспоминания Клио о собственной смерти, чтобы они не преследовали ее в кошмарах. Но если она станет личем, ей придется каждый день обращаться к черной магии. Забыть о медицине и целительстве – мертвые не могут исцелять живых, могут только забирать их силу. Клио... она никогда не простит нам, если мы не попытаемся спасти ее, настоящую. Если отберем у нее единственный шанс исполнить свою мечту помогать людям.

Бадб вздохнула, признавая правоту Морриган. Но не удержалась, чтобы не пробормотать себе под нос что-то подозрительно похожее на: «и в кого она такая?»

И впрямь – в кого?

Об их отце Морриган не знала ровным счетом ничего – в их невероятно странной семье это считалось запретной темой. Бадб с самого их детства, даже не стараясь смягчить резкие слова, говорила, что их отца для нее не существует. И Морриган, и Клиодна очень быстро поняли, что некоторые границы, установленные вспыльчивой Бадб, переходить не стоило. Так может, именно отец – та причина, по которой Клио так разительно отличалась от них обеих?

– Я сделаю все, что в моих силах. – Даже голос Бадб изменился – стал более мягким, что ли. Более подобающим безутешной матери, потерявшей дочь. Но была ли она безутешна?

– Хорошо, – сдержанно ответила Морриган.

Посчитав разговор законченным, Бадб обратилась в ворона и вылетела в приоткрытое окно.

Ожидание было мучительным. Не в силах усидеть на месте, Морриган меряла комнату шагами. Застывала, подходила к сфере с душой сестры, нежно прикасалась к ней кончиками пальцев. Ей все казалось, что в этот момент Клио чувствует присутствие сестры, как восприимчивые люди ощущают присутствие духов предков за своей спиной – наблюдающих, оберегающих. Глупая иллюзия... Разделенная на две половины, Клио не существовала – ни в мертвом воплощении, ни в живом – и так будет, пока порванная нить, соединявшая тело и душу, не будет восстановлена.

И только бокор, черный жрец вуду, мог воскресить мертвого без обращения к некромагии – не превращая их в личей. Все дело в том, что бокоры – при наличии пойманной в филактерий души – вдыхали жизнь в мертвое тело, тогда как некромаги заменяли живительную энергию энергией смерти.

Морриган злило долгое отсутствие матери: та наверняка потратила уйму времени на то, чтобы удовлетворить любопытство и бесцельно полетать по Пропasti. В конце концов создала в центре стены мишень и принялась метать в нее созданные из воздуха ножи. Причинить вред сотворенное подобным образом оружие не могло, а вот для снятия напряжения и тренировки

меткости подходило идеально. И ловкость нарабатывается, и раздражение уходит бесследно.

Бадб появилась в тот момент, когда пущенный из-за спины нож угодил в яблочко и тут же растворился в воздухе. Морриган провела рукой, стирая иллюзию, и нетерпеливо развернулась к матери.

– Ну что, узнала что-нибудь?

– Интересное, надо сказать, местечко эта ваша Пропась...

– Мама!

Леди Ворон театрально тронула пальцами виски, намекая на повышенный тон дочери, но Морриган подобными жестами смутить было непросто – сама та еще актриса.

– Должна признать, сплетников в Пропасти немного – видимо, отступникам, как никому, известно, что уши есть и у стен. Пришлось прибегнуть к чарам, иначе нужную информацию я искала бы до второго пришествия.

– И что ты узнала? – Морриган не сильно волновало, каким именно способом Бадб получила желаемое. Наверняка, вспомнив былые годы, заполучила себе в пользование живого слугу. С нее станется.

– То, что ты выяснила, не совсем верно: в Пропасти три бокора, а не два.
– Ну разумеется. Бадб ни за что не упустила бы случая указать Морриган на ее ошибку. – Один, правда, на старости лет совсем выжил из ума – говорят, он намеренно коверкает ритуал воскрешения и вместо того, чтобы вдохнуть душу в тело, он забирает ее, посвящая своему геде лоа. Правда это или нет, свою дочь в руки старому безумцу я не отдам. А значит, остается только Векеса Анен или Ганджу Ямара. Один принадлежит Дому Маккормак, второй Дому О`Флаэрти. Глава первого Дома, – Бадб закрыла глаза, припоминая, – Эрин Маккормак, немолодая и весьма заносчивая особа. Во всяком случае, так говорят. Глава второго, напротив, довольно молод. Ходят слухи, что Доминик О`Флаэрти убил своего отца, чтобы занять его место и стать главой Дома. То ли наслал на него проклятие, которое медленно выпивало из него

жизненные силы, то ли подливал ему яд в вино, от которого тот долго и мучительно умирал.

Морриган пожала плечами, давая понять, как она относится к подобного рода слухам. Интересовало ее другое: главой первого Дома была женщина, второго – молодой мужчина. С последними она ладила куда лучше. К тому же, если Эрин Маккормак – дама с характером, договориться с ней о помощи принадлежащего ее Дому бокора будет непросто. А по собственной инициативе он вряд ли будет кому-то помогать.

– Ты знаешь, где находится Дом О`Флаэрти? – приняв решение, спросила Морриган.

Бадб оскорбленно фыркнула.

– Ну разумеется! – Едва договорив, она оборотилась вороном и вылетела в окно.

Не тратя времени, Морриган схватила сумку с ведьминскими атрибутами и, покинув комнату, спустилась на первый ярус «Подземелья дракона». Слава богам, Нэн нигде не видно – тратить драгоценное время на беседы со словоохотливой блондинкой Морриган была не настроена.

Порыв ветра растрепал волосы. И откуда ветер взялся здесь, в Пропасти? Не иначе фокусы стихийных магов – или для придания большей реалистичности притворившемуся городом подземелью или же для того, чтобы здесь было чем дышать.

Ворон описал круг над Морриган и мягко спланировал на ее плечо. Удивленно повернув голову, она несколько мгновений смотрела на черную птицу. После чопорного Кенгьюбери и дюжины городов с одинаково строгими законами и порядками, непросто свыкнуться с мыслью, что можно спокойно обращаться к черным чарам – или разгуливать с ее источником и воплощением на плече.

Путь до резиденции Дома О`Флаэрти не занял много времени. Внушительных размеров особняк располагался на одном из одиночных островков Пропасти, где не было ничего, кроме, собственно, дома и разбитого

неподалеку роскошного сада. Пройдя по подвесному мосту, Морриган с Бадб на плече ступила во владения Доминика О`Флаэрти.

Ни ограды, ни ворот – это место защищалось иначе. Доказательство – облако тэны, коконом окружившей дом.

Морриган постучалась в дубовую дверь. Она распахнулась лишь пару минут спустя – словно кто-то стоящий за дверью их... проверял. Застывший на пороге сухопарый джентльмен окинул незваную гостью оценивающим взглядом, не забыв удостоить вниманием и ворона.

– Добрый день. Чем я могу вам служить?

Ну надо же. Видимо, и среди отступников не перевелись знатоки хорошего тона.

– Я хотела бы увидеть Доминика О`Флаэрти. Это насчет его бокора, Ганджу Ямара.

Слуга – по всей видимости, дворецкий – позволил им войти и удалился в поисках главы Дома. Заслышав шаги, Морриган вскинула голову.

Заготовленная речь распалась бессвязными словами, а дежурная улыбка растаяла, когда она разглядела того, кто спускался по широкой лестнице.

Дэмьен Чейз собственной персоной.

Глава пятнадцатая

– А от тебя точно так просто не избавишься, – покачал головой Дэмьен.

– Ну ты и гад, – прошипела Морриган. – Ты знал, что я ищу бокора, но не мог сказать, где его искать!

Татуированный отступник хладнокровно пожал плечами.

– Я тебе в няньки не нанимался.

– Знаю, что слово «помощь» тебе малознакомо, – едко сказала Морриган,
– но я предлагала тебе сделку!

– Все, что я хотел – чтобы рядом со мной было как можно меньше
Охотниц. Жаль, идея сплавить тебя в Дом Маккормак пришла запоздало.

«Тугодум», – мстительно подумала она, а вслух сказала:

– Да брось, я еще не сделала ничего, чтобы заслужить твое недоверие.

– Ты – угроза. Мелкая, желторотая...

– Ты ненамного меня старше! – возмутилась Морриган, оскорбленная до
глубины души. Она будто вернулась на четыре года назад, когда «вольные»
были еще малочисленной группой, когда ей каждый день приходилось
сталкиваться с предубеждением и снисхождением со стороны старших.
Впрочем, неверие других – лучший стимул преуспеть.

– ...возомнившая себя крутой ведьмой, но угроза. А Пропасть – мой дом.
Какой есть. – Усмешка вышла горькой. – И я защищаю его так, как умею. В
том числе и от Охотниц с живыми молниями, которые одним взмахом руки
могут кого-нибудь на досуге испепелить.

Морриган хотела было напомнить, что именно с его вспышки ярости все
и началось, но ее опередили.

– Дэмьен – солдат, – вдруг произнес низкий голос откуда-то сбоку. Она
круто развернулась и увидела высокого мужчину с волевым лицом и рыжими
волосами. – И солдат превосходный.

– Я просил. Никогда. Не называть. Меня. Солдатом, – процедил Дэмьена,
враз словно ошетинившись иголками.

Однако смутить вышедшего из комнаты человека было не так-то просто.
Он лишь пожал плечами.

– Страж. Воин. Телохранитель. Не все ли равно? Слова – это просто
слова, Дэмьен.

Судя по мрачному взгляду отступника, он был не согласен. Так сразу и
не поймешь, с чего его так взбесило невинное с виду слово. Морриган знала

Дэмьена лишь пару дней, но уже создавалось впечатление, что тайн у него не меньше, чем татуировок.

Она перевела взгляд на рыжего незнакомца. Военная выправка, изучающий прищур. По-своему привлекателен, но вместе с тем... было в его облике нечто такое, что подсказывало: лучше держаться от него подальше. Однако подобной роскоши Морриган позволить себе не могла.

– Доминик О`Флаэрти, я полагаю?

– Верно полагаете.

Уголок рта приподнялся – попытка улыбнуться, не слишком, впрочем, убедительная. В отличие от улыбки, которая не затронула оставшихся холодными глаз, сами глаза – голубые, очень светлые и яркие, отчего-то приковывали взгляд.

Морриган задалась вопросом: а не использовал ли глава Дома ментальные чары? На всякий случай поставила в сознании блок – непроницаемый барьер. Насторожилась, когда по губам Доминика О`Флаэрти скользнула усмешка: он будто почувствовал ее манипуляции.

– Значит, вы и есть та ведьма-Охотница с Верхнего города, которую Дэмьен провел в Пропась?

– Уже наябедничал? – съязвила Морриган.

– Он обязан докладывать мне о всех посетителях Пропасты. Чужаках, которых здесь по обыкновению не жалуют.

По неизменно хмурому лицу Дэмьена с неизменно сведенными бровями сложно было понять его истинные эмоции, но Морриган показалось, что его неудовольствие стало... острее, что ли. Не привык находиться на вторых ролях и кому-то подчиняться? Но что тогда привело Дэмьена в Дом О`Флаэрти, если только он не был родственником Доминику?

– Значит, несмотря на то, что вы так тщательно оберегаете вход в Пропась, здесь все-таки бывают гости из Верхнего города?

– Обычно они покидают Пропать быстрее, чем отыскивают вход в нее, – заверил Доминик. – Но так как приходят они сюда исключительно за черной магией, нет резона видеть в них потенциальную угрозу: прибегая к запрещенным Трибуналом чарам, они и сами становятся отступниками. И прекрасно знают, что в случае предательства мы, жители Пропати, молчать не станем.

Недвусмысленное предупреждение... Морриган усмехнулась, давая понять, что выпад главы Дома О`Флаэрти оставил ее равнодушной.

– Так что привело в Пропать и непосредственно ко мне вас и вашего... гм... фамильяра? – Взгляд Доминика остановился на вороне на ее плече.

Морриган и не сомневалась, что эти слова мама без внимания не оставит. Бадб тут же взвилась вверх и вернула себе человеческое обличье. Не успело толком проявиться ее тело, как она уже накинулась с гневной тирадой на Доминика.

– Фамильяр?! – Возмущению Бадб не было предела. – Прежде, чем что-то говорить, я бы советовала вам для начала хорошенько подумать!

Морриган закатила глаза – матушка в своем репертуаре. Знает же, как важно для них обеих расположение главы Дома О`Флаэрти, но сдержать свой вспыльчивый характер даже не пытается.

На лице Доминика, однако, не отразилось ни тени недовольства. Напротив, он окинул стоящую перед ним черноглазую ведьму восхищенным взглядом, произнеся «Простите мне мою оплошность». На юную – и, главное, живую – Морриган он так не смотрел...

Не ревность, конечно, скорее, хмурое разочарование от того, что в этом раунде их бесконечной гонки Бадб одержала вверх.

Морриган мотнула головой, усилием воли избавляясь от пустых мыслей. Что ж, если раньше ключом к сердцу главы Дома О`Флаэрти она считала себя, то теперь ситуация несколько изменилось. Но главное – любыми путями завоевать расположение Доминика. И, судя по его хищному взгляду на Леди Ворон, семейка Блэр была на верном пути.

Поняв это, Бадб перехватила у Морриган инициативу.

– Морриган – моя старшая дочь. Мою младшую дочь жестоко убили, – надтреснутым голосом сказала она. – Но по воле случая в моих руках оказалась и ее душа, и тело. А значит...

– А значит, мой бокор может попытаться вдохнуть в нее жизнь, – кивнув, закончил за нее Доминик. Такое родство вполне взрослой Морриган и молодящейся Бадб совсем его не удивило – во всяком случае, с виду. Он поразмыслил – явно намеренно тянул время, не сводя взгляда с Бадб, в жесте отчаяния прижавшей руку к груди. – Не вижу причин отказывать вам: семья – это святое. Но, разумеется, я лично буду присутствовать на ритуале.

Бадб зашептала слова благодарности, а Морриган едва заметно покачала головой. Странно было слышать слова о священности семьи от человека, которого обвиняли в отравлении собственного отца. Впрочем, и о себе самой она успела наслушаться диких слухов... и правдой была лишь половина из них.

Задумавшись, Морриган не сразу заметила, как ладонь матери оказалась в руке Доминика. Сжав пальцы Бадб в жесте ободрения и успокоения, он с видимой неохотой их отпустил.

– Пойдемте, я познакомлю вас с Ганджу.

Вслед за Домиником и Бадб Морриган спустилась вниз, в подвал особняка. Дэмьян, как сторожевой пес, не отходил от них ни на шаг, чем раздражал ее.

Вся подземная часть дома принадлежала бокору – это стало очевидно, стоило только оглядеться вокруг. Хотя сама Морриган никогда не прибегала к магии вуду, она знала о ней не понаслышке, поэтому многие атрибуты узнала с первого взгляда.

Четыре месяца назад, когда она была проездом в городе Атровейс на юге провинции, Трибунал заказал ей поимку колдуна-отступника, который мнил себя бокором. Мнил – потому что, несмотря на многолетнее изучение вуду и непосредственно ритуала воскрешения, он нарушил самый главный его закон,

гласящий, что тело и душа объекта воскрешения должны быть едины. На этот опрометчивый шаг его толкнула смертельная болезнь дочери – результат насланного на нее проклятия, от которого колдун долго и безуспешно пытался ее избавить. Умиряющее тело дочери, пораженное проказой, стало ловушкой для ее души.

Морриган не знала, в какой момент любовь к дочери настолько затмила рассудок бокора, что он решился на преступление. Как бы то ни было, он заключил душу дочери в филактерий, а затем убил похожую на нее жительницу Атровейс – высокую и светловолосую, и попытался соединить ее тело с душой дочери. Разумеется, ничего хорошего из этого не вышло – при таких чудовищных нарушениях ритуала магия вуду сработать не смогла. Точнее, дочь бокора все же ожила, но превратилась в безмозглого и беспомощного зомби, не способного ни говорить, ни мыслить. И главное – не способного быть человеком, а только притворяющегося им.

Морриган пришлось отлавливать и бокора, и безумный итог слияния разных души и тела. Колдун отправился в тюрьму – за такие шутки с запрещенными чарами, скорее всего, пожизненно. Что случилось с недочеловеком, слепленным из двух разных людей, она не знала – Трибунал забрал зомби в свои тайные казематы. Печальный, но закономерный исход.

На полках шкафов в подzemелье дома О`Флаэрти обнаружились огве – чаша для ритуалов, гови – горшочек для смешивания трав, пемба – мелки для рисования печатей духов, свечи разных цветов, длинные иглы, ритуальные ножи. В углу стояли барабаны, на столе у стены рассыпаны травы, камни, пузырьки с маслами и кусочки ткани для изготовления гри-гри – вудуистских амулетов. Довершал картину митан – столб в центре комнаты, символизирующий дорогу, по которой во время обрядов духи спускались в мир людей.

Ганджу Ямара оказался очень высоким и худым мужчиной с кожей цвета горького шоколада и короткой седой бородой. Облаченный в свободные штаны и рубашку, он покуривал сигару и, опираясь о стену, невозмутимо смотрел на вошедших. Торопливыми фразами изображая волнение –

Морриган прекрасно знала, что ее мать в эту минуту предельно собрана и хладнокровна – Бадб рассказала бокору о Клиодне.

Он молчал, и сладковатый дым его сигары щекотал ноздри.

– Я возьмусь за это, но вы должны знать: ритуал воскрешения непредсказуем. – Голос у Ганджу оказался хриплым и прокуренным. – Ваша дочь и сестра может не выжить – если лоа этого не захочет. Она может выжить, но стать помешанной, если ее рассудок не выдержит чар.

– Клио сильная, – жестко сказала Морриган. Ей надоело молчать.

Пропустив ее слова мимо ушей, Ганджу закончил:

– Даже если она выживет и сохранит рассудок, это не гарантирует, что как человек она будет полноценна. Когда рвутся нити, соединяющие душу и тело, очень легко навсегда потерять важную часть себя.

– Клио – ведьма, – упрямо тряхнула головой Морриган. – Ей под силу справиться с этим испытанием.

– Ах, ну раз ведьма... – усмехнулся Ганджу.

– Да, ведьма, – неприязненно повторила она. – Потомственная черная ведьма и, несмотря на свои юные годы, сильный духом человек.

– Может, стоит все-таки обдумать это еще раз? – В голосе Бадб звучала такая несвойственная ей неуверенность.

– Тут нечего думать, – отрезала Морриган. – И не волнуйся. В случае неудачи не тебе до конца жизни ухаживать за Клио.

Черные глаза Леди Ворон гневно сверкнули, но она сумела сдержать эмоции. Морриган перевела взгляд на Ганджу.

– От нас что-нибудь требуется?

– Только одно: не мешать.

По просьбе бокора Дэмьен позвал вниз еще двух членов Дома О`Флаэрти: смуглокожую Саманью, оказавшуюся мамбо – жрицей вуду, и чернокожего Аситу – хунгана, жреца. Высокая и тоненькая, Саманья была неуловимо

похожа на Ганджу. Морриган не удивилась бы, если бы выяснилось, что она его дочь.

Ганджу скрылся в одном из закутков подземелья, а Саманья и Асита тем временем кукурузной мукой начертили на полу вокруг столба ве́ве.

Религиозный символ и воплощение астральных сил, во время церемонии ве́ве был своеобразным маяком для вызываемых жрецами вуду духов лоа, обязывая их спуститься на землю.

На начерченном на полу символе Морриган разглядела венчающий алтарь крест и схематичное изображение гробов по обеим сторонам от алтаря. Ве́ве принадлежало Барону Суббота – одному из самых неоднозначных и противоречивых лоа, покровительствующему мертвым. Только от его решения зависело, выживет Клио или умрет. А какой она станет, воскреснув, зависело от случая, мастерства бокора и силы ее духа.

Морриган понимала, что сильно рискует, но так рано отпустить сестру в Мир Теней не могла.

Когда ве́ве Барона Суббота был закончен, мамбо и хунган начали размещать на нем подношения лоа. Наряду с резной трубкой, бутылкой рома и игральными картами, среди подношений оказались кофейные зерна, рис, черные бобы и стручки красного перца.

Немногословная Саманья жестами приказала присутствующим отступить к стене – чтобы они ненароком не наступили на ве́ве. Зажгла черные свечи и расставила их по кругу возле символа. Вернулся Ганджу, облаченный в мешковатый черно-фиолетовый наряд – цвета Барона Суббота. Морриган отдала ему сферу с душой сестры, вторую положила рядом с ве́ве. Рой серебристых бабочек обратился Клио – такой спокойной, казалось, просто уснувшей.

Саманья и Асита принялись выстукивать на барабанах чёткий ритм. Церемония началась. Ганджу запел песню-прошение, обращенную к лоа Легбе – посреднику и своеобразному хранителю врат, разделяющим миры живых и лоа. Без его помощи не открыть врата и до духов не добраться.

Под ритмичную пульсацию барабанов, не выпуская из рук сферу с душой Клио, Бокор начал танцевать. То бормотал, то выкрикивал обращение к Барону Суббота. Движения его были странными, рваными, диковатыми, даже нелепыми... но вот смеяться отчего-то совсем не хотелось. Изредка он подносил ко рту початую бутылку рома, а затем распылял напиток на подношения и веле Барона Суббота.

Что-то в окружающем пространстве неуловимо изменилось. Воздух сгустился, нервы натянулись как струны. Глаза Ганджу загорелись безумным огнем, и он резко оборвал свой танец – Барон Суббота ответил на его призыв, зарядил его своей силой. Бокор поднес сферу с душой Клио к лицу и что-то зашептал, почти касаясь ее губами. С изумлением Морриган увидела, как к его рту потянулась тоненькая серебристая струйка энергии. Ганджу выпил душу Клио до дна, и сфера – своеобразный филактерий – под его пальцами рассыпалась на мельчайшие осколки. Бокор опустился на колени перед телом Клио, осторожно раскрыл ей губы и, наклонившись вперед, медленно выдохнул.

Все та же струйка серебристой энергии – душа, временнымместищем которой стал Ганджу – призрачной змейкой потянулась ко рту Клио, чтобы наполнить собой ее тело. По рукам Морриган побежали мурашки, воздух словно разом похолодел. Она стояла, не шелохнувшись, как статуя, не в силах сделать ни единого движения. Напряжение достигло апогея, и когда Ганджу резко выкрикнул то ли призыв, то ли заклинание, Морриган вздрогнула всем телом.

А Клиодна, резко выпрямившись, закашлялась и открыла глаза.

Морриган первая бросилась к ней. Упала на колени рядом, схватилась за руку. Отдавала себе отчет в том, что может напугать сестру, но желание почувствовать тепло ее руки было сильнее. Вот только ладонь Клио еще была холодной – горячая кровь только заструилась по ее венам и не успела согреть. И что-то странное было с ее взглядом – мертвым, остановившимся.

Невероятно длинные, невероятно страшные секунды Морриган думала, что ничего не вышло. Что ритуал был проведен неверно, и сестра стала зомби, потеряв и рассудок, и человечность.

Клио выкрикнула ее имя, но прежде, чем с губ Морриган успел сорваться вздох облегчения, сестра в панике вскрикнула:

– Мои глаза! Я не вижу... Я ничего не вижу!

Глава шестнадцатая

Сивилла была довольна. Под ее торжествующим взглядом Ник просветил ее кожу повыше запястья браслетом, имитирующим чары стражей портал-зеркал – так, чтобы нарисованные специальными чернилами личностные татуировки проявились, а после поставил печать-лицензию на свободное место. Теперь никакая проверка сивилле не страшна.

– Спасибо, – искренне сказала Аннет.

Ник натянуто ей улыбнулся.

– Постарайтесь не попадаться в руки Трибунала, ладно?

– Я осторожна, эмер Куинн. Я всегда осторожна. От этого зависит судьба моих детей. – Она потерла место печати, без специального браслета стремительно бледнеющее. – А теперь, как и обещала... Клуб «Дурман» – единственное место в городе, где процветает торговля черными чарами.

– «Дурман»? – поразился Ник.

Он был наслышан об этом клубе. И интерес со стороны Департамента «Дурман» вызвал не просто так: ходили слухи, что в качестве танцовщиц в клуб нанимали вейл – невероятно красивых, стройных и гибких соблазнительниц, способных играючи очаровать любого. Их взгляд и чарующий голос обладали своеобразным гипнотическим действием – поговаривали, что особо сильным вейлам достаточно заговорить с человеком,

чтобы подчинить себе его волю и заставить совершать безрассудные поступки. Если это правда, неудивительно, что завсегдатаи «Дурмана» оставляли в клубе едва ли не все свои сбережения. Вот только ментальная магия, к которой относилась и магия вейл, была запрещена...

Позже слухи о танцовщицах-вейлах подтвердились. Но с задачей выявить черные чары, применяемые вейлами, не справлялась одна проверка за другой. Владелец клуба и по совместительству один из богатейших людей Кенгьюбери Хариед Детран уверял, что его вейлы пользуются природным очарованием, харизмой, но никак не магией. Инспектора злились, Трибунал рвал и метал, требуя доказательств нарушения, но даже регулярно патрулирующие улицы близ «Дурмана» ищейки ничего подозрительного не обнаружили.

И весть о том, что там процветает торговля черными чарами, стала для Ника неожиданностью.

– Быть того не может. Инспектора не раз проверяли «Дурман» сверху до низу.

Сивилла покачала головой.

– Фактически верхние этажи Дурмана принадлежат Кенгьюбери. Там все чинно. А вот нижний этаж, скрытый от глаз посторонних, принадлежит Пропasti, и там рамки уже никто не соблюдает: разлитая в воздухе тэна, наркотики и... подпольный бизнес по продаже чар.

– И вот там-то вейлы не стесняются использовать свой дар, – пораженный догадкой, закончил Ник.

Аннет сразу как-то съежилась, взгляд стал колким и напряженным.

– Ты должен мне обещать... То, что я рассказала, должно остаться тайной. Если «Дурман» закроют, Детран начнет копать. С его связями, с мощными чарами, которые находятся в его распоряжении, лишь вопрос времени, как скоро он найдет и меня, и тебя. И тогда мои дети останутся сиротами, а ослабление дара покажется тебе наименьшей из бед.

Выбор не из легких. Если Ник придет к главе Департамента с новой информацией о «Дурмане», и если агенты найдут способ проникнуть на

нижний этаж клуба, то повышение до старшего инспектора у него в кармане – уж очень давно Вит Ротриден мечтал поймать Детрана на горячем.

Но какой бы заманчивой ни казалась подобная перспектива, приходилось признать: подводных камней предостаточно. Во-первых, все, что связано с Пропастью, тяжело обнаружить и еще тяжелее доказать. Все, кто так или иначе имеет отношение к Пропасте, связаны друг с другом своеобразным обетом молчания. Во-вторых, даже если план сработает и удастся доказать, что в обители Хариэда Детрана вовсю используются черные чары, а так же ведется торговля ими, этим Ник подставит не только себя, но и сивиллу. А судя по всему, никакими другими магическими талантами, кроме стихийно возникающего дара предвидения, Аннет не обладала и не смогла бы постоять за себя в случае серьезной опасности.

– Хорошо, – приняв решение, с тяжелым вздохом сказал Ник. – Я никому не расскажу о «Дурмане». Но попытки найти доказательства того, о чем вы мне рассказали, я не оставляю. Потому что нелегальная продажа черных чар – не шутка. Кто-то может пострадать.

– И я этого не хочу, – выдавила сивилла. – Просто дай мне время. Лицензия поможет мне скопить деньги на то, чтобы всей семьей уехать из Кенгьюбери.

Ник коротко кивнул и напоследок расспросил ее обо всем, что она знала о «Дурмане». Покидая дом Аннет Брин, он отчего-то был уверен, что это не последняя их встреча.

Теперь перед Ником стояла непростая задача: одеться так, чтобы не быть похожим на агента и вместе с тем хоть немного совпадать по образу и стилю с завсегдатаями «Дурмана». По словам Аннет, чары стоили недешево, а значит, приобрести их мог далеко не каждый обыватель.

С одной стороны, покупатели Детрана строго соблюдали анонимность и рассказывали о нем только самым доверенным лицам. С другой стороны – вряд ли темный делец знает в лицо всех посетителей клуба. А кто-то из них запросто мог спяну сболтнуть о подпольной продаже чар своему

собеседнику или обмолвиться об этом достаточно громко, чтобы его слова достигли ушей случайного слушателя.

Поразмыслив, Ник облачился в белые брюки с рубашкой, черный кашемировый плащ и кремовые туфли, которые Морриган непременно, сморщив нос, назвала бы «пижонскими». Нацепил на запястье золотые часы и – на всякий случай – закрепил невидимость личностных татуировок. Если у охранников Детрана есть проявляющий браслет, им придется повозиться, чтобы рассмотреть на его руке знак младшего инспектора Департамента. И если ситуация станет патовой, это позволит Нику выиграть время.

Когда на Кенгьюбери опустился вечер, он воспользовался портал-зеркалом в нескольких шагах от дома и перенесся в примыкающий к Центральному квартал Соррена – самый богатый и яркий, не спящий ночами и сверкающий сотнями огней.

У входа в «Дурман» дежурил амбал, который лишь скользнул по лицу Ника бесстрастным взглядом. Он в очередной раз порадовался тому, что не был инспектором, когда клуб подвергался бесчисленным проверкам. Иначе попасть внутрь в качестве обычного посетителя оказалось бы непросто.

Оглушило музыкой, эдаким звуковым торнадо, ударившим по голове и заставляющим сердце колотиться быстрее. Взгляду Ника открылся просторный зал с десятками столиков из темно-красного стекла и высокими металлическими стульями. Черные матовые стены, исчерченные изгибистыми линиями, которые время от времени вспыхивали алыми всполохами. Настенные светильники со стеклянными плафонами горели ровным приглушенным светом, окрашивая полумрак в красноватый цвет. Создавалось впечатление, что Ник попал в логово вампиров – мрачное, но необъяснимо притягательное.

Народу было немного – будний день. Ник занял свободный столик. Через мгновение к нему подлетела тонкая и гибкая что осиновый прутик брюнетка в черном платье. Ник заказал виски со льдом и, дождавшись, когда официантка уйдет, откинулся на неудобную спинку. Взгляд невольно застыл на одном из шести пьедесталов, на котором как кобра под ритмичную музыку извивалась...

вейла. Несомненно, вейла – никто из обычных людей не мог быть так одуряюще красив.

Подсвеченная красноватым светом лампы, она казалась истинно демоническим созданием, от красоты которой можно было сойти с ума. Тонкие черты лица, которое так и хотелось запечатлеть, идеальная фигура – длинные ноги, тончайшая талия, пышная грудь. Ник тряхнул головой, прогоняя наваждение. Нарисовал на ладони белую руну – защиту от порчи и гипноза, которой обучали каждого стажера Департамента. Жаль только, от проклятия она его не спасла.

Вновь обретя трезвый рассудок, Ник внимательнее взгляделся в лицо танцовщицы. Укол разочарования: красива, да, но той бездушной, холодной красотой, в которой нет ни изюминки, ни малейшего изъяна. От которой устаешь, как только к ней привыкаешь. Потеряв к вейле всяческий интерес, Ник отвел взгляд.

Официантка принесла виски. Ник поболтал с ней, даже заставив ее рассмеяться. Подумалось мимолетно: не так красива, не так совершенна, но вызывает куда больше желания, нежели подобная ожившей ледяной статуе вейла. Возможно, попозже он спросит у нее настоящее имя – чтобы связаться с ней по медальону и пригласить на свидание. Подозревая, что и эти, еще даже не начавшиеся, отношения обречены на провал.

Ник пригубил напиток, с ленцой разглядывая танцовщиц – усиленно изображая завсегдатая, он опасался смотреть по сторонам. Ближе к полуночи в клуб начал подтягиваться народ. Людей его возраста оказалось немного, и все – сыновья богатых дельцов Кенгьюбери.

Украдкой наблюдая за посетителями «Дурмана», Ник увидел, как один из них скрывается в коридоре в противоположной стороне от уборных. Показавшись через несколько минут, незнакомец и вовсе покинул клуб. Спустя полчаса в том же коридоре исчезла и молодая блондинка. Вернулась, застегивая замок на модном клатче, и была такова. Ник понял, что нашел то, что искал. Пора действовать.

Он прошел в коридор, у кожаного диванчика, на котором вейла, кокетливо накручивая на палец длинную прядь, болтала с посетителем клуба, повернул направо. И практически уперся в широкую грудь охранника, своим внушительным торсом закрывшего покрытую красным лаком дверь.

– Чего надо?

Следуя придуманной им легенде, Ник, изображая нервозность и нетерпение, произнес:

– Мне сказали... В общем, вы можете помочь... – Облизнув губы, он оглянулся на мило беседующую на диване пару. Понизил голос до шепота: – Чары, понимаете, да?

Охранник окинул Ника бульдожьим взглядом. И только просветив браслетом его руку, открыл перед ним дверь. Вот только недоверие с его не менее бульдожьего лица не исчезло. Стало ясно: чуть что, он тут же ринется на защиту хозяина, и тогда его обидчику несдобровать. В нем ощущалась какая-то сила, но ее источник от Ника ускользал.

Переступив порог, он оказался в небольшой, со вкусом обставленной, комнате, служившей чем-то вроде кабинета. Вся мебель – резной стол с фигурными ножками, над которым порхала сущность света, стулья, шкаф с коллекционными книгами в дорогом переплете – была сделана из красного дерева. Вишневые панели на стенах, множество картин, изображающих морскую стихию в самых различных ее проявлениях: от спокойной тихой глади с нежными бликами на воде, до бушующих штормовых волн среди потемневших вод.

У распахнутого настежь окна, впускающего в кабинет прохладный вечерний воздух, вполоборота стоял мужчина, одетый в безупречно сидящие темные брюки и черную шелковую рубашку. Резкие черты лица, светло-голубые, почти прозрачные глаза и волосы такого светлого, почти белоснежного оттенка, что каждый раз, глядя на его спектрографию – а Хариед Детран не так часто попадал на страницы газет – Ник задавался вопросом: неужели он балуется иллюзией?

На холенном лице Детрана при взгляде на Ника промелькнул холодный интерес. Так ученые смотрят на лабораторную мышь, которую препарируют.

– Кто вы такой?

– Марк Кевиш, – сказал Ник первое, что пришло в голову. Тот, чьим именем он назвался, был первым арестованным им отступником.

Он до последнего надеялся, что Детран лишь приглядывает за клубом, поручая грязное дело – продажу чар – доверенному лицу. Но... нет.

– И что же вам, Марк Кевиш, понадобилось в «Дурмане»? – с насмешливой ноткой спросил Детран. Голос низкий, бархатный.

Нужно было решать: или вести тонкую игру, в которой ставкой была правда, а средством ее достижения – ложь, и надеяться, что хозяин клуба не выведет его на чистую воду. Или же говорить прямо.

Ник выбрал последнее.

– Произошла неприятная ситуация: кто-то наслал на меня черные чары, которые, признаюсь, портят мне жизнь.

Странный прищур и пришедший ему на смену расслабленный взгляд Детрана убедил Ника в правильности выбора: казалось, его только что проверяли, и проверку он прошел, когда Детран распознал на нем печать проклятия.

Надо же... это не просто чары – если учесть, что для их призыва Детран не сделал ни единого движения – это дар. Те, кто обладали подобной способностью, обычно шли в агенты и трибуны... Хариед Детран своим даром распорядился иначе.

– Вы наверняка разбираетесь в чарах, – как можно невозмутимее продолжил Ник, – а значит, сможете подобрать для меня некий... антидот. Чары, зелье – все, что угодно.

По-птичьим склонив голову, Детран изучал его своими странными прозрачными глазами.

– По-вашему, я похож на торговца зельями?

– Нет, но вы – торговец чар. Уверяю вас, притворство ни к чему. Мне нужна помощь. Что нужно вам? Деньги?

Детран хохотнул.

– Это последнее, в чем я нуждаюсь. – Глаза его сузились. – Разве ваши друзья не говорили, что я требую за свой товар?

– Они предпочитают об этом не распространяться, – недовольно сказал Ник. – Все, что я слышал от них, что «плата немалая, но она того стоит».

Владелец «Дурмана» подошел ближе и прикоснулся тремя пальцами ко лбу Ника. Что-то странное при этом происходило с глазами Детрана – светло-светло-голубая радужка залила белки, а зрачок исчез вовсе. Длилось это несколько секунд, после чего на Ника накатило сильное головокружение. Тэна комнату не заполонила – магия исключительно белая. Довольно парадоксально, если знать, кто перед тобой стоит.

– Ослабляющие чары? Довольно редкий вид проклятия, – с видом знатока обронил Детран. – Обычно люди, если уж решились нарушить устав Трибунала, используют более сильное оружие. Смертельную болезнь, высасывающую жизнь до последнего вздоха или и вовсе заклинание, способное убить человека на расстоянии. – Он осклабился. – Разумеется, я не утверждаю, что я могу им с этим помочь...

Ну конечно, мастер конспирации, ну конечно.

Ник с тихим изумлением пытался понять причину, по которой Детран был так расслаблен, говоря незнакомцу о вещах, о которых другие боялись бы даже шептать за закрытыми дверями собственного дома. Вряд ли дело в том, что слова Ника о проклятии оказались правдивы. Тогда в чем же? Казалось, у Детрана нет ни малейших опасений, что его могут поймать на горячем. Неужели его покрывал кто-то из Департамента или – не дай бог – из самого Трибунала? Неужели его теневой бизнес кому-то был на руку?

Или Ник слишком накручивал себя, злясь, что видит перед собой самого что ни на есть настоящего отступника, но понимая при этом, что не может отправить его за решетку? Во всяком случае, не сейчас...

– А теперь скажи мне, что тебе нужно? – вкрадчиво спросил Детран, резко переходя на «ты».

– Что? – На мгновение Ник растерялся.

– Ты хочешь снять проклятие или же получить имя того, кто не так давно купил у меня чары ослабления? Конечно, имя наверняка вымышленное, как и твое – но, возможно, по описанию ты узнаешь человека из своего окружения...

Ник вскинул бровь.

– А разве это не конфиденциальная информация?

Ответом ему была ухмылка и слова:

– Для некоторых клиентов я могу сделать исключение.

Не к тому Ник обратился. У таких, как Детран, нет ни чести, ни честности.

– Хорошо. Если я хочу узнать, кто наложил на меня чары...

– Тогда тебе придется кое-что сделать для меня.

Ну разумеется. Иначе и быть не могло.

– И что же? – осведомился Ник.

Детран оперся о стену у окна, сложив на груди руки.

– С неделю назад от меня сбежала танцовщица. В Кенгьюбери слишком мало вейл, чтобы разбрасываться ими направо и налево. Хочешь получить то, за чем пришел – найди и приведи вейлу обратно. Ее зовут Илэйн Уайтхед.

– Где она живет?

– Понятия не имею, – легко отозвался Детран. – Только имя на татуировке и видел, остальное мне без разницы.

– С чего вы взяли, что она все еще в городе?

– Она определенно находится в городе – это все, что тебе нужно знать. А теперь будь добр – убирайся из моего кабинета и приведи мне Илэйн.

Разрешаю даже порасспрашивать ее подружек в клубе – может, и выведаешь то, что мои тупоголовые охранники упустили.

Совету Ник последовал, правда, ничего путного не узнал.

«Дурман» он покидал, находясь в полном раздрае. Как так вышло, что из законопослушного гражданина и служителя закона он превратился в помощника торговца черными чарами?

Глава семнадцатая

В особняке Доминика О`Флаэрти царило гробовое молчание. Морриган сидела у кровати сестры – Ганджу насильно погрузил Клио в сон, потому что она вырывалась и кричала, не понимая, где находится и что случилось с ее глазами. Бледная Бадб стояла у окна, обхватив себя руками за плечи. Доминик тихим голосом заверял ее, что они могут оставаться в его доме столько, сколько потребуется, но кажется, Леди Ворон и вовсе его не слышала. Даже Дэмыен был тут – подпирал плечом стену, со странным выражением глядя Клио.

Ганджу повесил на шею спящей – живой, слава богам, просто спящей – Клио только что сделанный гри-гри, который, по его словам, должен был ниспослать ей успокоение и защитить от злых духов. У бокоров существовало поверье: только что поднятый из мертвых человек может стать легкой приманкой для темных сил, которые всюду преследуют воскрешенного, прячась в его тени.

Злые духи волновали Морриган в последнюю очередь. От духов она Клио защитит, но вот вернуть зрение сестре не сможет.

Мамбо, помимо вуду, практиковали и исцеление, поэтому вердикта Саманьи Морриган ждала с замиранием сердце. Но она лишь сказала с сильным акцентом:

– Простите, имес, я ничем не могу помочь.

Видя отчаяние Бадб и Морриган, Доминик пригласил в особняк адгерента Дома – белую ведьму-целительницу Амину, то ли по какой-то причине обитающую в Пропasti, то ли вызванную из самого Кенгьюбери. Тонкокостная женщина со светло-русыми волосами и узким лицом, она часами колдовала над Клио, то приводя ее в сознание, чтобы наслатъ свои исцеляющие чары, то снова погружая в забытье. Ничего не помогало.

Клио оставалась слепа.

Теперь от нее не скрыть правду – иначе как объяснить внезапно возникшую слепоту? Но эта причина была не единственной, так же как потеря зрения была не единственным побочным эффектом воскрешения.

– Она не сможет вернуться в Кенгьюбери, – глухо сказала Морриган, глядя на сестру. – Во всяком случае, не сейчас.

Дэмьен непонимающе вскинул голову.

– Тэна, окружающая ее тело, – тихо объяснила она. – Я думала, она уйдет, как только закончится ритуал... но она не исчезает.

– Клио сейчас – сосуд черной магии, и только черная магия, магия вуду, позволяет ей жить, – сказал Ганджу. – В тот миг, когда рассеются чары, и она существовать перестанет.

Морриган кляла себя за то, что не подумала о подобном исходе раньше. Не зря же ее собственная мать, обитательница мира мертвых, всегда появлялась в гуще тэны – как фокусник в туманно-дымном облаке. А значит, сейчас в Верхний город, как здесь называли Кенгьюбери, для Клио вход закрыт. Первый же попавшийся на пути агент Трибунала или Департамента, первый же Охотник распознают в ней источник тэны. И тогда Трибунал навсегда ее заберет. Как и ту зомби... Куда? Никому не известно.

Клиодне придется остаться в Пропasti. Возможно, навсегда – если Морриган не найдет способ все исправить. Придется забыть о друзьях и школе, о поступлении в институт и карьере врача.

«Она никогда меня не простит». Мысль едкая, как кислота, обожгла.

Вскинув голову, Морриган выпалила:

– Я могу постоянно накладывать чары, которые будут развеивать окружающую ее тэну.

Дэмьен пренебрежительно фыркнул.

– Ты хоть представляешь, сколько энергии на это потребуется?

– Кажется, не так давно ты не хотел пускать меня в Пропасть, говоря о том, что я опасна. А опасна – значит, сильна, – веско произнесла она.

– Но для этого тебе придется оставить кочевую жизнь Охотницы и всегда находиться рядом с сестрой, – подала голос Бадб.

Она выглядела изможденной и бледной, на лбу проступили бисеринки пота – долгое нахождение в мире живых не могло не сказаться на ее самочувствии. Даже сила Леди Ворон безграничной не была.

– Если это позволит Клио жить нормальной жизнью и поможет исполнить ее мечту, я пересмотрю свои приоритеты, – холодно сказала Морриган. – Разве ты не пошла бы на это, будь у тебя такая возможность?

Бадб предпочла промолчать.

Когда Доминик, Дэмьен и жрецы вуду ушли, оставив семью Блэр наедине друг с другом, Морриган бросила матери:

– Тебе нужно вернуться в Мир Теней. Я же вижу, как тебе тяжело.

Бадб с видимым усилием кивнула. Она дышала часто, прерывисто, бледная кожа покрылась испариной – толща мира живых давила на ее плечи тяжелым грузом.

– Я ни на шаг не отойду от Клио, – заверила Морриган, и, успокоенная ее словами, Бадб обратилась в ворона. Спустя несколько мгновений в комнате не стало и его.

Какое-то время Морриган сидела на постели сестры и любовалась умиротворенностью на ее милом личике. Мысль «как скоро эта

умиротворенность разобьется, как скоро Клио начнет ненавидеть себя, меня и весь окружающий мир?» ударила по нервам.

Спустя пару часов от ее тщательно сохраняемого самообладания не осталось и следа. Морриган то подходила к окну, замирая, но не видя ни силуэтов, ни лиц, то вновь возвращалась к сестре – чтобы услышать ее размеренное дыхание, чтобы убедиться, что она жива.

Ресницы дрогнули, глаза цвета морской волны распахнулись.

– Привет, – тихо сказала Морриган. Подошла к сестре и осторожно взяла ее за руку. – Я рядом.

– Мои глаза...

– Все еще не видят? – Возродившаяся было надежда снова рассыпалась в пыль.

– Нет, – хрипло сказала Клио. Помолчала. – Что со мной случилось?

Морриган рассказала все без утайки. Просто не видела – уже не видела – другого пути. Оправдания не помогут: зрение не вернуть мягким тоном и уклончивыми фразами. Клио – ведьма, она – Блэр, и должна принять правду, какой бы тяжелой та ни оказалась.

– Значит, я воскрешенная...

– Ты – такая же живая, как я, Ник или кто-либо другой. Ты не лич, как мама, в твоих жилах течет кровь, а сердце бьется. Просто...

– Просто я слепа, – тихо закончила Клио.

– Прости меня.

Светлые брови удивленно приподнялись.

– Тебя? За что?

– Ты знаешь, за что. Ритуал воскрешения всегда непредсказуем. Мама говорила, что это слишком большой риск... Но я все равно отдала твое тело и душу в руки бокора.

Веки устало опустились, полностью закрыв сине-зеленую радужку с застывшим зрачком.

– Ты хотела как лучше, я знаю. Я... я не хочу уходить в Мир Теней, Морри.

Только одному единственному человеку на всем белом свете Морриган позволяла так себя называть. Бадб не в счет – легендарная Леди Ворон к нежностям не привыкла.

– Понимаю, этого не избежать, но... сейчас не хочу. Главное, я все еще жива – благодаря тебе. А то, что я стала слепой... Я научусь жить с этим.

– Это еще не все, – выдохнула Морриган. – Из-за того, что бокор воскресил тебя... В твоей крови слишком много черной магии. Ты источаешь ее, ты – ее вместилище. И это значит...

– Что в Кенгьюбери мне не вернуться, – обреченно произнесла Клио.

– Я не сдамся, Клио, и ты не должна сдаваться! Я найму для тебя лучших целителей, я сделаю все возможное, чтобы вернуть тебе глаза. И тэна... я думаю, есть способ ее развеивать – мне нужно только понять, как...

– Все в порядке, сестренка. – По бледным губам Клио скользнула слабая улыбка. – Все будет в порядке.

Морриган нежно провела ладонью по прохладной щеке сестры. Несмотря на то, что она была старше, опытнее и сильнее как ведьма и зеркалица, ей было чему поучиться у Клио.

Обессиленная от эмоций и переживаний, Клиодна снова уснула. Морриган вышла в коридор, тихонько прикрыв за собой дверь. Коснулась медальона, вызывая в памяти образ Ника. Противоположная стена коридора тут же превратилась в проекцию, изображающую не на шутку взволнованного Николаса Куина.

– Слава богу, ты объявилась, – выдохнул он. – Почему ты не отзывалась?

Морриган и впрямь несколько раз проигнорировала пульсацию медальона, догадываясь, кто именно пытался до нее достучаться. Впрочем, у нее была вполне весомая причина.

– Я в Пропasti, Ник.

Его глаза удивленно округлились.

– И Клио... У меня получилось ее оживить...

Пусть эти времена уже канули в прошлое, когда-то они трое были по-настоящему близки. Морриган знала: судьба Клио Нику совсем не безразлична. И продолжать выставлять сестру мертвой она не имела права.

– Что?! – Изумлению Ника не было предела. – Но как?! Прошу тебя, только не говори, что ты прибегла к некромагии!

– Нет, – сухо ответила Морриган. – Магия вуду. Бокор вдохнул в нее жизнь.

– Так или иначе, это черная магия.

– Черная магия, которая спасла жизнь моей сестре.

Ник долго молчал. Морриган понимала, какая внутри него происходила борьба, но упрашивать друга детства не выдавать ее Трибуналу не собиралась. Пусть принимает решение сам... а она с последствиями разберется.

– Что с Клио?

– Она еще не пришла в себя. – Солгать было легче, чем рассказывать о побочных эффектах ее воскрешения.

– Но...

– С ней все будет в порядке, – убежденно сказала Морриган. – Что насчет поиска того, кто напал на нее? Что-нибудь прояснилось?

– Не совсем.

Ник пятерней взлохматил и без того не слишком аккуратную прическу. Морриган спрятала улыбку – надо же, детская привычка оказалась сильнее прожитых лет и серьезного статуса инспектора Департамента.

– Мы обнаружили еще один труп, и между ним и Клио, какой мы нашли ее в Восточном квартале, есть нечто общее. Гуща тэны, окружающая тело, но источник не определить. Следов насилия нет – словно в какой-то момент просто остановилось сердце. А в доме жертвы – случайные прохожие ее опознали – я увидел то же, что в доме Клио. Нет следов взлома и грабежа, ценные вещи не тронуты, но большое зеркало в зале не просто треснуло, а превратилось в пазл – словно что-то разбило его, а затем собрало снова.

– Мне нужно это увидеть, – быстро проговорила Морриган. – Давай встретимся у центрального портал-зеркала. Только мне понадобится какое-то время – нужно найти способ вернуться из Кенгьюбери в Пропась.

Сказанное Нику не понравилось. Нахмурившись, он обронил:

– Зачем тебе возвращаться в Пропась?

Морриган вздохнула. Итак, разговора по душам не избежать. Будь на месте Ника любой другой, она бы и мысли не допустила, чтобы перед ним распинаться, но... Он действительно беспокоился о Клио.

– Клио не может сейчас вернуться в Кенгьюбери и жить, как прежде: само ее существование противоречит законам белой магии, а значит, ее всегда будет окружать тэна. А значит, тебе подобные будут охотиться за ней, как за отступницей, хотя в своей смерти Клио не виновата. А я этого не хочу. Может, я была не самой лучшей сестрой для нее, оттого, что выбрала жизнь Вольной. Но сейчас я ее не оставляю. Я буду в Пропаси, пока буду ей нужна.

На лице Ника отразилась целая гамма эмоций.

– Морриган... – хрипло сказал он. – Ты собираешься жить среди отступников, среди людей, на которые охотилась всего лишь несколько дней назад. Речь не о морали – знаю, ты делаешь это для Клио. Но... Это ведь может быть опасно для вас обеих!

– А у нас есть выбор? – спокойно отозвалась Морриган. – В любом случае, я уже все решила. Встречаемся у центрального портал-зеркала через полчаса.

Договорив, отключилась. Заглянула в гостевую спальню и удостоверилась, что Клио крепко спит.

С Дэмьеном Морриган столкнулась в общем зале – роскошной, богато обставленной гостиной, где царствовал дуб, мрамор и позолота. Аляповатое, на первый взгляд, сочетание смотрелось на удивление гармонично – у Дома О`Флаэрти был хороший дизайнер. Роскошная люстра на цепях была увенчана десятками свечей, покрытых тонкой вязью белых чар и зажигающихся от одного щелчка – немного старомодно, но эффектно.

Дэмьен стоял у окна, с сосредоточенным видом изучая какой-то пухлый томик.

– Гадаешь, какую еще татуировку набить? – нервно, а потому без особой фантазии, съязвила Морриган. Поймав на себе неодобрительный взгляд, устало спросила: – Как я могу вернуться назад в Пропать?

Морщинка между насупленными бровями стала глубже. Показалось даже, что серые глаза отступника потемнели. Одно Морриган знала точно – доверия в них не наблюдалось.

– Брось, Дэмьен, – резко сказала она. – Здесь меня ждет сестра, и от мамбо и целительниц Пропати, возможно, зависит, вернется ли к ней зрение. Неужели ты думаешь, что, поднявшись наверх, я вернусь с ордой инспекторов и агентов Трибунала? Я не знаю, отчего ты так предан Доминику О`Флаэрти или Пропати в целом...

– Это тебя не касается, – отрезал Дэмьен.

– ...но я не собираюсь крушить здесь все вокруг, особенно когда на кону стоит жизнь моей сестры. Или что? Скажешь, что я – черная ведьма, поэтому от меня можно всего ожидать? Так вот, истинная черная ведьма – моя мать. Я – зеркалица, белая ведьма...

– И Охотница, – неприязненно добавил Дэмьен. Гневная тирада Морриган, казалось, не произвела на него ни малейшего впечатления. – Ты хоть представляешь, судьбы скольких моих друзей и просто неплохих людей, которые, может, принимали и не самые правильные решения, ты и тебе

подобные разрушили? Сколько жизней вы оборвали? Сколько семей оставили без кормильцев, без родных и близких? Почему ты это делаешь? Потому что считаешь, что вершишь правосудие, делаешь правое дело? Нет. Даже агентов Трибунала и их цепных псов-полицейских я готов уважать больше, чем Охотников и Охотниц. Потому что для таких, как ты, важно только одно – звонкие монеты, которые ты получишь за поимку или смерть очередного безликого для тебя отступника.

Морриган открыла рот, чтобы обрушить на зарвавшегося нахала свой гнев, облаченный в ядовитые слова, но не успела. Громко захлопнув книгу, Дэмьен не глядя бросил ее на кресло и шагнул к Морриган.

– Ты охотишься на таких, как мы, навариваешься на наших загубленных жизнях, но как только твоей сестре понадобилась помощь, ты тут же примчалась в Пропась! Так почему я должен тебе доверять? Тебе, лицемерке?

Хрупкое хладнокровие треснуло и расколосось. Лишенная оков, ее ярость вырвался на свободу. Морриган вскинула руку и залепила Дэмьену звонкую пощечину... и в ту же секунду отлетела назад, словно подхваченная сильнейшим торнадо. Сшибла стоящий на пути пуфик, задела край низкого стеклянного столика, рукой скинув с него вазу. Та разлетелась на мелкие осколки, а Морриган, уже не встретив сопротивления, впечаталась в стену спиной – да так, что хрустнули позвонки. Сознание помутилось. Из последних сил она прошептала: «Artego alaya». Прохладная исцеляющая нить, сотканная из воздуха и магии, оплела позвоночник, залечивая и успокаивая боль.

Дэмьен в четыре шага преодолел разделяющее их расстояние. Порывисто наклонился, нависая над ней: первая мысль, стремительно пронесшаяся в мозгу, почему-то была «хочет добить». С изумлением и неверием Морриган увидела в его взгляде раскаяние. Невероятно... просто уму непостижимо. Дэмьен внезапно напомнил ей пса, который со злости укусил хозяина и теперь смотрел на него полными вины и сожаления глазами.

– Прости. Я... я же просил *так* ко мне не прикасаться.

– Большой придурок, – прошипела Морриган. – А как я должна к тебе прикасаться?

– Нежно и ласково, – усмехнулся Дэмьен.

Подал руку, которую она с каменным видом отвергла. Со стоном поднялась.

– Просто скажи мне, как, черт возьми, вернуться в Пропась к Клио!

– Я нанесу на твою руку метку – она позволит тебе беспрепятственно проникнуть обратно, – сказал Дэмьен – сама кротость и готовность загладить свою вину.

Надо же... Значит, не так уж он черств, как казалось поначалу... Но это его буйство и нечеловеческие рефлексы... Морриган передернула плечами. Дэмьен взял ее за запястье.

– А мне точно можно тебя касаться? – ядовито спросила она. – Меня не постигнет смертельная кара?

Дэмьен закатил глаза.

– Я же извинился. И, кстати, предупреждал.

– Что ты такое, Дэмьен? Откуда это в тебе?

Брошенный на Морриган взгляд, казалось, был способен превратить ее в ледяную статую. По тому, как переменилось его обычно невозмутимое лицо, она поняла, что сказала лишнее. Совершенно случайно, но она надавила на его болезненную мозоль – или вскрыла вновь закровоточившую рану.

– Не твое дело. – Кипящая ярость сменилась пронизывающим холодом.

Не произнеся больше ни слова, Дэмьен нанес на ладонь Морриган странную черную метку – своеобразный лабиринт линий, рун и завитков. Не выучишь, даже если очень сильно захочешь. Словно подслушав ее мысли, Дэмьен сухо сказал:

– Не пытайся его спектрографировать, запомнить или зарисовать. Здесь множество скрытых знаков, которые известны только обитателям Пропasti.

Морриган безразлично пожала плечами. Пропать ей не дом – лишь временное пристанище. Как только Клиодна поправится, они обе уберутся отсюда.

И хотелось бы верить, что навсегда.

Глава восемнадцатая

Чтобы избежать лишних подозрений, по возвращению в Кенгьюбери Морриган пришлось сменить роскошное платье, которое уместно смотрелось только в Пропasti или на костюмированном балу, на костюм Охотницы из багровой кожи и нацепить на пояс плеть-молнию. Только после этого она встретила с Ником.

Осмотр тела предположительно еще одной жертвы «убийцы» Клио ничего не дал. Как и сказал Ник – никаких следов насилия: ни царапин, ни ран, ни повреждения внутренних органов. Просто в один ужасный миг сердце тридцатидвухлетней женщины вдруг перестало биться. Эксперт разводил руками, чтицы в рисунке тэны на спектрографии ничего не распознали.

Даже зная, что ничего не обнаружит, Морриган вместе с Ником наведальась в квартиру жертвы. Мистли Моркет – так звали жертву – жила одна и жила скромно. Вечеринок, по словам соседей, не затевала, мужчин домой не водила. Ее и видели только тогда, когда она уходила на работу или возвращалась домой. Все остальное время она предпочитала проводить взаперти. Причина оказалась банальна – Мистли, судя по обширной библиотеке, была заядлым книголюбом. Наверняка коротала часы за чтением с кружкой горячего чая в руках.

Морриган скользнула задумчивым взглядом по лежащей на столике книге. Потрепанная обложка, закладка на двух третях страниц. Вздохнула. Увы, но окончание этой истории Мистли уже никогда не узнает – хотя многие духи могут взаимодействовать с предметами живых, сейчас у нее наверняка

другие заботы. Например, как сохранить память о том, кем она была, что удастся далеко не всем духам. Те, кто утрачивает память, становятся тенями – обезличенными копиями духов, утратившими всякое подобие человечности. Среди таких теней с человеческими лицами Бадб приходилось находиться каждый день – каждую минуту, помимо времени, которое она проводила в мире живых.

Другие духи все свое посмертие посвящали тому, чтобы находиться рядом с живыми близкими – своеобразным призрачным щитом вставали за их спинами, в меру своих сил защищая от напастей, болезней и проклятий. Духи предков могли и вовсе спасти жизнь живым, но... судя по скромной биографии Мистли Моркет, ей особо и некого было спасать. Кто знает, возможно, именно в Мире Теней она, воссоединившись с родными, и обретет эфемерное счастье.

Вынув из сумки бессменные атрибуты – зеркальце и свечу, Морриган приблизилась к стоящему в гостиной зеркалу. Вся его поверхность была испещрена целой сетью трещин – глубоких, проходящих до самого основания зеркальной толщи. Осколки чудом удерживались в раме – только благодаря тому, что были плотно подогнаны друг к другу. Стоит вынуть хоть один, и хрупкая конструкция рассыплется.

Когда зажженная свеча осветила отражение в зеркальце Морриган, стало ясно: Мистли никак не могла находиться в Мире Теней. Просто потому, что душа ее, как и душа Клио несколько дней тому назад, оказалась в ловушке зеркальных осколков.

Что-то словно вырвалось отсюда, из глубины зеркала, а после... затянуло душу Мистли внутрь и запечатало ее, как... в филактерии – или большой зеркальной шкатулке.

– Что ты видишь? – раздался голос Ника за ее спиной.

Свеча дрогнула в руке – увлеченная блужданием по Миру Теней в поисках правды, Морриган успела забыть о присутствии в доме имес Моркет бывшего друга.

– Ее душу, – тихо ответила она и сделала знак не мешать.

Поразмыслив, всучила в руки Николаса зеркальце – хоть на что-то сгодится. Опешивший от такой наглости, он, тем не менее, промолчал.

Встав спиной к зеркалу с душой Мистли и глядя в отражение зеркала в руках Ника, Морриган прошептала: «Geoga salaya». Раздался скрежещущий хруст – осколки треснувшего зеркала, покинув раму, взмыли в воздух. Шепча слова заклинания и соединяя в едином призыве стихию воздуха и белую магию разрушения (бытовую магию, влияющую исключительно на неживую материю), Морриган превращала каждый осколок в труху. Когда все они были уничтожены, душа Мистли Моркет была освобождена. Теперь только от нее зависело, тенью или духом она станет.

Не видящий отражения Мира Теней и взмывшей в небо души, Ник не мог понять манипуляций Морриган.

– Зачем ты это сделала?

– Захотелось.

По взмаху руки усеявшие пол зеркальные опилки отправились в корзину для бумаг. Позади осталась только голая рама. Это внезапно натолкнуло Морриган на мысль: высвободив душу Клиодны, ее зеркальную ловушку изучать она не стала, но что, если в зеркале таились какие-нибудь подсказки?

– Мне надо идти.

Ник хмуро кивнул.

– Есть догадки, зачем и кому понадобилось это делать?

Морриган помотала головой – несмотря на то, что некоторые соображения у нее все-таки имелись, делиться ими с Ником она пока не собиралась. Сначала нужно разобраться во всем самой.

– Морриган... Если тебе понадобится моя помощь... тебе или Клио...

– Я справлюсь, – твердо сказала она, задержав взгляд на лице Ника.

– Знаю. – Он ничуть не обиделся, напротив – понимающе усмехнулся.

Морриган уехала из Кенгьюбери, когда ей было тринадцать. Судя по реакции Ника, уже тогда она была знатной упрямницей. – Просто... помни об этом.

Они вышли из дома имес Моркер вместе, но у портал-зеркала на центральной площади их пути разошлись. Ник исчез в зеркальной глади первым – наверняка торопился отправить в Департамент очередной отчет. Морриган поморщилась, не отдавая себе в этом отчета.

Когда-то их объединяла не только дружба, но и нелюбовь к жестким рамкам и правилам, которые нельзя нарушать. Еще детьми они оба мечтали стать Вольными и строили планы побега из Кенгьюбери. Мечтали вершить справедливость, странствовать по провинции, выполняя наемничьи заказы и охотясь на отступников.

Ник передумал – не захотел оставлять ни отца, ни родной город. Повзрослев, он пошел по стопам Эдгара Куинна и стал одним из агентов, которые напрямую подчинялись Трибуналу. Он выбрал путь относительного спокойствия, уверенности в завтрашнем дне и... стабильности.

Морриган снова поморщилась. Само это слово нагоняло на нее скуку. Она предпочитала не иметь собственного дома, не знать, где окажется неделю спустя и будет ли у нее работа и крыша над головой. Как в омут с головой, вместе с другими Вольными – импульсивными и бесстрашными – ввязываться в сомнительные авантюры и браться за самые рискованные заказы, от которых ради своих детей и любимых отказались старшие Охотники. В отличие от Морриган, им было что терять.

Только живя на пределе возможностей, только в сумасшедшем вихре событий она ощущала, что живет в полную силу.

В какой же момент то, что роднило их с Ником, стало их разделять? Впрочем, винить его Морриган не могла. Она – ведьма, ее ждет долгая жизнь и некое ее подобие и после смерти. Ник – обычный человек, а значит жизнь, как таковая, у него только одна. Возможно, именно это осознание заставило его пересмотреть свои взгляды.

Портал-зеркало привел Морриган в квартал Нескет. Несколько шагов по узкой чистой улочке, и вот она уже в доме сестры. В комнате, пропитанной ее запахом, ее любимыми цветочными духами. Улыбнувшись, Морриган взяла бутылек с полки шкафа – ерунда, но, возможно, они порадуют Клио.

Подумала хмуро: а способны ли любимые духи, весточка из прошлой жизни, порадовать юную ослепшую девушку?

А теперь дело. Приблизившись к зеркалу, из которой не так давно вытягивала душу сестры, Морриган провела рукой по трещинам-змейкам на его поверхности, и...

Голова чуть не раскололась на части – будто невидимый вихрь пытался ворваться в ее сознание. Кожу изнутри опалили огненные шипы. Морриган попыталась окутать тело непроницаемой защитной пеленой, но испытывать ее на прочность не перестали: появилась странная ломота во всем теле и скручивающая внутренности боль. Ощущение, что кто-то пытался вытянуть из нее жилы...

Или забрать душу.

Проклиная себя – почему ей не пришло в голову, что убийца может использовать одно и то же зеркало дважды? – Морриган пыталась слепить ментальный щит, защищающий сознание. Ничего не выходило – она слишком поздно поняла, что нечто, напавшее на нее, выпило почти все ее силы без остатка. Дрожащей от кипящего в венах адреналина рукой она потянулась к экфо, но не успела: взорвавшаяся в голове боль заставила рухнуть на колени и зажать руками уши. Что-то горячее и липкое появилась на ладонях.

Кровь... из ее ушей текла кровь. Горячая струйка скользнула из носа и попала на губы, рождая во рту металлический привкус.

Что-то было не так... помимо бестелесного существа – демона или, судя по отсутствию тэны, духа, который пытался украсть ее тело, лишив его души. Не так – потому что тела Клиодны и Мистли были нетронуты: никаких ран, ни капли крови. Казалось, невидимый убийца, пытаясь затянуть душу Морриган в зеркальную гладь, терпел поражение. Но оттого ли, что она – ведьма? Вряд ли, если учесть, что у нее сейчас практически не осталось магических сил.

И перед тем, как рухнуть в черную бездну небытия, она поняла истинную причину неудачи напавшего. Ею была черная руническая вязь на ее ладони, нарисованная Дэмьеном Чейзом. Нахальный отступник, кажется, спас ей жизнь – печать, не позволяющая Морриган использовать черные чары, не

позволяла и ворвавшейся в ее тело чужой душе применить их в полной мере. Дух из зеркала оказался в ловушке ее тела...

...Приходить в себя было тяжело и мучительно. Привкус крови во рту, фиолетово-черные пятна, мелькающие перед глазами. Сидя на коленях, Морриган со стоном сжала виски, недовольно поморщившись от вида крови на руках. Странно... ее было слишком много.

Когда в глазах чуть прояснилось, она поняла, что находится на улице, а не в доме Клио. Вокруг – чужие, искаженные в ужасе лица зевак, рядом – окровавленный нож, ей не принадлежащий. А прямо перед ней – мертвое тело девушки.

В глазах прохожих Морриган прочитала ответ на невысказанный вопрос: незнакомку лежащим на земле ножом на глазах у всех убила она.

Глава девятнадцатая

Ее руки в крови, костюм Охотницы наверняка тоже, но на багровом кровь не так заметна... а перед ней – труп человека. Сумасшествие, чистой воды сумасшествие.

Морриган вскочила, понимая, что оправдываться бесполезно. Какой-то прыткий мужичок попытался поймать ее в своеобразную паутину. На то, чтобы впрыснуть в кровь кристаллы экфо и зарядиться магической энергией, времени не хватало. Решение созрело быстро – сняв с пояса верную плеть-молнию, Морриган послала вперед молниевый разряд, вздыбивший землю под ногами наглеца и порвавший посланные им паутинные чары на мелкие клочки. А затем... унижительно, но ей пришлось бежать – так быстро, как только несли ноги.

На ходу она все-таки активировала экфо и тут же нырнула в отбрасываемую домами тень, сорвавшимся с губ заклятьем попыталась слиться с ней, стать ее частью, ее продолжением. И тут же была наказана за

забывчивость раскаленным стальным обручем, сжавшим виски. Согнувшись пополам, Морриган застонала от боли и ярости – чертова печать! Впрочем, стоило признать: если бы не она, Морриган повторила бы участь Мистли и Клио.

Пришлось сбегать и позорно пережить преследование в раскидистых кустах во дворе одного из домов.

Убедившись, что опасность миновала, Морриган направилась к Клио. Окутала проклятое зеркало чарами и удостоверилась, что никакой посторонней сущности внутри нет. Не стоит и говорить о том, что сделать это нужно было гораздо раньше. Она осторожно коснулась кончиками пальцев прохладной поверхности. Ничего. Выдохнув, смяла зеркало как пластилин и заключила его в сферу.

Морриган прошлась по квартире, в большую сумку собирая вещи Клио, которые могли бы пригодиться ей в Пропasti. Покончив с ними, села в обитое белой кожей кресло. Покусала губы, прокручивая в голове события этого – на редкость сумасшедшего – дня.

Итак, каким-то образом дух из зеркала все-таки подавил защитную магию печати, но только благодаря ей убить Морриган не смог. Лишь заблокировал ее сознание, временно взяв на себя солирующую партию. И убил ее руками более легкую жертву. А потом... что случилось потом? Куда он исчез? Растворился? Что-то она сильно в этом сомневалась...

Морриган настолько глубоко погрузилась в свои размышления, что раздавшийся в дверь стук заставил ее вздрогнуть от неожиданности.

– Морриган, это я. – Судя по голосу, Ник был взволнован не на шутку.

Она обреченно вздохнула – разборок и объяснений все-таки не избежать. Но прежде, чем открыть дверь, со своей стороны сделала ее полностью прозрачной – чтобы убедиться, что это не ловушка и что Ник не привел с собой агентов Департамента. Доверять людям, даже притворяющимся друзьями, она давно уже разучилась.

Ник влетел в ее квартиру, едва Морриган сломала печать на двери.

– Мор, что происходит? С какого перепуга тебя объявляют в розыск?

Ну конечно же. Наверняка кто-то из случайных свидетелей успел сделать весьма занимательные спектрографии, на которых она была запечатлена с ножом в руках.

– Тот, кто попытался убить Клио, – начала Морриган, мысленно отметив, что вернее было бы сказать «убил», – прятался в ее зеркале. И, судя по всему, он ненадолго завладел моим сознанием. Если бы не случайность, он бы меня просто-напросто убил – затянул мою душу в зеркало, как делал это с другими. Мне повезло, но... Он подавил мою волю и некоторое время управлял моим телом как своим.

– Хочешь сказать, твоими руками он убил новую жертву? – понял Ник. – Но зачем?

– А зачем он вообще убивает? – Морриган пожала плечами. – К тому же я для него – добыча слишком непокорная. Долго занимать мое тело он, по всей видимости, не мог – чары явно причиняли ему жуткий дискомфорт.

– Что за чары? – заинтересовался Ник.

Она махнула рукой – долго объяснять.

– Нечто перетекает из одного тела в другое, забирая их души через зеркала, – медленно проговорил Ник. – Прикрывается телами как масками, пряча свое истинное обличье?

– Не думаю. – Морриган мотнула головой. – Иначе зачем он так часто их меняет? Думаю, у него попросту нет собственного тела и в чужих надолго задерживаться он не может. И еще кое-что: это должен быть зеркальщик... или зеркалица. Никому другому не подвластны подобные чары – только они могут скрываться в Мире Теней, используя для этого зеркала.

– Выходит, он может наблюдать изнутри за миром живых.

– Определенно, – кивнула Морриган. – Во всяком случае, все, что происходит за зеркалами, где он прячется, тайной для него не является. А это опасно. Он видит нас, но мы его не видим. – Она побарабанила пальцами по

подлокотнику кресла. – Когда я доберусь до этой твари, я ей все позвонки пересчитаю.

– Морриган, тебя повсюду ищет Департамент, – устало бросил Ник.

– Ничего, я с этим справлюсь. Принесу тебе голову убийцы на блюдечке, и добьюсь того, чтобы с меня сняли все обвинения.

– Сначала нужно его поймать, – заметил Ник. – До того, как он выберет убежищем чье-то тело – и уничтожит душу его истинного хозяина.

– Ты сомневаешься в моих силах?

– Я никогда в тебе не сомневался, – тихо сказал он. – Но пока тебе лучше не показываться на улицах города.

– Ник, меня ждет Клио. Я не собираюсь прятаться в норке, пока убийцу не найдут. Мне нужно добраться до Пропasti.

– Просто подожди несколько дней. Может, эксперты обнаружат след чар на теле Алиен Гвен – так зовут жертву. А до тех пор...

– Мне не стоит выходить на улицу, слышала. Но знаешь, что я тебе скажу? К черту запреты. К черту осторожность. Там, в Пропasti, меня ждет сестра.

– Я понимаю. Просто я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Ты же не видишь границ, идешь напролом и...

– Мне нужно попасть в Пропасть, – отчеканила Морриган. – Надеюсь, ты не собираешься приковывать меня к себе цепями?

Она тут же пожалела о сказанных сгоряча словах. Все-таки Ник искренне переживал за нее... Но каждый раз, стоило кому-то начать учить ее жизни и говорить ей, что делать, Морриган мгновенно ошестинивалась иголками.

Тревога в глазах Ника сменилась сдержанной холодностью.

– Я сообщу тебе, если появятся какие-то новости, – бросил он.

Несколькими мгновениями спустя входная дверь закрылась за его спиной – тихо и аккуратно. Морриган протяжно выдохнула. Иногда ей казалось, что она обладает неким даром рушить все, к чему прикасается.

Она тряхнула головой и сжала медальон в ладони, вызывая в памяти на редкость притягательный образ: темные волосы, серые глаза, татуировки, которые так и хотелось рассмотреть поближе. Интересно, как они смотрятся на его торсе – судя по облегающим рубашкам, которые носил Дэмьен, у него было крепкое и в меру накачанное...

– Морриган?

Радуясь, что имеет дело не с телепатом, она без лишних экивоков сообщила:

– Кажется, я убила человека.

Дэмьен хмыкнул.

– Я должен этому удивиться?

– О да, я ведьма, Охотница и все такое, – скривилась Морриган. – Будь ласков, огради меня от своего поразительного остроумия. Я не собиралась его убивать, это сделал напавший на Клио дух-зеркальник моими руками. Хуже всего то, что это произошло на глазах многочисленных свидетелей.

Дэмьен покачал головой, всем своим видом говоря, что ничего другого от Морриган он и не ожидал.

– Ты хочешь, чтобы я снова спас твою шкуру?

– О своей шкуре я позабочусь сама, – холодно отозвалась она. – И, кстати, говоря, не припоминаю, чтобы ты вообще спасал меня когда-то. То, что ты открыл мне вход в Пропась, еще не делает тебя героем.

– Меня всегда раздражали герои. Они скучные и предсказуемые, – доверительно сообщил Дэмьен. – Кстати, добро пожаловать в нашу теплую и дружную компанию преступников и отступников! – Наверное, он хотел изобразить широкую улыбку, но получилось нечто очень похожее на хищный оскал. – Ты ведь теперь одна из нас?

Морриган закатила глаза. Буркнула:

– Пожалуй, не откажусь от вечеринки в мою честь. А лучше скажи мне, как попасть в Пропась.

– Квартал Астего, сувенирная лавка, – разом поскучевшим голосом бросил Дэмьен. – Во втором зале будет запертая дверь. Коснешься ее ладонью с меткой, и вход откроется.

Едва договорив, он тут же исчез. Морриган чертыхнулась – никакой вежливости! Перекинув через плечо ремень сумки с вещами для Клио, она покинула дом.

Наверняка именно Нику было поручено идти по Следу тэны, оставшейся рядом с телом Алиен Гвен. Хорошо, когда твой бывший лучший друг – инспектор и нюхач. Плохо, когда он по старой памяти пытается тебя оберегать и с какой-то стати ждет от тебя послушания. Впрочем, из свалившихся на нее проблем эта – самая незначительная.

Препятствием на пути Морриган стало портал-зеркало и застывший рядом с ним страж. Раз у агентов была ее спектрография, достаточно только приблизиться к порталу, и ее местонахождение тут же вычислят. Пришлось сделать крюк и добираться до нужного квартала окольными путями.

Она проникла в Пропась через зачарованную дверь в сувенирной лавке, вновь оставив позади Кенгьюбери. Однако это не означало, что поиски убийцы Клиодны, Мистли и Алиен она собиралась всецело доверить Нику и Департаменту. Слишком важно для нее найти убийцу. Во-первых, Морриган необходимо обелить свое имя – чтобы было куда возвращаться после исцеления младшей сестры. А во-вторых...

Он разрушил спокойную и полную красок жизнь Клио, по его вине ей пришлось страдать, по его вине она потеряла зрение и... умерла – хотя и ненадолго. Этого Морриган прощать ему не собиралась.

– Как ты?

– Нормально, – со слабой улыбкой сказала Клиодна.

Ложь. Не было ничего нормально, и никогда уже не будет.

Доминик по просьбе вернувшейся из Мира Теней Бадб созвал и белых ведьм-целительниц, и черных ведьм, использовавших незнакомые даже Леди Ворон чары, и даже подкупил мамбо из другого Дома, чтобы она навестила Клио. Деньги Дома О`Флаэрти решали многое, но... далеко не все. Маги колдовали над Клио часами, но зрение вернуть так и не смогли – ее глаза поразила магия в разы сильнее белой.

А значит, впереди у Клио – долгие недели смирения с мыслью, что видеть окружающий мир она больше не сможет.

Не верилось, как сильно все изменилось. Только неделю назад Морриган собирала нехитрый багаж, чтобы навестить сестру в Кенгьюбери. Клио училась, неизменно получая только самые высокие отметки, и расписывала жизнь на года вперед. А теперь... глаза ее застилала пелена, окрасившая мир в густо-черный. Морриган из Охотницы стала отступницей – одной из тех, на кого и охотилась последний год. Их убежищем стала Пропась, которую прежде они считали едва ли не городской легендой, а их ближайшим окружением – преступники, отступники и анархисты.

Невидящие глаза Клио теперь закрывала широкая лента из белой ткани, завязанная на затылке. Лицо бледное и осунувшееся – сказывалось отсутствие сна и аппетита. И если с последним удавалось справиться силами Саманьи, которая делилась с Клио своей жизненной энергией, то крепкий и долгий сон ей не могли подарить ни чары, ни зелья, ни травяные отвары. По словам Клио, стоило ей только закрыть глаза, как возникало жуткое ощущение, что некая сила затягивает ее... куда-то. На смену черному цвету приходил кипенно-белый, природу которого понять она не могла, начинала сильно кружиться голова. Клио пугалась и заставляла себя проснуться.

– Снова не смогла уснуть? – Морриган виновато улыбнулась. Рядом с сестрой она все время чувствовала свою вину. Оттого, что не справилась. Не защитила.

Клио неопределенно повела плечами.

Рассказывать о том, что случилось в Кенгбери, Морриган не стала – у сестры и без того хватало проблем. Зато почитала для нее несколько глав книги из внушительной библиотеки О`Флаэрти, невольно пожалев о детстве, которого у них не было – Бадб никогда не читала сказки своим детям. У легендарной Леди Ворон хватало и других забот: проведение обрядов черной магии, изучение тонкостей искусства некромагии и поиски слуг и проводников в Мир Теней... а также поиски человека, способного превратить ее в лича после смерти. Найти-то она нашла, но совершенно не ожидала, что к его услугам придется обратиться так скоро.

На местном рынке – она ехидно называла его «черным рынком» – Морриган купила изумительное ожерелье с кулоном-ракушкой, которая каждый час меняла свой запах. Чтобы она «запомнила» нужный аромат, достаточно было капнуть в ракушку каплю духов. Морриган скупилась половину флаконов из парфюмерного магазинчика, чтобы напитать зачарованную ракушку новыми упоительными запахами, а затем торжественно повесила ожерелье на шею сестры. Клио была в восторге. Не видя цветов, она могла их хотя бы ощущать.

Это самое меньшее, что Морриган могла сделать для сестры. Именно поэтому ей постоянно казалось, что делает она недостаточно.

Решив хоть немного отвлечь Клио и заодно выяснить интересующую ее вещь, Морриган осторожно спросила:

– Я видела, как ты разговаривала с Дэмьеном. А он рассказывал тебе что-нибудь о себе?

– О, он тебя заинтересовал! – лукаво воскликнула сестра.

Морриган громко фыркнула.

– Глупость какая! Просто есть кое-что, чего я никак не могу понять. То ли патология, то ли проклятие, то ли...

– То есть ты не отрицаешь, что о нем думаешь, – Клио улыбалась во весь рот.

Морриган задохнулась от возмущения и открыла рот, чтобы на правах старшей сестры все высказать младшей. Но тут же поняла, что зерно истины в словах Клио все-таки имелось. Быть может, она и впрямь думала о Дэмьене – безо всякого, разумеется, романтического подтекста. Просто задавалась вопросом, что скрывалось за его странными рефлексами и вечной угрюмостью, неприветливостью и неразговорчивостью – когда они сталкивались в доме, Дэмьен предпочитал делать вид, что видит вместо эффектной Морриган журнальный столик. Гадала, что означают его многочисленные татуировки и сколько их у него вообще...

Морриган совсем не понравился ход собственных мыслей. Если Дэмьен был совершенно ей безынтересен, то почему она хотела его узнать?

– Знаешь что, забудь, – хмуро бросила она.

Клио рассмеялась. Стало и радостно, и больно – оттого, что Морриган не могла увидеть, как искрятся смехом ее глаза.

Она оставила сестру на попечение Саманьи, с которой та успела найти общий язык. Впрочем, Клиодна Блэр всегда поразительно легко сходилась с людьми.

Отыскав дворецкого, Морриган выяснила, что Дэмьен отлучился по делам. К ее неудовольствию, ждать отступника пришлось около часа. Но едва он перешагнул порог (кожаная куртка мокрая от серебристого дождя – местной забавы стихийников), Морриган тут же вскочила с кресла.

– Мне нужно с тобой поговорить.

Дэмьен невозмутимо снял куртку, оставшись в черной футболке и обнажив целую череду символических татуировок выше запястья на обеих руках. Медленно прошествовал к креслу. Сел, забросив ступню в лакированном ботинке на колени, и только потом соизволил спросить:

– И о чем же?

– Я не верю, что слепота для Клио – это приговор, – нервно куснув нижнюю губу, проговорила Морриган. – Не верю, что в таком месте, как Пропась, не найдется никого, кто бы смог найти решение. Должен быть способ вернуть Клио возможность видеть мир – пусть не так, как прежде, но видеть! Доминик сказал, что ты, в отличие от него, родился в Пропаси... А значит, ты хорошо знаешь тех, кто ее населяет.

Он весь подобрался – сел прямо, переплел пальцы, сложив их на животе. Вальяжная усмешка исчезла.

– Я не знаю ни тебя, ни Клио. Да, она, кажется, хорошая девочка, но... с какой стати мне вам помогать?

– Я и не думала взывать к твоему состраданию, милосердию или чему бы то ни было еще, – усмехнулась Морриган. – Я предлагаю сделку. Ты находишь для меня ведьм или колдунов, которые могут помочь Клио. А я сделаю все, что... Я сделаю все.

– Все, что я захочу? – Лицо Дэмьена оживилось.

Морриган закатила глаза. Как дитя, честное слово.

– Да, все, что захочешь, – неохотно бросила она.

– То есть ты готова выполнить любое мое требование? Даже если я, например, захочу, чтобы ты навсегда покинула Пропась?

– Почему это тебя так удивляет? – взорвалась Морриган. – Почему все считают, что мне нет дела до других? Я кажусь эгоисткой? Да, возможно, так оно и есть. Но существуют люди, которые дороже всего остального мира. И ради счастья Клио я готова на все. Если мне нужно будет навсегда оставить Пропась – я это сделаю. Если нужно будет продать демонам душу лишь для того, чтобы Клио была жива – я сделаю и это.

– Я знаю, каково это – бороться за любимых, – отрывисто сказал Дэмьен.

Морриган вскинула брови. Странно слышать от него, ехидного, грубоватого отступника с непроницаемым лицом и тяжелым взглядом, такие

слова. Странно и неожиданно. Но что-то новое, непривычное было в его голосе и в выражении лица, когда он это говорил. Гремучий коктейль из горечи, печали и безграничного отчаяния. Мелькнуло и пропало... но Морриган была уверена, что ей не почудилось.

Что же прятал Дэмьен Чейз в своей душе и своем прошлом?

– Возможно, я действительно считал тебя бессердечной – как и большинство Охотников, которых когда-то знал. Многие пытались посадить меня на цепь, чтобы с радостью всучить Трибуналу. Сложно после этого испытывать симпатию к таким, как ты.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Затем, что, возможно, я ошибался. И насчет тебя, и насчет твоей сестры.

– Клио... другая, – глухо сказала Морриган. – Не такая, как я. Более светлая, чистая... всепрощающая. Она ни разу не упрекнула меня за то, что я отдала ее бокору, даже зная, что ритуал может привести ее к сумасшествию, превратить ее в бездушное зомби, агрессивного, безмозглого недочеловека...

– Ты пыталась ее спасти. – Откинувшись на спинку кресла, Дэмьен пожал плечами.

– Я не должна была доводить до того, чтобы ее нужно было спасать. Я должна была приехать раньше. Предотвратить все это безумие, в которое теперь превратилась ее жизнь. – Морриган мотнула головой, понимая, что ее терзания отступнику совершенно не интересны. И открывать душу перед ним... она и так позволила себе слишком много. – Хватит об этом. Просто скажи: ты можешь помочь нам с Клио?

Дэмьен поразмыслил.

– Есть у меня одна идея, но... не знаю, что из этого выйдет. Во-первых, очень многое будет зависеть от самой Клио – от силы ее магии и силы духа. Во-вторых, в том случае, если моя затея удастся, это не будет простым человеческим зрением, а значит, ей придется долго к этому привыкать.

– Она слепа, Дэмьен, – сухо сказала Морриган. – Хуже быть уже не может.

Он рассеянно покивал. Но остановившийся на ней взгляд был пристальным и острым.

– Два условия. Первое: однажды я стребую с тебя долг – ответную услугу.

Ну разумеется. В нынешние времена без подобных бартеров не обходится. Да и выгодно отступнику иметь в должниках Охотницу.

– Хорошо.

– Второе: ты должна мне довериться и отпустить Клио со мной.

– Никогда, – резкий ответ сорвался с губ прежде, чем Дэмьен успел договорить.

– Тогда ничего не выйдет, – холодно произнес он. – Лесные ведьмы не живут в Пропasti.

– Лесные ведьмы? – не скрывая скепсиса, переспросила Морриган. Села в кресло напротив, положив ногу на ногу.

Дэмьен тяжело вздохнул – ни дать ни взять, терпеливый учитель, говорящий с ученицей, плохо выучившей урок.

– Среди них есть не только знахарки и травницы. Я знаю Ведающую Мать из деревни на окраине Тербурского леса. Знаю, как добраться туда, не используя портал-зеркала – есть тайный портал, который я создал когда-то своими руками. Но чужаков лесные ведьмы не любят и меня пропустят лишь с той, кому нужна помощь. И дело не только в этом... на твоих руках кровь. Пусть этот дух зеркала и манипулировал твоим сознанием, но убивал он твоими руками.

– Хочешь сказать, ты никогда ни у кого жизнь не отнимал?

– Я убивал. Но я спас лесную фэйри. Самое чистое, самое красивое создание в мире... Этого ведьмам Тербурского леса было достаточно, чтобы

позволить мне пройти обряд очищения. И я пошел на это, чтобы жить среди лесных ведьм, хотя знал, что меня ожидает.

Он замолчал, но Морриган сказанного было достаточно. Она все поняла по его взгляду и голосу, ставшему непривычно глубоким и мягким. Так говорят люди, когда вспоминают о чем-то прекрасном, но ушедшем, утраченном. И причина, по которой молодой мужчина, подобный Дэмьену Чейзу, решил стать отшельником и посвятить свою жизнь помощи лесным ведьмам, могла быть только одна.

– Ты пошел на это, потому что влюбился в фэйри, которую спас.

Дэмьен ничего на это не ответил, но Морриган знала, что права.

– Этот обряд – долгое и сложное испытание: и для тела, и для разума, и для души. Мне говорили, что я могу сойти с ума. Не думаю, что ты захочешь рисковать своим рассудком и обрекать свою сестру на одиночество – потому что вашу мать, кажется, глава Дома О`Флаэрти интересуется куда больше, нежели собственная дочь.

– Что делать мне или матери, мы решим сами. – В голосе Морриган звучал металл.

Дэмьен с усмешкой пожал плечами.

– Решай. Но должен предупредить – обряд займет не меньше нескольких недель, в течение которых в реальном мире тебя просто не будет существовать, а твоя сестра будет сходить с ума от беспокойства. Ты не будешь знать, что происходит с Клио, ты не сможешь разговаривать с ней и видеть ее... Поверь мне, ты даже думать о ней забудешь – как и о любом другом человеке в целой вселенной.

Морриган подалась вперед, заинтригованная его словами.

– Почему? Что такого особенного в этом обряде?

Дэмьен помолчал, буравя ее взглядом серых глаз, словно решая: можно ли доверять ей и стоит ли открывать правду. В конце концов, одна из чаш на невидимых весах перевесила другую.

– В результате обряда очищения лесных ведьм ты на несколько недель впадаешь в самую что ни на есть настоящую кому. Окружающий мир исчезает, а на смену ему приходят призраки подсознания.

– А поточнее? – вскинула бровь Морриган.

– В течение этих недель тебе придется раз за разом проживать последние минуты жизни тех, кого ты убивала. Почувствовать весь спектр их эмоций – ярость, боль или ненависть. Пережить страх за своих оставленных детей, мужей и жен, родных и близких. Снова и снова пропускать через себя их отчаяние от осознания как многого они не успели достичь... и безудержное нежелание умирать.

Морриган почувствовала себя так, будто кто-то выбил воздух из ее легких. Теперь она понимала, почему от обряда лесных ведьм так легко было сойти с ума.

– И многие идут на это? – Она сама едва себя расслышала.

– Немногие, нет. Те, кому необходимо благословение лесных ведьм, их помощь или защита. Они охотно принимают под свое крыло «отверженных» – так они называют скрывающихся в Пропasti отступников, обучают их магии и защищают, но только если те пройдут обряд. Лесные ведьмы делят мир на черное и белое, но дают каждому шанс искупить свои грехи.

– Если ты прошел это испытание, то пройду и я, – решительно сказала Морриган.

Она предпочитала не вести счет чужим смертям, и многие отступники часто бились до последнего, не желая представать перед Трибуналом... Кровь на руках Морриган действительно была, но с Леди Ворон ей все же не сравниться.

– И ты готова попроситься с реальным миром на месяц или два?

Она покусала губы. Убийца Клиодны все еще находился на свободе. Скольких он убьет, прежде чем добьется своей неведомой цели – если только он не безумен и не убивает людей, просто случайно коснувшись зеркала? Если Морриган не поймает его – а на помощь Департамента рассчитывать не

приходилось – то не сумеет обелить свое имя. А значит, и к прежней жизни вернуться не сможет. Но довериться Дэмьену – отступнику, который, кажется, невзлюбил ее с первого же дня знакомства и уже дважды пытался ее искалечить? И доверить ему самое ценное, что осталось в ее странной жизни, полной одиночества и узаконенной охоты на людей – родную сестру?

– Если я соглашусь... Как лесные ведьмы могут помочь Клио? Что в их арсенале есть такого, чего нет у целительниц, черных ведьм и мамбо?

Морриган все еще пыталась понять взаимосвязь между лесными ведьмами и слепотой Клио. Лесные ведьмы – большие мастерицы в управлении живой природой – растениями и животными, и с неприязнью и страхом относятся к камням и металлам. Сильнейшие из них и вовсе подчинили себе оборотничество, овладев способностью по собственной воле, пусть и на короткий срок, превращаться в зверей. Существовало поверье, что каждая лесная ведьма после своей смерти становилась животным в лесу, близ которого жила и который питал ее силы при жизни.

Многие лесные ведьмы слыли хорошими знахарками – их отвары с щепоткой магии могли избавить человека от легкой хвори или проклятия вроде душицы. Но целительная сила лесных ведьм ограничивалась природной стихией, а никакие травы, даже одобренные магией, не способны вернуть человеку зрение. Ее недоверие особенно оправданно, если учесть, что все остальные оказались бессильны.

Однако Дэмьен раскрывать карты не торопился.

– Не верю, что говорю это, но... Просто доверься мне.

– Ты хочешь слишком многого, – сухо сказала Морриган.

– Я тоже рисковал, когда впускал тебя в Пропась, – заметил он. – Но я решил довериться чутью. И пока оно меня не обмануло.

Она помолчала, постукивая ногтями по подлокотнику кресла. Нервный, рваный ритм оборвался, в гостиной воцарилась тишина. Вскинув голову, Морриган тихо и угрожающе сказала:

– Ты же знаешь, что имеешь дело с черной ведьмой, верно?

Дэмьен фыркнул и пробормотал что-то вроде «здесь каждая вторая черная ведьма», чем оскорбил Морриган до глубины души.

– Я – Блэр, – с достоинством сказала она. – Не какая-то там ведьмочка, которая толком постоять за себя не может и называется черной ради красного словца.

– Поверю на слово, – усмехнулся Дэмьен.

Морриган резко выдохнула. Сказала, чеканя каждое слово:

– Если с Клио что-то случится, я найду тебя даже на краю света.

– Не благодари. – Он резко поднялся и вышел из комнаты.

Она обессиленно откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Холодный разум подсказывал ей, что Дэмьену нет резона вредить Клио, но сестринский инстинкт – по силе не уступающий материнскому – призывал бросить охоту за убийцей-зеркальником и следовать за Дэмьеном и Клио по пятам.

Прежде, чем зайти к сестре и все ей объяснить, Морриган заглянула в спальню Дэмьена. Только на мгновение – чтобы взять с его подушки короткий темный волосок. Просто на всякий случай.

Разговор с Клио вышел недолгим – она согласилась отправиться с Дэмьеном в лес, едва ее дослушав. Как бы Клио ни пыталась делать вид, что ее жизнь осталась прежней, и ей не хотелось повернуть время вспять, они обе знали правду. Морриган поднялась в отведенную ей Домиником гостевую спальню, чувствуя, как колотится сердце.

Или она совершает самую серьезную ошибку в жизни или ей выпал шанс загладить свою вину перед сестрой.

Глава двадцать первая

Детран наверняка рассчитывал, что Ник прибегнет к чарам, чтобы отыскать Илэйн. Однако у него на этот счет были другие соображения.

Ник просмотрел всю имеющуюся в Архиве информацию о пропавшей вейле. Со спектрографией Илэйн пришел к знакомой чтице, которая уже давно строила ему глазки. Выслушав его просьбу и с довольной улыбкой спрятав в стол коробочку шоколадных конфет, Энн взялась за поиск Илэйн.

Ник с интересом наблюдал, как чтица обращается к зеркальной магии. Все те же зажженные свечи и зеркала... Вот только Морриган использовала для получения ответов сам Мир Теней, что для чтиц обычно было недостижимо – слишком слабый уровень владения даром. Энн искала Илэйн не в отражении мира мертвых, а в зеркалах наблюдения, развешанных по всему Кенгьюбери.

Ждать пришлось долго... но это того стоило. В очередной раз наведавшись к Энн, Ник услышал долгожданное:

– Кажется, нашла.

Он бросил взгляд поверх ее плеча, но ничего, кроме собственного отражения, не увидел.

Коснувшись зеркала кончиками пальцев, Энн передала запечатленное в ее сознании изображение на лист со спектром. В руках Ника оказалась спектрография: красивая, как и все вейлы, девушка с очень светлой кожей и распахнутыми карими глазами, облаченная в короткое платье. Улица, по которой она шла, была хорошо ему знакома.

– Квартал Дарквиш, – вполголоса сказал он.

Чтица кивнула.

– Там твоя красавица была замечена в последний раз.

– Спасибо, Энн, ты действительно очень мне помогла. – Ник тепло ей улыбнулся.

Улыбка завяла, стоило только подумать: если бы Энн узнала, для чего ему понадобилась эта информация, испытала бы и шок, и негодование.

Со свежей спектрографией в руках Ник покинул здание Департамента. Портал-зеркало привел его в квартал Дарквиш – один из беднейших во всем Кенгьюбери. Жилье здесь стоило очень дешево, но и выглядело непрезентабельно – у жителей квартала не хватало ни магии, ни средств на призыв работников, которые чарами могли подлатать прохудившиеся крыши и стершуюся облицовку.

Что вейла, танцовщица самого известного и дорогого в городе заведения, здесь забыла? Предусмотрительно захваченный с собой жетон инспектора довольно быстро развязал языки жителям квартала. Никто здесь не хотел проблем с Департаментом – уже существующих им хватало с лихвой. Очень скоро Ник узнал, что Илэйн Уайтхед здесь... живет – в одной из похожих как близнецы двухэтажек, рассчитанных на несколько семей.

Удивленный, он отправился по названному адресу, постучался в дверь, обитую облезлой кожей – в большинстве своем, жители подобных кварталов и не пытались придать хоть немного уюта старым обветшалым домам. На стук никто не отзывался. Однако, призвав магию, Ник явственно ощутил исходящее с той стороны двери человеческое тепло.

– Илэйн, – осторожно позвал он, зная, что вейла услышит. – Не знаю, чего вы боитесь, но я не причиню вам вреда. Я просто хочу поговорить.

И узнать, что связывает прячущуюся в бедном квартале девушку и Хариэда Детрана.

После минутного нерешительного молчания дверь Нику открыла та самая вейла с длинными белыми волосами, сейчас собранными в хвост, и карими глазами, глядящими с испугом и недоверием.

– Кто вы такой?

Он устало вздохнул. Как ответить на этот вопрос, не спугнув Илэйн?

– Я обратился за помощью к человеку, который является вашим работодателем. Он попросил меня вас вернуть.

Страх затопил глаза до самых зрачков.

– Детран? Боги... Я знала, что так просто он меня не отпустит, но... Знаете, я устала прятаться. Но и вернуться к нему... Я не могу. Я просто не могу!

Илэйн закрыла узкими ладонями лицо и, к ужасу Ника, тихонько заплакала. Он чувствовал себя ослом, глядя на плачущую незнакомую девушку и понятия не имея, что делать. К счастью, Илэйн быстро успокоилась и отняла руки от покрасневшего личика, красоту которого даже слезы не смогли испортить. Взгляд усталый, почти обреченный, но былой страх из глаз исчез. Вейла безразлично махнула рукой, предлагая войти. Ник, недолго думая, поспешил воспользоваться приглашением.

В квартире царила чистота, но обстановка была скудной и даже аскетичной. Никаких излишеств – статуэток, картин, цветов, никаких дамских мелочей или брошенных вещей – ни одежды на единственном в комнате кресле, ни книг и журналов на столе. Казалось, хозяйка квартиры живет на чемоданах, готовая в любой момент ее покинуть.

– Почему вы сбежали от Детрана?

Обняв руками тонкие плечики, Илэйн замерла у окна. Не дожидаясь приглашения – она явно думала о чем-то своем, – Ник сел в обитое тканью и кое-где даже аккуратно заштопанное кресло.

– Вам действительно интересна моя история? – недоверчиво спросила вейла.

– Я мог бы усыпить вас чарами, а затем на руках доставить к Хариеду Детрану. Но, как видите, я этого не делаю.

– Почему?

– Не моих привычках – во-первых, а во-вторых... Я пытаюсь понять, что заставило вас вообще работать в его клубе. Неужели...

– Неужели не было другого выбора? – горько усмехнулась Илэйн. – Да, был. Но моя работа на Детрана – это последнее звено целой цепи случайностей, неприятностей и досадных неудач. Хотела бы я все переиграть,

вернуть тот день, когда я впервые шагнула через портал в Кенгьюбери... и все начать сначала.

– Так вы не отсюда?

Она помотала головой, выбив из прически белую прядку.

– Галайт.

Небольшой городок на юге страны и, насколько Ник знал, совсем небогатый. Илэйн помолчала, собираясь с духом – или, быть может, подбирая нужные слова.

– Многие считают, что вейлам достаточно стоять на месте, покачивая бедрами и призывно улыбаясь, чтобы мужчины пали у их ног и признали их самыми восхитительными и одаренными. Но я... Я действительно любила танцевать. Я хотела стать знаменитой танцовщицей. Именно за этим я и приехала в Кенгьюбери.

– И для достижения цели пошли в «Дурман»? – скептически отозвался Ник.

Илэйн гневно стрельнула глазами.

– Может, вы расскажете мою историю за меня? Или все-таки дадите мне возможность ее рассказать?

Ник прижал руку к сердцу, изображая извинение. А в этой трепетной лани скрывалось сердце львицы...

– Мне повезло, что я очень быстро попала в известную в городе труппу танцоров. Не повезло, что на одном из выступлений был Детран. Вы должны понять... тогда я никого толком здесь не знала и еще не обзавелась друзьями, которые могли оградить меня от опрометчивого шага. И да, признаюсь, тогда я еще была очень наивной и доверчивой. Возможно, я по-прежнему наивна и доверчива, раз все это рассказываю вам, но...

– Пожалуйста, продолжайте, – мягко попросил Ник. Загадочная личность Илэйн Уайтхед интриговала его все больше.

– Детран был со мной очень мил – сейчас я понимаю, что это одна из его сильных сторон: умение перевоплощаться. Он играл со мной в свою игру, а я все принимала за чистую монету. Он хвалил меня, говорил, как я прекрасна в танце, и я чувствовала, что это искренне, но другую ложь распознать не сумела. Детран сказал, что может помочь мне получить место солистки. Я знала, что своими силами могу добиваться этого годами – хоть я и вейла, некоторые люди не уступают мне в мастерстве. К тому же я была неопытной самоучкой и все еще чувствовала себя на сцене неуверенно...

– Детран предложил вам чары?

– Да. Чары, которые позволили бы мне раскрепоститься и выявить все грани моего таланта, сделать мой танец еще ярче, живее, ослепительнее. Я долго сомневалась – прежде к черным чарам я не прибегала и была уверена, что это неправильно... да к тому же еще незаконно. Но деньги, которые я взяла с собой в Кенгьюбери, стремительно заканчивались. А взять дополнительную работу означало меньше времени уделять обучению и выступлениям. Детран знал, какие струны задеть, чтобы убедить меня. Он говорил, что это никакой не обман, ведь я и без того превосходная танцовщица. Я просто смогу в полной мере показать это другим, избавившись от неловкости и скованности на сцене, неуверенности и недостатка мастерства. Он говорил, что я лишь уравниваю шансы с соперницами на звание солистки... И только потом, многие месяцы спустя, я поняла, что таким вот нехитрым способом Детран ловит на крючок чуть ли не каждую танцовщицу своего клуба – хотя потом они остаются в «Дурмане» добровольно. Их сложно винить – легкие деньги, восхищение и любовь публики... Даже если ты просто извиваешься на сцене, не вкладывая в танец душу. Ты просто используешь дарованные природой гипнотические чары, а получаешь то, о чем всегда мечтал. Но я... я хотела, чтобы меня любили не за то, что я вейла, а за то, что, танцуя, я всякий раз отдаю частичку своей души.

Ник помолчал, раздумывая над ее словами. Илэйн не могла использовать гипнотические чары в каждом танце, иначе кто-то из окружающих (или некстати попавшаяся ищейка) почувствовал бы исходящую от нее тэну и доложил Трибуналу. А вот чары, которыми ее обеспечил Хариед Детран,

наверняка были многослойны и содержали развеивающую тэну энергию – самую сложную в обращении. Выходит, у Детрана были свои, прикормленные, колдуны, которые не просто поставляли ему готовые чары, но и создавали уникальные – для особых клиентов. Несложно представить, какая власть была в руках хозяина «Дурмана».

Брошенная Илэйн фраза подтверждала и слова сивиллы Аннет: вейлы действительно использовали запрещенные гипнотические чары на нижнем, скрытом в Пропасти, этаже.

– Поначалу дела и впрямь пошли на лад, – продолжала между тем Илэйн.
– Чары подействовали, я стала солисткой, участвовала в выступлениях, даже однажды гастролировала по провинции. Я отдала Детрану деньги за чары, переехала в хороший район...

– Подождите... Он требовал за чары деньги?

Вейла посмотрела на Ника с удивлением.

– Ну конечно, а что же еще? Притом деньги немалые.

Вспомнились слова Детрана о том, что в деньгах он не нуждается. Или тогда были другие времена... или же у Детрана был свой план, непосредственно касающийся Илэйн.

– Это была хорошая пора... – с печальной улыбкой сказала она. – А потом... я влюбилась. И влюбилась безответно. В танцора нашей труппы, который был так близко от меня... и так далеко. Он меня не замечал – он любил другую. В те годы я уже сильно отличалась от той наивной дурочки, которая безгранично верила в силу добра. И я могла бы применить к нему свои вейльские чары, но... беда в том, что они не действовали постоянно. Да, какое-то время он не сводил бы с меня глаз и ходил за мной по пятам, но, рано или поздно, действие чар бы закончилось. А использовать их постоянно я, разумеется, не могла – из-за рыскающих по Кенгьюбери ищеек. Я не могла разрушить свою жизнь ради любви, потерять все, чего так долго добивалась. – Илэйн повернулась в профиль, кинув отрешенный взгляд вдаль, сквозь приоткрытое окно. – Мне нужно было другое решение... более могущественная и долговечная сила.

– И тогда вы снова обратились к Детрану. Снова прибегли к его «безопасным» чарам, не оставляющим за собой следа из тэны.

– Верно. – Она усмехнулась. Легко вскочила на подоконник, чтобы устроиться на нем, грациозно сложив ногу на ногу. Откинулась спиной на стекло, позволяя ветру из приоткрытой ставни играть с волосами. – Я попросила у Детрана приворот. Это ведь... Я ведь правда ему доверяла. Не была той нежной светлой девчушкой, но доверчивой все еще была. Он ведь помог мне наладить мою жизнь, помог тогда, когда я отчаянно в этом нуждалась. И я действительно верила, что и в этот раз все обойдется.

– Не обошлось?

Ник смотрел на вейлу, такую юную, но уже искушенную, и понимал, что она – лишь одна из многих, кто, погнавшись за красивой жизнью, которую, как они думали, могла даровать им магия, угодили в капкан. Глаза Илэйн больше не были наивными и доверчивыми. В них застыла горечь.

– Не обошлось. Я сразу поняла: что-то пошло не так. Мало того, что он, – Илэйн по-прежнему избегала называть имени возлюбленного, – так и не ответил мне взаимностью, он еще и... заболел. Сначала это не казалось мне удивительным – он обычный человек, без толики уникального дара. Но потом... он буквально таял на глазах. Не мог больше танцевать, ушел из труппы, перестал выходить из дома. Мы навещали его, конечно, и с каждым разом он выглядел все хуже. Типичный мужчина – махал на это рукой, пока не стало поздно. Проблемы росли как снежный ком, а врачи, к которым он обращался, лишь недоуменно пожимали плечами. Тогда мы всей труппой скинулись на прием у целительницы имер Горхи. Вы наверняка слышали о ней. Берет дорого, но у нее действительно золотые руки и наметанный глаз.

– И что она увидела? – заинтересовался Ник.

– Правду, – устало обронила Илэйн. – А точнее, неумелый и очень опасный для жизни приворот. Вот тогда и начались проблемы. Все в труппе знали, что я в него влюблена. Когда имер Горхи говорила, я чувствовала на себе их взгляды. Обличительные, осуждающие, даже презрительные. Ведь я обратилась к черным чарам, да еще и обрекла того, кого любила, на

настоящие мучения. А ему... имер Горхи действительно сумела ему помочь – наших денег хватило на то, чтобы она аккуратно расплела чары и вдохнула в него сил. Он начал поправляться... а за мной пришли. Должно быть, кто-то из труппы пожаловался Трибуналу. Может, это была его девушка, может, кто-то из тех, кто хотел занять мое место – место солистки труппы. Правды я уже не узнаю, да она мне и не нужна. Свое наказание я заслужила.

Илэйн замолчала, кусая губы. По ее напряженному взгляду Ник понял, что она едва сдерживается, чтобы снова не заплакать. Показавшаяся наружу львица вновь спряталась в теле трепетной лани.

– Главное, я оказалась в шаге от тюрьмы. На суде про Детрана я ничего не рассказала...

– Верное решение, – кивнул Ник. – Этим вы бы только усугубили дело.

– И я так подумала. Жаль только, что умные мысли иногда приходят в голову слишком поздно... Наверное, на суде мне помогло то, что я – вейла. Я наплела что-то про чары моей покойной матушки, при этом старательно избегала слова «приворот» – любовные чары, сдобренные вейльской магией, и не иначе. Судя по всему, Трибунал понял, что неправильный приворот я, влюбленная дурочка, сделала без всякого злого умысла – просто по незнанию и по собственной глупости. Суд постановил меня отпустить, но штраф мне выписали такой, что я за голову схватилась. Когда правда открылась, я вернула труппе те деньги, что они заплатили имес Горхи, ведь случившееся – только моя вина, и ничья больше. А тут еще штраф... Я была обязана выплатить крупную сумму единовременно, и еще каждый месяц выплачивать меньшую... жертве моего приворота – моральная компенсация и оплата услуг целителей и врачей. Не знаю, так ли все было серьезно или его любимая постаралась... Она и без того девушка с характером, а после всего случившегося она просто меня возненавидела. – Илэйн вздохнула. – Любая бы на ее месте возненавидела. Работу я, разумеется, потеряла – испортились отношения с ребятами, да и видеть меня там больше не хотели. Боялись, что я применю вейльскую магию и навлеку на всю труппу серьезные проблемы. Я пыталась объяснить, что никогда бы так не поступила, но...

– Но тому, кто прилюдно ошибся хоть однажды, уже не верят, – закончил Ник.

Илэйн наградила его долгим внимательным взглядом. Медленно кивнула.

– Я же говорила, какой я была душой тогда? Так вот, это еще не конец. Когда я оказалась на мели, со мной вдруг связался Хариед Детран. Я, конечно, на него накричала, сказала, куда привели меня его дурацкие чары... Тогда я еще не догадывалась, что Детран специально дал мне испорченный приворот, зная, какую цепь событий запустит один-единственный мой неверный шаг. Зная, что я попадусь на крючок так же легко, как и все остальные после меня. Детран вообще превосходный рыболов. – Вейла невесело усмехнулась. – В общем, он прикинулся добрым дядюшкой, сказал, как ему безумно жаль, что он меня так подставил. Одолжил денег...

– И ты приняла?

– Говорю же – дура. Еще и радовалась, как хорошо все обернулось. Детран сказал – когда сможешь, тогда и вернешь. А через два месяца объявился и потребовал эту же сумму, да еще и с процентами. И доказать ничего не докажешь... А кому доказывать? Трибуналу? Департаменту? Для них я, вейла, потенциальная отступница. А Детран... Он был преуспевающим бизнесменом и филантропом и, по слухам, закадычным другом префекта. Он всегда умел пускать пыль в глаза.

– И когда ты не смогла вернуть ему долг, Детран предложил тебе работу в «Дурмане»?

– Клуб тогда только открывался, – кивнув, сказала Илэйн. – Народ шептался, что он закроется, едва Детран устроит вечеринку по случаю открытия – в Кенгьюбери и без того полно подобных мест. Но... он сумел отыскать лазейку. Хитрая же сволочь! Никто до него не додумывался нанимать в танцовщицы вейл.

– Значит, у Детрана есть связи не только в префектуре, но и в Пропasti, – задумчиво сказал Ник.

– И немалые связи. В общем, так я попала в «Дурман». Когда у меня наконец появились деньги, их кто-то украл. Теперь я в вечной долговой яме. – Илэйн взглянула в глаза Нику, сказала отрывисто: – Я не вернусь туда. Я просто понимаю, что из этого капкана мне не выбраться. Я вейла и хорошая танцовщица, но у меня, как бы смешно это ни звучало, есть свои принципы. И эти принципы не позволяют мне в полную силу пользоваться даром и... позволять постояльцам пользоваться моим телом. Как делают это другие. А одними танцами я буду отрабатывать долг до скончания веков. И какова вероятность, что, даже заработав нужную сумму, я получу свободу? Нет, Детран так просто меня не отпустит – вейл найти нелегко, а пока в «Дурмане» есть вейлы, деньги к нему в карман текут рекой.

Ник резко поднялся. Прошелся по комнате, размышляя над словами Илэйн. Он чувствовал в них и искренность, и горечь, и обреченность.

И понимал, что свою часть сделки с Детраном выполнить не сможет.

– У тебя есть родные в другом городе?

– Родителей нет, только тетя. В том самом Галайте, откуда я так стремительно сбегала и по которому так сильно скучаю сейчас. Верно говорят – нет места лучше дома. Но я не могу туда перенестись. Кто-то – точнее, мы оба прекрасно знаем, кто именно – наложил какие-то чары на все портал-зеркала в городе. Мало того, что они никуда меня не пропускают, так еще и подают Детрану какой-то сигнал. В последний раз, когда я пыталась ими воспользоваться, мне пришлось сбегать от его охранников и прятаться в переулках.

На мгновение Ник потерял дар речи.

– Но как Детран смог это повернуть?

– Префект, – хмуро бросила Илэйн. – С такими друзьями нет почти ничего невозможного.

Ее слова снова заставили Ника задуматься: так может, именно в этом заключалась причина, по которой проверки Трибунала раз за разом

заканчивались ничем? Если префект взял над Детраном шефство, он вполне мог каждый раз посылать в его клуб «нужных» людей.

Ник с усилием потер ладонями лицо.

– Подожди меня здесь, ладно? И не бойся – Детрану о тебе я ничего не скажу.

Ничего не понимая, Илэйн настороженно кивнула.

На то, чтобы воспользоваться кодом старшего инспектора Меган Броуди с оставшегося у него допуска и перенастроить междугородний портал-зеркало, стерев из него спектрографию и данные Илэйн Уайтхед, понадобилось несколько минут.

Прежде, чем исчезнуть в искрящемся вихре активированного портала с пунктом назначения «Галайт», вейла порывисто обняла Ника.

– Спасибо. Я никогда этого не забуду.

Ник понимал, что, возвращая Илэйн домой вместо «Дурмана», он лишался, возможно, последнего шанса снять проклятье – ведь узнать о том, кто их приобрел, или купить противоядие можно только в «Дурмане». И, вполне вероятно, он только что нажил себе серьезного врага – такие люди, как Хариед Детран, не успокоятся, пока не докопаются до истины.

Но улыбка на лице Илэйн и невыразимое облегчение в ее взгляде того стоило. Когда портал-зеркало поглотил вейлу, Ник еще долго стоял, засунув руки в карманы пальто и глядя в стремительно темнеющее небо.

За последние несколько дней он нарушил столько правил, сколько не нарушал за всю свою жизнь...

Глава двадцать вторая

Прошел лишь час с момента, как Дэмьен и Клиодна скрытыми путями покинули Пропась, а Морриган уже сходила с ума от беспокойства. Чтобы хоть немного отвлечься, она сосредоточилась на поимке убийцы. Раз вход в Кенгьюбери с недавних пор был для нее закрыт, все, что ей оставалось – это попытаться понять, с кем или с чем она имеет дело. Понять, почему дух напал на Клио и остальных, и были ли все эти жертвы случайны, или же в действиях зеркальника был какой-то смысл.

Неудивительно, что в Пропасте оказалась своя собственная обширная библиотека, заставленная шкафами величиной с три человеческих роста, плотно забитыми как современными, так и старыми книгами в кожаных переплетах. Летающие лестницы, подчиняясь призыву посетителя библиотеки, подносили его к нужному стеллажу. Уставший маг в одном из залов «чинил» чары взбесившейся лестницы, которая никак не могла перестать биться о потолок зала.

Морриган пересмотрела с десятков книг о самых разнообразных магических практиках – от веретничества до магии вуду, но так и не смогла понять, к какой из них мог относиться убийца. Картинка никак не желала складываться, продолжая рассыпаться на десятки разрозненных пазлов. Единственное, что сумела выяснить Морриган – официально не существовало магического учения, которое позволяло бы запирает души в шкатулках из зеркал.

Единственной подходящей была, разумеется, зеркальная магия, вот только одной ею дело явно не обошлось... Зеркальники и зеркалицы могли узнавать истину, с помощью собственного дара и несложного обряда заглядывая в Мир Теней, но умением заманивать в зеркала человеческие души не обладали. Даже она – потомственная черная ведьма, которой досталась часть некогда великой силы Бадб Блэр – была на такое не способна. Что уж говорить про остальных.

Морриган могла «путешествовать» по Миру Теней, но только лишь по верхнему его плану, соприкасающемуся с миром живых. Духов там не было, как не было и возможности их там удерживать. А значит, магия зеркальника

гораздо сильнее ее собственной, и позволяет ему проникать на более глубокий, более отдаленный от мира живых план мира мертвых.

Как же дух оказался в зеркале? Чары? Некое проклятие? Потерявший тело, которое без души существовать не могло, он каким-то образом овладел способностью забирать себе чужие тела – обменивая свою заключенную в зеркале душу на чужую. Сложная магия, в некотором роде даже уникальная.

Морриган возвращалась в особняк с острым чувством недовольства собой: несмотря на уйму потраченного времени, ни на шаг к разгадке таинственной личности убийцы она не приблизилась.

И все было нормально... ровно до тех пор, пока в голову не вонзились огненные иглы, отчего мозг взорвался кипящей болью. Пока не показалось, будто из нее тянут жилы, а душа рвется из тела прочь.

Дух из зеркала? Здесь? Как? Почему?

Забвение...

...Лежать щекой на подвесном мосту было неуютно и холодно. Сердце ухнуло в пятки, когда сквозь перила Морриган увидела внизу бездонную черную пропасть. Одной рукой держась за голову, второй – за перила, она выпрямилась. Нахлынуло воспоминание об очередном вторжении зеркальника в ее тело, отозвавшись в душе смутной тревогой.

Когда Морриган бросила взгляд на выпавшие из сумки ведьминские атрибуты, все окончательно встало на свои места. Ее зеркальце – верный союзник любой зеркалицы, украсила паутина трещин. Казалось бы – просто разбилось, когда она потеряла сознание, но нет – ткань кожаной сумки смягчила бы удар, не позволив зеркалу расколоться.

Если даже Бадб не смогла в свое время проникнуть в Пропать, пока связанная с ней крепкими магическими узами Морриган не оказалась здесь, то и у убийцы был лишь один способ сюда проникнуть. Через зеркальце, которое она постоянно носила с собой.

Морриган заскрипела зубами от злости. Она собственноручно впустила зеркальника сюда, в Пропась. Вот ведь гад! Все это время с момента убийства Алиен Гвен, которое на нее и повесили, он прятался в ее сумке!

Дэмьен будет в ярости, когда узнает, что его опасения насчет нее подтвердились – Морриган, как-никак, привела в Пропась опасного убийцу. Хотя... обитатели Дна Кенгьюбери и сами далеко не пушистые котята. Да и последнее, что ее сейчас волновало – гнев Дэмьена Чейза. Понять бы, что делать с зеркальником и как его поймать...

Неудивительно, что в особняк О`Флаэрти Морриган возвращалась в не самом лучшем расположении духа. Настроение не улучшилось, когда она увидела на балконе воркующих Бадб и Доминика. Леди Ворон поигрывала бокалом с вином, глава Дома не сводил восхищенного взгляда с ее фигуры, прикрытой декольтированным платьем с неизменными перьями, длинным шлейфом и высоким воротником.

Интересно, подозревал ли он, что вожделеет мертвую, пусть и сохранившую весьма соблазнительную личину? Или Бадб оправдала свое превращение в черного ворона, притворившись аниморфом? Знает ли Доминик, сколько на самом деле лет Леди Ворон?

И хоть она никогда не называла свой истинный возраст, Морриган знала, что Клиодну Бадб родила, когда ей было за пятьдесят – вполне распространенная практика для черной ведьмы ее уровня. А значит, сейчас ей было не меньше семидесяти, хотя и выглядела она на двадцать с небольшим. Гладкое лицо без единой морщинки, кожа – как белый атлас. Ценой невероятных усилий Бадб удалось сохранить свою личину и после смерти. Просматривая немногочисленные спектрографии в их семейном архиве, Морриган поняла, что после двадцати пяти Леди Ворон просто перестала стареть.

Многие ведьмы не спешили обзаводиться потомством, потому что рождение детей влекло за собой передачу какой-то части силы, с чем большинству ведьм смириться было нелегко. С другой стороны, нельзя было

позволить роду прерваться – особенно если его представительница обладала уникальными магическими способностями.

К сожалению, передача магических сил – весьма непредсказуемое явление. Единственное, что можно ожидать наверняка – что дочери ведьмы унаследуют больше сил, нежели сыновья, и что старшие дети получают от матери в разы больше, чем младшие. Так случилось и с сестрами Блэр – дар зеркалицы и потенциал к применению черной магии – от которой она, впрочем, наотрез отказалась еще в детстве – у Клио был гораздо скромнее, чем у Морриган.

Именно непохожесть Клио на нее саму стала одной из причин, по которой Морриган отпустила сестру к лесным ведьмам. Ей не грозил тот жуткий обряд очищения, о котором рассказывал Дэмьен: Клио была чиста и невинна, и за всю, пусть и недолгую, жизнь никого не убила, не ударила и, наверное, даже не оскорбила. Не так уж и предсказуемо, если учесть, кем была ее мать. Для Леди Ворон человеческие жизни особой ценности не представляли. Она была из тех людей, кто ради достижения заветной цели готов был идти не просто по головам – по трупам. И неважно, заклятые ли это враги, вставшие на ее пути безумцы или бывшие единомышленники.

Впрочем, стоило признать – во многом именно благодаря Бадб им не приходилось скитаться по Пропasti в поисках пристанища. Вряд ли Доминик позволит им примкнуть к его Дому – одной симпатии к главе семейства Блэр для этого явно недостаточно. Во всяком случае, Морриган выиграла время и получила шанс разобраться в том хаосе, который воцарился в ее и без того не слишком спокойной и размеренной жизни.

Опустившись в кресло в гостиной, Морриган стала свидетелем сентиментальной сцены прощания, происходящей за стеклянной дверью балкона. Перед тем, как исчезнуть, Бадб прильнула к губам Доминика долгим и страстным поцелуем. Морриган поморщилась, но, в отличие от нее, рыжеволосый глава Дома О`Флаэрти был счастлив. Она фыркнула – и почему мужчины всех возрастов, семейных и общественных статусов, поголовно сходят с ума от Бадб Блэр? При жизни Леди Ворон играючи завоевывала мужские сердца, и даже смерть не стала ей в этом помехой.

С видимой неохотой оторвавшись от Доминика – еще бы, привлекательный любовник, который ей во внуки годился, – Бадб без стеснения обратилась в ворона и улетела. Слава богу, хотя бы догадалась не исчезать прямо у Доминика на глазах, распадаясь на тающие в воздухе черные перья. Это уже, пожалуй, чересчур.

Служанка подала Морриган горячий чай, который она с удовольствием пригубила. Стеклянная дверь балкона распахнулась, и глава Дома О`Флаэрти вошел в гостиную. Улыбнулся Морриган дежурно-вежливой улыбкой и хотел было уйти, но ее голос заставил его остановиться.

– Могу я спросить вас?

– Да? – Доминик развернулся к ней вполборота.

– Дэмьен Чейз – сын Дома О`Флаэрти?

– Дэмьен? – удивился он, словно это никак не могло быть возможным. – О, нет. Он мне не родственник. Увы, после гибели Аннализ О`Флаэрти и моего становления главой, сынов и дочерей Дома О`Флаэрти не осталось вовсе.

– Мне жаль, – бесстрастно отозвалась Морриган. – Выходит – если я верно поняла местные порядки, он – адгерент Дома?

– Ты поняла в целом верно, но дело в том, что Дэмьен – особый случай. Адгеренты Дома О`Флаэрти – это Ганджу, Саманья, Аситу и Аддас. Я дарую им свое покровительство, они оплачивают мне своими умениями. У Дэмьена другая позиция: он не принадлежит и не собирается принадлежать ни одному из Домов.

– Но что он тогда здесь делает?

Доминик усмехнулся, сказал уклончиво:

– Такие, как Дэмьен, на вес золота. Мне повезло, что мой отец оставил на счетах Дома О`Флаэрти внушительную сумму, которая позволила нанять Дэмьена на достаточно долгий срок.

– Вы имеете в виду контракт?

– Да, и это большая удача, что он согласился. Дэмьен, несмотря на его молодые годы – весьма востребованный в Пропasti «специалист по разрешению проблем».

Морриган изогнула бровь. Что ж, надо признать – это вполне в его стиле. Однако что-то ей подсказывало, что здесь, в обители черных магов всех видов и мастей, Дэмьен был не единственным человеком, способным уладить то или иное щекотливое дело.

– Бьюсь об заклад, он еще и превосходный защитник Дома О`Флаэрти, – не удержалась она.

Доминик задержал на ней взгляд чуть прищуренных глаз.

– Я так полагаю, ты уже успела познакомиться с его... гм... особенностями.

– О да, – пробормотала Морриган.

Неудивительно, что Доминик О`Флаэрти готов выложить баснословную сумму за контракт с Дэмьеном. Если учесть, что он оба раза, как куклу, швырнул Морриган об стену, повинувшись исключительно рефлекторной реакции на ее «прикосновения», то страшно подумать, на что он был способен в полной боевой готовности. Преисполненный ярости, которая и давала ему такие силы.

Во время поиска информации о духе из зеркала Морриган наткнулась на занятную энциклопедическую статью, которая окончательно укрепила ее подозрения относительно Дэмьена Чейза. Ей и раньше приходилось слышать о берсерках – людях, обладающих несокрушимой мощью и дикой отвагой. Впадая в ярость, они становились беспощадными убийцами, способными голыми руками раскидывать толпу людей и крушить все вокруг – пока их не усмирят или припадок ярости не закончится. А первое куда сложнее: в бою берсерки отличались сверхбыстрой реакцией и нечувствительностью к боли.

В статье описывалась та самая ярость берсерка – измененное состояние сознания, достигаемая особыми тренировками и не имеющая ничего общего с яростью обычного человека. «Боевое безумие» имело несколько стадий: от

приличного увеличения сил и реакции при более-менее ясном сознании до полной всепоглощающей ярости. В последней стадии берсерки становились практически неуязвимы. Но смерть могла настичь их после битвы – от нервного истощения, сердечного приступа или от потери крови: находясь в трансе «боевого безумия», берсерки не замечали ранений, какими бы серьезными те ни были. После тяжелых битв они спасались только сном. Он мог длиться и сутки, и двое – в зависимости от растраченных сил – и был настолько глубок, что прервать его было практически невозможно.

Вот кем, без сомнения, являлся Дэмьен Чейз. Берсерком. Превосходным телохранителем и – при желании – превосходным же наемным убийцей. Был ли он таковым? Или устранение проблем не включало в себя хладнокровное устранение конкурентов? Можно ли вообще ему доверять?

Многочисленные вопросы пришлось оставить при себе – все-таки Морриган была в этом доме всего лишь гостьей. Остаток дня она провела в бесплодных попытках понять, как ей теперь выйти на убийцу – не проверять же каждое зеркало в Пропasti?

Морриган меряла шагами комнату, снова жалея, что не настояла на том, чтобы отправиться к лесным ведьмам вместе с Дэмьеном и Клио. Все равно за это время она ни на шаг не продвинулась в поисках убийцы. Все ее мысли были заняты сестрой, но новость, которую обрушил на нее Доминик, на какое-то время затмила все остальное.

Королева Пропasti, Агнес Фитцджеральд, была убита.

Глава двадцать третья

По словам Доминика, Агнес Фитцджеральд была бессменной королевой Пропasti на протяжении двадцати семи лет – самый долгий срок правления за все время существования Дна Кенгьюбери. Многие главы Домов пытались

скинуть ее с насиженного места и отобрать «трон», но такие бунты не заканчивались для них ничем хорошим.

Гораздо больше Морриган заинтересовало то, что Агнес Фитцджеральд практиковала веретничество. Достаточно редкая ветвь чернокнижия, традиции которой включали в себя практики на местах силы, еретнические молитвы и чернение церквей и храмов. Большинство веретников обладали так называемым одическим взглядом – уникальным колдовским талантом, темная сторона которого позволяла не просто сглазить человека, а довести его до смерти за несколько минут.

Веретники и веретницы нередко заключали договор с темными силами, становясь «добровольными одержимыми». Впустив в свое тело беса или демона, в качестве вознаграждения они получали колдовскую силу, которая и помогала им в наведении изощренных порч, сглазов и прочих мало приятных для их жертв чар.

– Убита не только Агнес, но и Линн с Оливией – ее дочери, – добавил Доминик. – Это произошло буквально пару минут назад, так что в подавляющее большинство горожан еще ничего не знают.

– И как они убиты?

– Мой осведомитель...

– У вас есть осведомитель в королевской семье? – удивилась Морриган.

Доминик нахмурился. Ну еще бы – она посмела прервать самого главу, своего, хоть и временного, но покровителя.

– Не в их доме, – с видимой неохотой ответил он. – Мои осведомители – призрачные слухачи, прирученные Аддас. Благодаря им я узнаю самые свежие слухи Пропasti, но беда в том, что видеть они не умеют. А потому в моем арсенале есть только бессвязные причитания служанки Фитцджеральдов, что все ее хозяйки погибли. Но судя по всему, понять, что случилось, она не может.

– Ладно, – задумчиво протянула Морриган. – Мама, можно тебя на минуту?

Леди Ворон, все это время молчаливо наблюдающая за их разговором, вскинула тонкую черную бровь. Они перешагнули порог гостиной и прошли вглубь коридора.

– Я могу попросить тебя об услуге?

– Конечно, ты же моя дочь.

Прозвучало пафосно и фальшиво, но Морриган сдержала усмешку. Ей действительно нужна была помощь Бадб, и ради этого стоило притвориться примерной любящей дочкой.

– Ты не могла бы слетать до имения семейства Фитцджеральд и взглянуть, как именно мать и дочери были убиты?

Бадб выглядела не на шутку удивленной.

– Я думала, дела Пропasti тебя не интересуют.

– Есть одна мысль, которую я хочу проверить, – уклончиво ответила Морриган. – Обещаю, я все тебе расскажу, но сначала... Мне нужно, чтобы ты взглянула на них. Пока не увезли тела – или не бросили в бездну под городом или сожгли... или что тут вообще делают с телами.

Леди Ворон расхохоталась, неожиданно потрепав дочь по макушке.

– Морриган, мы не в землях варваров. Здесь с телами поступают так же, как и наверху. Веришь или нет, здесь даже есть своеобразная полиция – серая стража. – Бадб усмехнулась. – Не черная, и не белая – прямо-таки воплощение толерантности.

Вот тебе и анархия, и беззаконие...

– У меня не было никакого желания разбираться, как тут все устроено, – буркнула Морриган, недовольно возвращая прическе первоначальный вид. Что это за смехотворные потуги со стороны Бадб выглядеть настоящей матерью? Или просто желание быть таковой в глазах Доминика, который не без интереса наблюдал за ними из кресла у камина?

Впрочем... Не Морриган ее обвинять. Каждый из них – кроме людей вроде Клио, ненавидящих фальшь – играл свои роли. Что же насчет

материнства... Глупо рассчитывать, что легендарная черная ведьма, для которой главной целью в жизни было могущество, будет возиться с детьми, читать им сказки, а ночью, укладывая спать, нежно целовать их в щечку.

Возможно, где-то и существовали такие матери, но не в их клане точно. Среди белых магов – лесных ведьм, друидов или целительниц – возможно. Но у черных магов, к которым принадлежали зеркалицы, веретницы и кладбищенские ведьмы, был только один закон: «выживет сильнейший». Едва повзрослев, дети черных ведьм тут же вступали на тропу войны с недружелюбным миром. Те, кому повезло больше, боролись за жизнь, имя и силу под строгим надзором матери: она могла наставлять, но не вмешивалась, если юная ведьма или юный колдун совершали ошибку – чтобы приучить детей к тому, что все неверные решения имеют свои последствия. Ну а кто-то – как Морриган и Клиодна – и вовсе с самого детства были предоставлены самим себе.

И вроде бы все привычно и правильно, но иногда в Морриган, ненавидящей, когда эмоции довели над разумом, просыпалась маленькая капризная девочка, которой казалось, что никто и никогда ее не любил.

За эти минуты слабости Морриган себя презирала.

Превратившись в чернокрылую птицу, Бадб исчезла.

Совсем скоро Пропать загудит как растревоженный улей, ведь смерть действующей королевы города означала, что трон свободен. Вопрос времени, как скоро за него разразится война. Морриган скривилась – как все не вовремя! Они с Клио окажутся в самой гуще битвы, к которой не имеют никакого отношения. Если, конечно, прежде она не найдет убийцу, не обелит свое имя перед Департаментом и Трибуналом и не заберет сестру в Кенгьюбери.

Чтобы скоротать минуты напряженного ожидания, Морриган отправилась изучать особняк О`Флаэрти. Была одна мысль, которая не давала ей покоя, и сейчас, когда Доминик вслед за Леди Ворон покинул дом, самое время удовлетворить любопытство.

Титул главы Дома зачастую получали по праву наследования, а значит все, что для этого было нужно – дожидаться гибели действующего главы. Но чтобы удержать титул, защитив свой Дом в непрекращающейся борьбе за власть с другими Домами, нужно было обладать не только влиянием, хитростью, дипломатией и прочими необходимыми для достойной конкуренции качествами, но и той или иной магической силой.

Морриган не могла понять, какую из магических практик использует Доминик, а сам он на эту тему не распространялся. Она надеялась, что найдет в доме хоть какие-нибудь подсказки, но после получаса поисков стало ясно: ее надежды не оправдались. Морриган наткнулась на две комнаты, запертые усиленной магической печатью. Осторожно «просмотрела» ее отражение в Мире Теней: взамен разбитого духом зеркала пришлось купить новое и потратить немалую часть силы на обряд «привязки» – простое зеркало, лишенное частицы души зеркалицы, совершенно бесполезно.

Печать была хитрая, с ловушкой – стоит допустить малейшую ошибку в комбинации, и печать навсегда изменится, сигнализируя хозяину дома, что кто-то пытался взломать магический замок.

Из расположения комнат в доме Морриган сделала вывод, что одна из запертых – спальня эмера О`Флаэрти, а вторая – нечто вроде его кабинета... или своеобразного храма, где он проводил свои обряды. Раздосадованная, Морриган спустилась в гостиную... и изумленно застыла.

Посреди зала стоял Дэмьен – по всей видимости, только что вернувшийся из путешествия. Рядом, довольно улыбаясь, стояла Клиодна. Морриган впервые с момента возвращения сестры в мир живых видела ее улыбающейся так искренне, так радостно, так тепло... А на плече Клио гордо восседала белая голубка.

Вот только глаза младшей сестры по-прежнему закрывала белая лента. А это означало, что зрение лесные ведьмы ей не вернули.

Едкое разочарование кислотой затопило сердце. Даже понимая, что затея Дэмьена обречена на провал, что лесные ведьмы не сумеют помочь там, где

целительницы и мамбо потерпели поражение, Морриган все же надеялась до последнего... Надежда, зараза, живучая.

– Родная, ты вернулась! – Морриган поспешила к Клио. – Ты... ммм... решила завести себе фамильяра?

По правде говоря, это уже устаревший метод усиления ведьминских чар. Мало кто из ныне живущих ведьм, не заставших традиции старших поколений, заводил себе фамильяров. Но Морриган готова была выполнить любой каприз Клиодны. Хочет завести себе домашнюю голубку – пожалуйста, пожелает двухголового питона, который, по слухам, обитал в пустыне Берагор – она раздобудет его для сестры.

– Не совсем, – с улыбкой ответила Клио. – Кстати, прекрасно выглядишь. Алый цвет тебе к лицу.

Морриган остановилась на полпути – ее тело словно опутали цепями, мешая двигаться и дышать. Она действительно решила изменить излюбленному черному цвету и, стремясь добавить цвета мраку, в котором тонула ее жизнь последние несколько дней, облачилась в алое платье с тонкими бретелями и узором из узких атласных лент, прикрывающих спину.

Взгляд Морриган скользнул по белой повязке на глазах сестры, затем – по темному зернышку-глазу птицы, которая, наклонив набок головку, смотрела на нее.

– Голубка...

– Она не просто мой фамильяр, – лучась восторгом, сказала Клио. – Она – мои глаза.

Какое-то время Морриган молчала – просто не находила нужных слов. Очнувшись, обняла сестру, смеясь, поцеловала в клювик застывшую от неожиданности птицу и в порыве безграничной благодарности... обняла Дэмьена. Неожиданный для нее самый шквал эмоций длился лишь несколько секунд, но Морриган успела почувствовать, как окаменел берсерк, и как его ладонь – наверняка машинально – скользнула по ее полуобнаженной спине.

Кожу обожгло прикосновением. Это привело Морриган в чувство – она поспешно отстранилась, заметив вспышку растерянности в серых глазах.

Подумать только – татуированный отступник-берсерк был смущен. Впрочем, не меньше ее – просто черные ведьмы хорошо умели скрывать смущение.

На губах Клиодны играла лукавая улыбка. Прежде чем оставить сестер Блэр наедине, Дэмьен подмигнул Клио. Морриган с улыбкой покачала головой. Кажется, за время недолгого путешествия сестренка успела завоевать огрубевшее сердце Дэмьена Чейза.

– Как прошел обряд? – Даже понимая, что все осталось позади, Морриган почему-то никак не могла перестать волноваться.

– Лесные ведьмы тепло приняли меня, – улыбнулась Клио, – несмотря на тэну, которая теперь преследует меня всюду. Сказали, что сквозь чернильное облако они видят истинную мою сущность. Сказали, что моя душа чиста, а значит, они готовы мне помочь. А дальше... я вдруг увидела что-то, но это был всего лишь сон – несколько коротких сновидений. В одном из них я увидела горделивого льва, в другом – ворона и лису, в третьем – сову, напавшую на голубку. И если в прошлые сны я не вмешивалась, просто наблюдала, то здесь... не знаю, как объяснить. Я потянулась к раненной птичке, мне хотелось ее защитить... Сон растаял, а спустя несколько минут она прилетела ко мне и опустилась на мое плечо.

Морриган с усмешкой покачала головой. Черный ворон и белая голубка... Какая ирония...

– Чтобы обряд сработал, чтобы фамильяр позволил ведьме видеть ее глазами, связь между ними должна быть очень крепкой. Кажется, я завоевала доверие голубки, и все получилось. Но лесные ведьмы сразу предупредили меня, что родные глаза мне никогда уже не вернуть.

– Они сказали, почему? – нахмурилась Морриган. Фамильяр, благодаря которому можно видеть мир во всех деталях и красках – это превосходно, но все-таки ей отчаянно хотелось, чтобы сестра стала прежней и вернула себе настоящее человеческое зрение.

– Черное нельзя закрасить белым, – пожала плечами Клио. – Магия, которой вы с Ганджу вернули меня к жизни, слишком сильна. Она выжгла часть меня, которая теперь потеряна безвозвратно. Это моя плата за возможность жить. Но это нестрашно, Морри, правда. Я была счастлива, когда узнала, как именно лесные ведьмы могут дать мне глаза. Я рада, что у меня появилась голубка. Она лучше сотни бабочек...

Морриган ободряюще сжала руку сестры. Они помолчали.

– Ты действительно видишь все, в мельчайших подробностях, как и прежде?

– Не как и прежде, нет. – Милое личико Клио чуть потемнело. – Я знала, что птичье зрение отличается от человеческого, но и представить не могла, что придется прочувствовать это на себе. Мир по-прежнему цветной и кажется даже... ярче. Но все двигаются так медленно! А еще у голубки очень острое зрение и видит она гораздо дальше, чем раньше видела я. Это удивительно, но ужасно непривычно. – Она рассмеялась. – Правда, хожу я все еще неуверенно, и выглядит это, наверное, глупо. И поворачиваю голову по привычке – вместо того, чтобы отдать мысленный приказ голубке.

– Со временем ты научишься, – мягко сказала Морриган.

– Научусь. Правда, не знаю пока, как быть с тем, что... Она ведь не сможет постоянно находиться на моем плече – ей надо будет и поспать, и полетать... А это значит, что я потеряю ориентацию в пространстве и... глаза.

– Голубка – твой фамильяр. Она будет делать все, что ты захочешь, и полетит туда, куда скажешь ты.

– Но я не хочу ограничивать ее свободу! – запротестовала Клио.

Морриган невольно рассмеялась. Сестра в своем репертуаре. Она заботится даже о тех, кто призван заботиться о ней самой. Привязанного к ней фамильяра, который должен обеспечить ее нормальным зрением, Клиодна жалеет тоже.

Не рискуя выбираться на улицу, с голубкой на плече она побродила по дому. Иногда спотыкалась, когда на пути возникало какое-то препятствие –

мебель или ступенька, и ей тут же на помощь приходила Морриган.

Спутниками новой жизни Клио стали неловкость, синяки и ссадины, но белая повязка на глазах осталась сухой – слезы не для ведьм Блэр.

И стоило только Морриган подумать, что все понемногу налаживается, что раз уж слепоту сестры они побороли, значит, справятся и со всем остальным, как вернувшаяся Бадб огорошила ее известием: три комнаты Тольдебраль тонули в гуще тэны, три зеркала разбиты, а на телах Агнес Фитцджеральд, ее старшей дочери Линн и младшей Оливии – ни единой раны.

А это означало только одно: в их смертях был виновен зеркальник... и Морриган, которая собственноручно открыла ему вход в Пропать.

Глава двадцать четвертая

От матери Морриган узнала, что имение уже бывшей королевской семьи – тот самый величественный замок, который привлек ее внимание в первые минуты на Дне Кенгьюбери – находится в самом сердце Пропати, прямо под пятым иллюзорным солнцем. Бадб распирало от любопытства, с чего вдруг Морриган так заинтересовало убийство семьи Фитцджеральд, но та делиться соображениями не спешила. Сначала нужно было во всем убедиться самой.

Первым делом она разыскала Дэмьена. Берсерк стоял у окна в спальне на втором этаже и задумчиво наблюдал за проходящими по мосту людьми.

– Что делаешь? – спросила Морриган с порога.

– Гадаю, как скоро в Пропати начнется хаос. Агнес Фитцджеральд держала город в ежовых рукавицах, при ней и слова лишнего пискнуть боялись. Что будет сейчас... боюсь даже представить.

Несмотря на гложущее ее любопытство, Морриган решила отложить разговор о королеве Пропати на более подходящее время. Не терпящим возражения тоном она потребовала стереть с ее ладони печать, запрещающую

применять черную магию. Ожидала возражений, но Дэмьен, ни слова не говоря, несколькими едва уловимыми движениями сломал печать и заставил ее исчезнуть.

Оказавшись в одиночестве спальни, Морриган сняла с комода большое зеркало и прислонила его к стене. Спустя пару минут «привязка», укравшая часть ее сил, была закончена. Она зажгла две белые свечи, поставила их на пол так, чтобы зеркало отбрасывало длинную тень. Встала в этой тени и третью зажженную свечу поднесла к глазам.

Дар зеркалицы позволял не только заглядывать в верхний план Мира Теней, чтобы отыскать скрытые символы, следы и магические знаки, но и чтобы напитаться его силой и... шагнуть в него. Такая возможность даровала зеркальным ведьмам – тем немногим, у кого для подобных чар хватало сил – неоспоримые преимущества, вот только пользоваться ими постоянно значило раньше времени загнать себя в могилу. Живому блуждать по Миру Теней опасно – чревато потерей не только магической силы, но и драгоценной жизненной энергии. И хотя ведьмы жили намного дольше обычных людей, понапрасну растрчивать отпущенный судьбой срок никому не хотелось. Поэтому Морриган входила в Мир Теней только в исключительных случаях. И сейчас был именно такой.

Держа свечу в руке, она поднесла ее к поверхности зеркала. Описала в воздухе знак пламенем свечи, застывший в пространстве оранжево-красными искрами. Прошептала: «Anedoare maes liffede». С каждым сорвавшимся с губ звуком ее тело становилось все более легким, все более невесомым. Борясь с тошнотой, Морриган на мгновение прикрыла глаза. Видеть, как собственное тело распадается на части – не самое приятное зрелище даже для нее, повидавшей немало жутких вещей за свою короткую жизнь.

Алое платье, плеть-молния на поясе – все рассыпалось красными искрами. Как только в воздухе растаяла последняя искра, Морриган полностью слилась с отбрасываемой зеркалом тенью, стала ее частью, ее продолжением. И когда она сделала шаг вперед, то не увидела своего отражения – увидела лишь свою тень, скользнувшую по полу спальни.

Это не абсолютная невидимость – невидимой Морриган могла становиться, лишь прячась в других тенях. Долго в таком обличье не проходишь: каждая минута, проведенная в царстве теней и духов, по капле выпивала из нее жизнь. Да и тела женщин Фитцджеральд в любой момент могли забрать в Дом смерти – местный аналог морга. А значит, у нее по меньшей мере две причины не тратить время понапрасну.

Невесомая, бесплотная, Морриган выскользнула из окна – быть тенью легче, чем человеком. Скользнула по стене, как удлинённая черная капля, слилась с тенью, которую отбрасывала скамейка в саду, перепрыгнула в тень каменной, увитой плющом ограды. До островка в центральной части Пропasti, где находился королевский замок – единственное здание, удостоившееся отдельного солнца, Морриган добралась, не утруждаясь игрой в прятки, но сторонясь случайных прохожих. Когда Тольдебраль вырос перед ней погружившимся в сон каменным исполином, юркнула в тень кустов. Перебежками добралась до стены и скользнула в приоткрытое окно.

Пахло смертью, слезами и неизбежностью. Запаха крови не было – дух из зеркала убивал бесшумно. Морриган повезло, что осведомители Доминика О`Флаэрти узнали о смерти королевы Пропasti так быстро, а крылья Бадб позволили ей без промедления узнать нужную информацию. Совсем скоро сюда слетятся и серая стража, и местные журналисты – у Пропasti была своя собственная газета, рассказывающая о самых крупных и громких событиях Дна Кенгьюбери. А пока в Тольдебраль находились только плачущие или бледные до синевы слуги.

Следуя за тэной, Морриган проникла в комнату с первым телом. Худая женщина в строгом темно-синем платье лежала на кровати. На коже – морщины и пигментные пятна, волосы – перец и соль, и белого намного больше. По словам Доминика, Агнес Фитцджеральд было пятьдесят семь, и выглядела она даже старше. А ведь веретницы могли потребовать у темных сил и молодости, и красоты. Видимо, ни то, ни другое королеву Пропasti не интересовало.

В обличье тени Морриган была подобна слабому духу – могла касаться материального мира, но не могла на него воздействовать. Осмотрев тело, она

поморщилась. Все, что ей открылось, она и без того знала со слов матери: гуща тэны, в котором тонуло тело Агнес, и отсутствие на нем ран.

Морриган изучила треснувшее зеркало в углу спальни, но быстро потеряла к нему интерес – посторонней сущности в нем не ощущалось. Склонилась над книгой: смерть настигла Агнес Фитцджеральд, когда она читала труды Эсекка Брайса – талантливое, но несколько заиклившего на своем магическом искусстве алхимика прошлого века. Неудивительно – женщину с такой властью и суровой, строго-чопорной внешностью не ожидаешь застать за чтением дешевых любовных романов.

Еще два женских тела обнаружилось этажом ниже, каждое – в своей спальне. В каждой – треснувшее зеркало. Разочарованная, Морриган собралась было покинуть особняк, но взгляд на последнее из зеркал заставил ее замереть на месте. Ведьминское чутье зародило слабую искру сомнения, и стоило только повнимательнее взглянуть в отражение, как стало ясно: в этой комнате определенно стоило задержаться. В третьем разбитом зеркале не было души...

Внимательно вглядевшись в тело младшей дочери Агнес Фитцджеральд – миловидной девушки лет двадцати с тонкими губами и чуть вьющимися волосами до плеч, Морриган увидела то, чего не заметила раньше. А именно, незнакомый ей рисунок чар, мерцающей паутиной покрывших тело. И... едва различимую ниточку жизненной силы.

Оливия Фитцджеральд была жива – хоть и находилась в некоем подобии комы, наверняка связанной с чарами на ее теле. Как и Морриган когда-то, пыталась защититься от насланных зеркальником смертоносных чар? Или...

Морриган знала, что убийца из зеркала не мог быть человеком: магическая печать в домах Клиодны и Мистли просто бы его не пропустила – или, в противном случае, оказалась бы сломана. Да и если у зеркальника есть плоть и кровь, какой ему резон прятаться в зеркалах и пользоваться чужими телами? И где, в таком случае, держать свое собственное? Выходит, негде – телу без души в Мир Теней не попасть.

Однако врожденная недоверчивость заставила Морриган задержаться рядом с Оливией. Мелькнула мысль: что, если ее кома – не защитная реакция против зеркальных чар, а хитроумный способ творить эти самые зеркальные чары, позволяя душе выскользнуть из бесчувственного тела?

Морриган облекла в некую форму энергию своего дара – сейчас, когда она пребывала в измененном состоянии, порожденном зеркальными чарами, сделать это было даже проще – и послала сгусток магической энергии в тело Оливии. Глухо. Отклика нет. Зеркалицей Оливия не была.

Пытаться привести в чувство молодую имес Фитцджеральд Морриган не стала: можно было попробовать расплести чары, окутавшие ее плотным коконом, но велик риск повредить нити, связывающие разум и тело. В таком случае Оливия или умрет, или потеряет рассудок. Расплетением должны заниматься профессионалы – целители.

Но ждать Морриган не могла. Нападение на королевскую семью наверняка совершенно целенаправленно: жертв должно было оказаться три, и все трое – Фитцджеральды. В отличие от Клио, которая стала случайной жертвой, Оливия могла знать, кто скрывался за личиной духа из зеркала. Она должна знать своих врагов – и тех, кто обладал достаточной силой, чтобы сотворить подобное.

Морриган казалось, будто над ее головой застыли призрачные часы, отсчитывающие минуты. Чары забирали ее жизнь... но покинуть Мир Теней она пока не могла. Нужно докопаться до истины прежде, чем это сделает кто-то другой – если отступники узнают, кто, пусть и ненамеренно, пропустил убийцу в тщательно охраняемую от чужаков Пропась... скажем так – проблем ей не избежать.

Она выскользнула из комнаты. Совсем скоро обнаружила тех, кого искала – судя по белым балахонам, целительниц Дома Фитцджеральд. Подкралась сзади к одной из них и, слившись с ее тенью, коснулась бесплотными пальцами ее висков. «Etara kamoalas», – сорвалось с губ едва слышное. Наклонившись к самому уху светловолосой целительницы, Морриган прошептала:

– Ты сомневаешься, что Оливия Фитцджеральд мертва. Тебе кажется, что ты заметила нечто странное. Тебе нужно вернуться к ней и все проверить.

– Проверить, – эхом отозвалась она.

– Что? – вскинула голову вторая находящаяся в комнате целительница.

– Мне нужно кое-что проверить, – уже увереннее повторила жертва ведьминских чар.

Она направилась в комнату Оливии Фитцджеральд. Морриган проследовала за ней, сильно нервничая – в любой момент в особняк могли ворваться стражи Пропasti. А значит, действовать нужно быстро.

Целительница склонилась над телом Оливии. Морриган зашептала:

– Ты не удивишься моему присутствию. Ты сама меня пригласила, знаешь, что я могу помочь. Ты мне доверяешь.

Она скинула с себя обличье тени словно полупрозрачную кисею. В проявившее, ставшее осязаемым тело вонзились сотни иголок – так происходило каждый раз после перевоплощения. «Шепот темноты» – воздействие на человеческое сознание в облике тени – вновь сработало идеально: на лице целительницы не появилось ни капли удивления. Вот только Морриган чувствовала себя как выжатый лимон. Страшно подумать, сколько дней жизни она потеряла за недолгую прогулку по Миру Теней. Пора было уже возвращаться домой, но сначала...

Она немного развеяла тэну, чтобы наложенные на Оливию чары, прежде заметные лишь в Мире Теней, стали различимы и в мире живых.

– Взгляни сюда – она не мертва, она в коме.

Увидев энергию жизни, целительница закивала с расширенными от изумления глазами.

– Расплети чары. Только осторожно – ничего не повреди.

Закусив губу, целительница принялась осторожно распутывать кружево чар. Как только она расплела последние нити, призрачный след растаял... и с

губ Оливии Фитцджеральд сорвался вздох. Морриган ликовала: ей удалось спасти уже две жертвы зеркальника. Да, счет пока не в ее пользу, но все же...

– Оливия? – осторожно позвала она.

– Что? Кто вы?

Огромные глаза черного цвета – к вечной досаде Морриган, отличительная черта веретников и веретниц – с удивлением и испугом смотрели на нее.

– Я привела ее, – как по команде, отозвалась целительница. – Я знала, что она может помочь. Мы чуть вас не потеряли.

– Оливия, у нас мало времени, – как можно мягче сказала Морриган. – Нужно поймать того, кто напал на вас, пока он снова не затаился. Вы можете рассказать мне, что случилось?

Оливия мазнула рукой по бледному лицу. Приподнялась на локтях и, поддерживаемая целительницей, пересела на кровать.

– Я... я не знаю. Я мало что поняла. Просто стояла у зеркала, услышала странный треск, а потом... Я почувствовала, как раскалывается голова. Я испугалась и попыталась наложить на себя чары, но, похоже, сделала что-то не так. Они должны были защитить меня, но... кажется, я перестаралась. Мама часто ругает меня, что я не умею контролировать свой дар. То есть я пытаюсь сдерживать его, но...

– Иногда он выходит из-под контроля, – кивнула Морриган. С веретниками, которые по собственной воле сделали свое тело вместилищем темной сущности, такое случалось нередко. Поговаривали, когда дар веретника выходил из-под контроля, это бесновались его внутренние демоны.

– Оливия, вы знаете, кто мог это сделать?

Веретница нервно рассмеялась.

– Да кто угодно. У правящей семьи во врагах вся Пропась. Даже те, кто клянется нам в верности...

– Я не о том, – перебила ее Морриган. – Кто из ваших врагов способен применить подобные чары? Это должна быть зеркалица или зеркальник. И сильный – магической силы для таких убийственных фокусов нужно немало.

– Даже не знаю, – растерялась Оливия. – Далекое не каждая ведьма или колдун охотно распространяются о том, какую магию практикуют.

Морриган разочарованно куснула нижнюю губу. Очередное поражение.

– А где Линн и мама? Они, наверное, чуть с ума не сошли, пока я валялась в беспомощности. – Оливия слабо улыбнулась.

Целительница опустила взгляд.

– Что? Что?! – Оливия схватила ее за руку. – Ада, не молчи! Что случилось? Он напал и на них? Что... Да не молчи ты!

Морриган выскользнула из спальни. Она сочувствовала утрате Оливии – сама едва не потеряла сестру – но не могла позволить себе тратить время понапрасну. Нужно во что бы то ни стало понять, как выбраться из кровавого лабиринта, в котором, как древний минотавр, главенствовал дух из зеркала... и который раз за разом оканчивался для нее тупиком.

Глава двадцать пятая

Ник знал, что, рано или поздно, его вызовут к главе Департамента. С самого первого дня, когда он обнаружил, что дар следопыта перестал ему подчиняться, его карьера висела на волоске.

Ник с треском провалил последнее, пустячное дело, когда все, что от него требовалось – пройти по Следу и найти скрывающегося в соседнем здании отступника. Тогда Ник впервые не почувствовал разлитой в воздухе тэны. Вообще. И Алана, как назло, не оказалось рядом – отец вызвал его на другой конец города. Досадное совпадение (или не совпадение вовсе?), ставшее для него роковым.

Ник провалил и дело с «духом из зеркала», как называла его Морриган. Убийца по-прежнему не найден и, по подозрению Вита Ротридена, то ли залег на дно, то ли вовсе исчез из Кенгьюбери. Труп одной из жертв, известной Департаменту как Клио Блэр, исчез из морга, и все с облегчением свалили вину за это на уже изрядно проштрафившегося Ника.

Ему пришлось рассказать обо всем: лучше прослыть проклятым следопытом, нежели плохим детективом... и сыном, который подвел своего отца. Последовала новая головомойка – за то, что не сказал о проклятии раньше, что своим молчанием подставил Департамент под удар. Ник знал, что Ротриден прав. Он давно должен был во всем признаться – вместо того, чтобы маскировать свою беспомощность. Знал, что виноват, поэтому спокойно принял наказание.

Понижению в должности – самый унижительный момент за всю его жизнь.

Освобождая стол от своих вещей, Ник пытался прочитать что-то по лицу Алана, чтобы понять, причастен ли он к исчезновению его дара. Но он не был до конца уверен в том, что увидел.

Младший агент... Это означало огромное количество «бумажной» работы – даже после появления мемокард люди по привычке называли так копание в бесконечных отчетах и документах. Это означало расследование только мелких правонарушений вроде кражи зачарованных вещей, жалоб на неправильные действия одобренных Трибуналом амулетов; проверка лицензий и составление заявлений на незаконное использование чар – первой в этом списке должна была бы значиться сивилла Аннет Брин.

Как хватающийся за соломку утопающий, Ник попытался использовать полученную от Илэйн Уайтхед информацию о клубе «Дурман» и его владельце. Но и здесь его ждала неудача – клуб был чист. Точнее, Харрид Детран сделал все возможное, чтобы сохранить видимость законопослушного гражданина.

У Ника был выбор: смириться или бороться. И он, старательно изображая смирение, отрабатывал невыносимо скучные рабочие часы в качестве младшего агента Департамента. После работы шел к цеури, а затем обходил

все названные ею адреса белых ведьм, способных ему помочь... Но только лишь для того, чтобы ни с чем вернуться в пустую квартиру.

Когда казалось, что хуже его жизнь стать уже не может, на него напали. В переулке, в нескольких шагах от родного дома. Ник услышал за спиной движение, выхватил из кобуры револьвер, но воспользоваться им не успел.

На него набросили мерцающую сеть, мгновенно сковавшую тело. Сильное головокружение... пелена перед глазами... Сонные чары. А дальше – крошечная тьма, затопившая все окружающее пространство.

Очнувшись, Ник не сразу понял, где находится. Все вокруг казалось совершенно незнакомым: растянувшийся на многие мили пустырь, чахлые деревца и полное отсутствие дороги или даже тропинок. Прямо перед ним находился выведенное из строя портал-зеркало: на простое прикосновение он реагировал странным мерцанием. Шагать в такой страшно – не дай бог, забросит куда-нибудь в межпространство, да так и оставит там.

Как долго он проспал? Судя по высоко стоящему в небе солнцу, чуть меньше суток. Сухая потрескавшаяся земля не сохранила следов, и понять, в какую сторону ушел нападавший, не представлялось возможным. То ли он вернулся в город через портал-зеркало, а потом каким-то образом сломал его с другой стороны, то ли воспользовался вызываемым порталом.

Все, что оставалось Нику – брести по пустырю, невесело думая о том, что место, куда его забросили из кипящего жизнью Кенгьюбери, как нельзя лучше олицетворяло последние события в его жизни. Пустота, серость и разруха, пришедшие на смену ярким краскам.

Найдя наконец портал-зеркало, притулившееся у скромного на вид отеля, Ник перенесся прямиком к зданию Депатрамента полиции Кенгьюбери. Первым делом он решил навеститься к Виту Ротридену, чтобы рассказать о совершенном на него нападении. Его наверняка похитил тот же самый человек, что украл у него дар – хотя и с неведомой целью. Ротриден должен был ему помочь... если сам Ник, как ни тяжело и унижительно это признавать, в одиночку справиться был уже не в состоянии.

Несколько встреченных в коридоре агентов проводили его странными взглядами. Вита Ротридена Ник нашел в кабинете. Глава Департамента сидел за массивным столом, окрашенным в белый цвет, и с недовольным выражением лица просматривал записи в толстой тетради. Ник помнил за ним эту привычку. Пока подавляющее большинство людей пользовались мемокардами, получающими информацию прямо из памяти человека, Ротриден, истинный ретроград, скрупулезно записывал ее в одной из тетрадей, которых развелось уже больше ста. Как ни упрашивали его агенты перейти на более современные способы хранения данных, он оставался верен себе.

Вит Ротриден оторвав глаза от тетради. Хмурое выражение его лица при взгляде на пальто с нашивкой младшего агента сменилось недоумением.

– Вы из Департамента Халмхоя? – осведомился он. – Я ждал вас только через две недели.

– Простите?

– Откуда вы, я спрашиваю? – Ротриден легко терял терпение и раздражался.

Внутри что-то оборвалось. Первая реакция, довольно ожидаемая в такой странной ситуации: все это – какой-то дурацкий розыгрыш.

– Из Кенгьюбери. Николас Куинн. С вами... все в порядке?

– А почему со мной должно быть не все в порядке? – резко бросил глава Департамента. – Как долго вы находитесь в должности младшего агента? Я не помню вашего назначения.

– Вы собственноручно понизили меня с младшего инспектора до младшего агента.

Ротриден посмотрел на Ника так, что показалось, будто его макнули в грязь.

– Я не жалею на память, – процедил он. – И я помню каждого из своих агентов. И уж тем более, каждого из своих инспекторов.

Вторая реакция – случилось что-то страшное и необъяснимое. Страх ледяными пальцами сжал горло, заполз в заколовшие от боли виски. Чувствуя приближение самой что ни на есть настоящей панической атаки и изо всех сил стараясь ей не поддаваться, Ник предпринял новую попытку.

– Послушайте, вы были близким другом моего отца, Эдгара Куинна.

Раздраженное недоумение на лице Ротридена осталось неизменным.

– Разумеется, я помню Куинна. Вот только у него не было детей. Во всяком случае, он ничего мне о них не рассказывал.

Сумасшествие... Истинное сумасшествие! Ник хорошо помнил те дни, когда Вит Ротриден, тогда еще старший инспектор Департамента, гостевал в их доме – не раз и не два. Помнил, как Ротриден трепал его, еще ребенка, по голове, говоря, что подрастает новое поколение агентов. А Ник с присущей ему тогда важностью заявлял, что будет Охотником, и только. Помнил сопровождающие его слова смех отца и неодобрительный взгляд Ротридена.

Связав одно с другим, Ник вплотную приблизился к столу, за которым сидел глава Департамента.

– Я знаю, что поверить в то, что я скажу, непросто. И все же... надо мной провели жестокий эксперимент. Сначала исчез мой дар следопыта, из-за чего меня понизили до младшего агента. Потом кто-то похитил меня, и я очнулся на пустыре. А теперь вы меня не узнаете – а ведь мы разговаривали только сутки назад. Это чьи-то невероятно сильные черные чары...

Откинувшись на спинку стула, Ротриден изучающе смотрел на Ника.

– Никогда не слышал о магии, способной стирать человека из памяти людей. Покажите мне удостоверение младшего агента. Не жетон – личное удостоверение.

Ник снял плащ, закатал рукав рубашки. Подавшись вперед, Ротриден застегнул на его правой руке сдернутый с пояса проявляющий браслет. Как только взгляд Ника упал на руку, страх вернулся. Все его личностные татуировки – от запястья до внутреннего сгиба локтя – исчезли. Имя, фамилия, удостоверение младшего агента Департамента, разрешение на

ношение оружия, право собственности на дом и прочее... все было стерто. Он в одночасье стал никем.

Вит Ротриден удивленно присвистнул.

– Никогда не видел ничего подобного, – пробормотал он. – Парень, ты будто не существуешь вовсе!

– Об этом я и говорил, – медленно произнес Ник, опуская рукав. Смотреть на чистую, не запятнанную татуировками кожу было непривычно и жутковато.

Ротриден что-то быстро записал в лежащей перед ним тетради. Различить Ник смог немногие: «Куинн», «черная магия», «татуировки».

– Это все подозрительно, не спору, – хмуро бросил Ротриден. – Я посмотрю записи, поспрашиваю агентов – может, кто-то из них сталкивался с подобным. Я дам тебе знать, как только что-нибудь узнаю. Как, говоришь, тебя зовут?

Без настоящего имени Ника связаться с ним Ротриден не мог.

– Николас Куинн, – хрипло сказал он.

Вит Ротриден кивнул, задумчиво на него глядя.

Из кабинета главы Ник выходил совершенно опустошенным. Спускаясь по лестнице, с тоской думал о том, что Департамент, ставший ему вторым домом, навсегда будет для него потерян, если он не сможет понять, как заставить знакомых людей его вспомнить.

Мелькнула интересная мысль. Оказавшись на улице, Ник коснулся медальона и вызвал в голове лицо Морриган Блэр. Она раз за разом отклоняла его вызов – попытки достучаться до нее уходили в пустоту. И когда, наконец, сдалась и активировала медальон, смотрела на него как на чужака.

– Что вы хотели?

Слова звучали резко, а взгляд прищуренных глаз был колким и недружелюбным. На лице – печать усталости, из-за чего Мор казалась старше

своих семнадцати лет. Что происходит сейчас в ее жизни, старательно скрытой от глаз бывшего друга?

Как ни старался Ник заранее не настраивать себя на удачный исход, все же в глубине души лелеял надежду, что уж Морриган сможет его вспомнить. Теперь и эта надежда рухнула.

– Морриган?

– Кто вы?

В объяснениях не было никакого смысла... она все равно бы ему не поверила. Ник разорвал связь.

Сюрпризы на этом, однако, не закончились.

В купленном им полгода назад доме его встретили чужие люди – незнакомые, за исключением риэлтора, который его Нику и продал. Сейчас он, не обращая внимания на постороннего, расхваливал дом семейной паре. Разумеется, все попытки Ника доказать, что он – собственник, ни к чему не привели.

Ник с тоской смотрел на лежащие в квартире вещи – его вещи, которые, по словам риэлтора, позже заберет предыдущий владелец. Однако на его лице читалась растерянность: судя по всему, он пытался вспомнить, кому прежде принадлежал этот дом, но никак не мог.

Похититель Ника забрал у него кошелек. Снять деньги со счета в банке он больше не мог. Исчезновение документов лишило его всяческих прав, которые прежде он воспринимал как данность.

Ник чувствовал себя призраком, забредшим в мир живых. Потерянным. Забытым. Обезличенным.

Глава двадцать шестая

– Морри, ты же видишь – ничего не получается, – устало произнесла Клио.

– Давай попробуем еще раз, – упрямо сказала Морриган.

Сестра вздохнула, сдаваясь – понимала, что проще послушаться, чем попытаться ее переубедить.

Приблизившись к стулу, на котором сидела Клиодна (верная голубка устроилась на ее коленях, позволяя гладить себя по перышкам), Морриган попыталась развеять тэну, окружающую тело сестры полупрозрачной черной накидкой, незримой для обычных людей. На этот раз она использовала ведьминский знак, рассеивающий негативные эффекты чар – в том числе и остаточный след чар черных.

Подействовало: воздух вокруг Клио стал прозрачным. Морриган засекала время. Пытаясь отвлечь сестру разговорами о ее белокрылой любимице, сама ежеминутно косилась на часы.

Двенадцать минут – не плохо, но и не слишком хорошо. Максимальное время, на которое исчезала тэна – двадцать пять минут.

– Ничего не получается, – выдохнула Клио.

Морриган пробовала и нейтрализовать тэну белой магией, и вбирать ее в себя. Последнее едва не закончилось плачевно: остаточная энергия черных чар была своего рода ядом для всего живого. Но даже пойдя на такой шаг и вдохнув в себя яд тэны, Морриган ничего не добилась: спустя всего лишь десять минут тэна вернулась.

– Она внутри меня, Морри, – тихо сказала Клио. – Ей никуда уже не деться. Мне просто нужно смириться с тем, что отныне я могу свободно находиться лишь в Пропasti, где за мной, ходячим источником тэны, не будет охотиться Трибунал.

Морриган решительно мотнула головой.

– Нет. Блэр не смиряются с обстоятельствами, они ломают их под себя.

Клиодна вздохнула – уже дважды за эту минуту.

– Я немного поброжу по дому, ладно? Поучусь... ходить.

– Да, конечно. Но позже я попытаюсь снова.

Морриган оставила сестру с белой голубкой – привыкать друг к другу и к новой жизни на двоих. Спускаясь по лестнице, она крепко стискивала кулаки. Свыкаться с мыслью, что с окружающей Клио тэной сделать ничего невозможно, Морриган не собиралась. Должен быть способ все исправить...

Но у нее оставалось еще одно нерешенное дело: зеркальник, из-за которого они с Клио не могли вернуться в Кенгьюбери.

За необходимой информацией Морриган отправилась к Дэмьену. Берсерк находился в тренировочном зале, отрабатывая удары на весьма своеобразном манекене – иллюзорном противнике, удивительно похожем на человека. Морриган и сама таким способом поддерживала форму: сотканный из чар «живой манекен» был идеальным противником – запоминал твою технику и пытался копировать ее, а потому с каждым разом сражаться с ним становилось все сложнее. Приходилось идти на хитрость, использовать подсечки и увороты и постоянно быть начеку.

Морриган увидела вытатуированные вдоль позвоночника руны. Успела рассмотреть и другие татуировки: знак бесконечности на шее сзади, на правом плече – лев, распахнувший пасть в оскале, на левом – воющий на невидимую луну волк. По покрытому испариной крепкому телу с развитыми мускулами было заметно, что Дэмьен много времени уделяет тренировкам...

Стало ясно, что Морриган слишком долго смотрит на полуобнаженного Дэмьена Чейза.

Она кашлянула, привлекая внимание.

– Морриган? Ты вовремя.

– Вот как? И почему же?

– Мы заключили сделку, помнишь? – Дэмьен взмахом руки рассеял иллюзорного противника. – И я требую ответную услугу.

Морриган скрестила руки на груди и приподняла бровь, готовая слушать. Но Дэмьен тянул с объяснением, будто пытаюсь выиграть время у самого себя. Наконец сказал с видимой неохотой:

– Мне нужен соперник в битве. Настоящий живой соперник. И достаточно сильный, чтобы мне противостоять.

– Почему я?

– Ты сильная ведьма и сможешь защититься. К тому же, ты Охотница, а значит, сумеешь за себя постоять.

– Хорошо, но я все еще не понимаю, чем тебя не устраивает манекен.

– Это связано с тем... кто я есть.

– Берсерк. Я знаю.

Пару минут Дэмьен буравил Морриган взглядом.

– Чтобы я не догадалась, кто ты такой, нужно было поменьше швырять меня как куклу, – холодно усмехнулась она.

– Это было всего два раза.

– Это на два раза больше, чем нужно.

– Прежде я держал себя в руках, – хмуро заверил Дэмьен. – Когда я отшвырнул тебя к стене просто потому, что ты схватила меня за руку... Такого давно не было... и не должно было быть. Не знаю, что произошло. Боюсь, я снова начал терять над собой контроль.

Теперь стала понятна нетипичная для Дэмьена Чейза скованность. Таким, как он, нелегко признаваться в своей уязвимости. Кому, как не Морриган, об этом знать.

– С манекеном не срабатывает: он бьет меня, и я впадаю в боевой транс, но транс вынужден и не так силен, как те вспышки безумной, неконтролируемой ярости. Мне нужен живой человек, чтобы научиться держать себя в руках. Я живу среди людей и не могу вести себя как дикое животное.

– Ты вернул Клио способность видеть... Тебе достаточно было просто попросить меня о помощи – и я бы помогла, – сухо сказала Морриган. – А вместо этого ты *потребовал* тебе помочь.

Она ожидала получить в ответ колкую фразу и фирменную усмешку, но берсерку удалось ее удивить.

– Наверное, я просто уже не помню, каково это, когда кто-то приходит на помощь, не требуя ничего взамен. В Пропasti так не принято. Здесь сделки, контракты и соглашения – единственные гарантии того, что ты получишь от человека желаемое, а доверие – непозволительная роскошь. Ты сама давно называла кого-то своим другом?

– Давно. – Морриган не стала спорить. – Это неизбежно – с моим-то прошлым. Черную магию под надзором матери я начала постигать с восьми лет, Вольной стала в тринадцать, Охотницей – в шестнадцать. Я всегда этого хотела, даже зная, что профессия наемницы предполагает некоторые... лишения. И да, жизнь научила меня не доверять людям. Но, знаешь, из каждого правила есть исключения. Есть люди, которые помогали мне, несмотря ни на что. Несмотря на то, кем я была и кем стала. Их мало, но тем они ценнее.

Дэмыен пожал плечами. На мгновение Морриган засмотрелась, как перекачиваются мышцы под его кожей.

– Я рад, что помог Клиодне. Она достойна нормальной жизни – или хотя бы близкой к тому, что принято называть нормальным. И все же тебе самой выгоднее трактовать помощь мне как часть сделки. Ведь тогда ты перестанешь быть моей должницей.

Или, другими словами «Ты, черная ведьма-Охотница, мне не друг, и другом никогда не станешь». Поразмыслив, Морриган бесстрастно кивнула. Выгода и в самом деле была очевидна.

Она окутала себя шлейфом чар, которые прямо на ней изменяли черное платье. Ткань трещала по швам, уплотнялась, изменяла и цвет, и текстуру, чтобы превратиться в сверхпрочный и удобный наряд – багровый кожаный костюм Охотницы. Дэмыен предпочел остаться в свободных черных брюках и

с обнаженным торсом, который прикрывала лишь морда черного тигра, переходящая в орнаментальные узоры с вплетенными в них рунами.

Берсерк напал без предупреждения. Она отпрыгнула в сторону и пустила в ход плеть-молнию. Молниевый разряд едва не подпалил Дэмьену волосы, но в последний момент он успел отклониться. Морриган невольно восхитилась – о таких отточенных рефлексах она, закаленная в сотне тренировочных боев с наставниками и старшими Охотниками и в настоящих боях с отступниками, могла только мечтать. Снова призвала магию плети, и крест-накрест ударила молнией о пол, но вновь не достигла цели – Дэмьен, двигаясь словно стремительный вихрь, избежал смертельно опасного столкновения.

Снова удар – и снова мимо. Морриган приглушила магию плети – чтобы не причинить сопернику слишком сильного вреда. Изловчившись, ударила берсерка по лодыжке и позволила хлысту ее обвить. А затем с силой рванула рукоять плети на себя. Дэмьен просто обязан был рухнуть на пол. Куда там – она будто гору пыталась с места сдвинуть! Мало того, что берсерк каким-то непостижимым образом устоял на ногах, так он еще и, стремительно наклонившись, разорвал ее хлыст голыми руками.

Морриган изумленно вытаращила глаза. Провела ладонью по рукояти, передавая свою силу. Фиолетовые искры – только предзнаменования молнии, но еще не она сама – пробежались по поверхности поврежденной плети, срашивая ее, вновь делая цельной.

Пока Морриган возилась с оружием, Дэмьен не терял времени зря – мощный кулак едва не изменил форму ее носа. Не успевая поставить блок, она опустила голову и приняла удар в лоб. Разбивая пальцы об ее череп, чертов берсерк даже не поморщился! Морриган зашипела – от боли и злости одновременно – и попыталась вывернуть руку Дэмьена из сустава. Пожалуй, свои силы она несколько переоценила. Ее тут же отбросило назад – для этого Дэмьену даже толкать ее не понадобилось. Уже знакомый воздушный удар, поток невидимой, но смертельно опасной силы, протащил Морриган по полу.

– О чем я и говорил, – тяжело выдохнул Дэмьен. – Я не могу это контролировать. Магия словно сама вырывается из меня.

– Я видела. Как и то, что твои глаза на мгновение стали совершенно алыми. Это, знаешь ли, немного жутковато.

Такого не было, когда кожи Дэмьена касался хлыст.

Ниточка белой энергии обручем обвила голову, скользнула по спине и ниже, залечивая ушибы и синяки. Морриган поднялась, размяла плечи. И, как кошка, бросилась вперед. Плеть-молнию отшвырнула в сторону – сейчас она ей не нужна. Проблема Дэмьена заключалась именно в чужом резком прикосновении, которое действовало на него как красная тряпка на быка.

– Борись с собой, – крикнула Морриган, для проверки влепив Дэмьену звонкую пощечину. Не вкладывала силу, хотя могла бы, но увидела, как ярость вновь окрашивает в алый его глаза.

Он снова не сдержался – тело оказалось быстрее разума. Но Морриган была к этому готова – мягкий как облако, но прочный как сталь воздушный щит удержал ее от падения.

– Возьми себя в руки, – процедила она. – Мне надоело летать!

Дэмьен стоял, широко расставив ноги и сжав руки в кулаки. Взгляд его приковывал к земле, а дыхание было тяжелым и рваным. Он готовился к новой атаке.

– Я не могу стоять столбом, когда ты меня бьешь!

– О, конечно! Иначе ты тут же перестанешь быть крутым берсерком! Вот только не думаю, что ты мечтаешь умереть в гордом одиночестве. А это очень даже вероятно: ни одна нормальная женщина не простит тебя, если на ее пощечину – а женщины бывают вспыльчивы, уж поверь мне – ты ответишь ударом. И близкие тебе люди, которые захотят однажды сжать твое плечо и заработают сильнейшее сотрясение мозга, вряд ли сделают скидку на твою тонкую душевную организацию, – ядовито выпалила Морриган.

– Что ты предлагаешь? – сухо спросил Дэмьен, который от ее слов явно был не в восторге.

– Позволь мне ударить тебя. Терпи. Возьми под контроль свою ярость. А я помогу тебе – для начала.

– Поможешь? – не понял он.

Объяснять Морриган не стала – просто бросилась вперед. Дэмьен не шелохнулся, когда она ударила его кулаком в грудь, не дернулся, когда ее колено с силой впечалось ему в живот. Стоял, уподобившись каменному изваянию: зубы стиснуты, на скулах играют желваки, в глазах закипает ярость.

Удар ребром ладони по шее переполнил чашу терпения. Завидев алую вспышку – предвестницу опасного импульса, Морриган крикнула, облекая слова в оболочку ментальной магии: «Eskede!»

«Остановись».

Тот же призыв прозвучал в сознании Дэмьена. Не самый хитрый трюк, но сработал безукоризненно: в последний момент берсерк сумел сдержать бурлящую в нем разрушительную ярость. Исторгшаяся из него сила лишь ударила ветром в лицо, растрепала волосы.

– Вот видишь, – невозмутимо поправляя прическу, сказала Морриган. – Не так уж и плохо.

Дэмьен кивнул. Что-то странное было в его взгляде... Намек на благодарность? Это неожиданно смутило, и Морриган – из чувства противоречия – вернула берсерку когда-то брошенные слова:

– Но так как в няньки я тебе не нанималась... – Пока Дэмьен закатывал глаза, она продолжала: – ...и хвостиком ходить за тобой не буду, тебе нужно научиться сдерживать порыв без моей магии.

– Ладно. Тогда давай без поддавков. Без магии и оружия.

Морриган отступила на шаг, увеличивая дистанцию между ними и позволяя Дэмьену напасть первым – чем он незамедлительно и воспользовался.

Пусть магия, сделавшая из него берсерка, и дала сбой в виде бешеной реакции на резкое прикосновение, она обеспечила его целым букетом преимуществ. Морриган чувствовала себя куклой для битвы или тем же иллюзорным манекеном. Дэмьен не оставлял ей шанса напасть, позволяя только защищаться.

Но Морриган Блэр – дочь Леди Ворон, Охотница и ведьма – не сдавалась никогда.

Она сделала вид, что ее силы кончаются: оставила попытки атаковать и ушла в глухую защиту, локтями закрывая корпус и лицо. Улучив момент, когда Дэмьен расслабился и потерял бдительность – рано или поздно это случается со всеми самоуверенными мужчинами, – Морриган бросилась в контратаку. Удар коленом в пах, локтем в лицо, каблуком ботинка по коленной чашечке, подсечка... и Дэмьен рухнул у ее ног.

Оседлав поверженного врага, Морриган в насмешку прижала к его шее только что сотканный из иллюзии кинжал. А что? Она заслужила пару минут триумфа – соперник ей попался не из легких.

– Ты побежден.

– Я поддавался.

Лицо невозмутимое. «Он что, вообще не ощущает боли?!» Кажется, все-таки ощущал – но только не как обычный человек.

– Неправда, это была честная борьба. Просто признай, что впервые в жизни девушка одержала над тобой вверх.

Дэмьен схватил Морриган за талию и легко, словно пушинку, скинул на пол. Начал подниматься, но, она, не желая мириться с таким положением вещей, схватила его за руку и увлекла за собой. Расхохоталась, но смех затих, как только Морриган осознала двойственность ситуации. Опираясь руками о пол, Дэмьен нависал над ней. Его лицо оказалось в дюйме от ее лица, его дыхание щекотало щеку.

Глаза берсерка вспыхнули. Не яростью – желанием. Почудилось, или он и впрямь хотел ее поцеловать?

Морриган нравилось считать себя эдакой одинокой волчицей, которой не нужны привязанности, которая не нуждается в чужом одобрении или чужой симпатии. Которой не нужен никто... кроме сестры. Но правда в том, что и юным одиноким волчицам иногда бывает одиноко.

Поразившая Морриган мысль: она была не против поцелуя татуированного отступника, опасного берсерка, знакомство с которым началось со взаимного неприятия. Совсем не против...

И в этот момент Дэмьен Чейз рывком поднялся, словно воздвигая между ними невидимый барьер. Протянул руку, которую Морриган приняла с ехидной фразой: «А мне за это точно ничего не будет»?

Неловкая пауза, взгляды, которые старательно не пересекались. Казалось, Дэмьен перешагнул некую черту и теперь корил себя за это. И вместе с тем Морриган готова была поклясться, что он жаждал этого поцелуя не меньше, чем она сама.

Реакция Дэмьена охладила ее пыл и развеяла романтический флер в голове, возвращая рассудку ясность. Очень вовремя Морриган вспомнила, зачем вообще искала с ним встречи, даже не предполагая такой ее финал.

– Что ты знаешь об Агнес Фитцджеральд? – осведомилась она, стяхивая с кожаных брюк несуществующие пылинки.

– А почему тебя вообще интересует убитая королева Пропasti? – Дэмьен был и удивлен, и рад перемене темы.

Морриган вздохнула. Пришло время покаяния.

– Помнишь, ты говорил, что я представляю опасность для Пропasti? Так вот ты, кажется, был прав.

– Таак... Выкладывай. – Он мгновенно посерьезнел.

Морриган рассказала все без утайки. Дэмьен покачал головой, всем своим видом демонстрируя, как он ею недоволен.

– Брось, – вспыхнула она, – ты не можешь меня осуждать. Я и подумать не могла, что зеркальник увяжется за мной в Пропасть.

– Поверю на слово, – сухо отозвался Дэмьен. – Мне нет дела до семьи Фитцджеральд – смерть Агнес дала Доминику шанс побороться за титул короля города. Но я дал обязательство защищать Дом О`Флаэрти, и намерен

следовать своему слову до конца. И если убийца решил перебить главных претендентов на трон...

– Так помоги мне поймать его. И тогда этого не случится. А теперь давай попробуем сначала: что ты знаешь об Агнес Фитцджеральд?

Дэмьен какое-то время побуравил Морриган взглядом. Когда ему надоело играть в гляделки, он соизволил ответить:

– Деспотичная, властная. Всегда жестоко подавляла малейшие беспорядки и сурово наказывала виновных – однажды вырезала всю семью за неподчинение ей. Королевой Пропasti она стала в двадцать лет, после смерти матери. Агнес сочли легкой добычей, но она удерживала престол долгие четыре года. Затем один из Домов, подкопив силы, напал на Тольдебраль. По слухам, убили и Агнес, и ее младшего брата. Как выяснилось несколько лет спустя, свою смерть она подстроила, а потом надела на себя маску и стала добровольной изгнанницей.

– Зачем? – поразилась Морриган.

– Чтобы затесаться в стан врага, оставаясь им незамеченной, и понемногу выведывать его тайны. Судя по всему, именно тогда Агнес и стала веретницей, заключив договор с демоном. Получив от него достаточно сил, она уничтожила отобравший у нее трон Дом подчистую, убив даже детей. Затем сговорилась с кладбищенской ведьмой и с ее помощью привязала к себе союзника из Дома Фитцджеральд – приворотом «до гроба».

Морриган понимающе кивнула. Кладбищенские ведьмы делали самые сильные – вернее сказать, смертоносные привороты.

– У Теодора Фитцджеральда были деньги, у Агнес – сила веретницы. С ее помощью он стал королем города, она же родила от него дочерей-погодок. Теодор долго не протянул, хоть и был младше супруги – умер, как только на свет появилась третья дочь. Поговаривают, приворот кладбищенской ведьмы выпил из него все силы. Есть и другое мнение: Агнес Фитцджеральд просто-напросто избавилась от супруга, как только получила желаемое. Снова на престол она взошла в тридцать один год, и была бессменной королевой... вплоть до недавнего времени.

– Вторая дочь, – поправила Морриган Дэмьяна.

– Что?

– Ты сказал, Теодор Фитцджеральд умер, когда на свет появилась его третья дочь. Я так понимаю, ты имел в виду вторую – младшую дочь Агнес Оливию?

– У Агнес Фитцджеральд три дочери, и Оливия – средняя.

Морриган замотала головой.

– Подожди, я уже ничего не понимаю. Целительница Дома Фитцджеральд, Доминик и все остальные упоминали только о двух дочерях – Оливии и Линн. Да и сама Оливия и словом не обмолвилась о младшей сестре.

– Ничего удивительного, – невозмутимо отозвался Дэмьен. – Просто они привыкли подчиняться правилам, а я – игнорировать их.

– О каких правилах идет речь? – нетерпеливо спросила Морриган.

– Об Обезличенных. Отвергнутых обществом отступниках. О тех, кого серая стража осудила за преступления против жителей Пропasti. Они вынуждены носить серую маску, полностью закрывающую лицо. О тех, кто стал Обезличенным, запрещено упоминать в разговоре, их имена запрещено произносить, их деяния, благородные или ужасающие, запрещено вспоминать – общество просто вычеркивает их из жизни на оговоренный срок ношения маски. И, разумеется, они лишаются права колдовать – что белую, что черную магию. – Дэмьен невесело усмехнулся. – Обезличенные – изгои, даже в Пропasti, которая сама по себе – обитель изгоев.

– Так значит, третья дочь Агнес...

– Третья дочь Агнес, Эмма Фитцджеральд – Обезличенная.

Глава двадцать седьмая

Когда Дэмьен, наскоро приняв душ, спустился в гостиную, в руках он держал газету полугодичной давности. Морриган быстро пробежала глазами статью, на которую он указал. В ней шла речь о каком-то благотворительном вечере в замке Тольдебраль.

– Благотворительный вечер? Здесь? В Пропasti? – изумилась она.

– А чем, по-твоему, мы так сильно отличаемся от жителей Кенгьюбери? – насмешливо спросил Дэмьен. – О, дай угадаю. Ты наслушалась сказочек про то, что в Пропasti обитают жуткие черные ведьмы и колдуны, способные обратить неугодного в пепел одним взглядом. Что Пропасть кишит убийцами, ворами и насильниками, скрывающимися от суда Трибунала. Что здесь можно убивать направо и налево, оставаясь безнаказанным. Да, мы практикуем черную магию, не боясь Трибунала и его цепных псов, да, здесь есть убийцы – в конце концов, как и в самом Кенгьюбери. Но в Пропasti есть и вполне добропорядочные потомки отступников, не желающие менять семью на сомнительную перспективу плясать под дудочку Трибунала. А еще – благотворительность, азартные игры и правосудие...

– Весьма нетривиальное, – пробормотала Морриган.

– Ты удивишься, насколько Дно похоже на Верхний город – когда узнаешь его поближе. Просто рамки дозволенного здесь шире, а борьба за власть ожесточеннее. Но предел есть всему: серая стража не допускает беспощадного кровопролития и хаоса на улицах Пропasti. А еще магия иллюзии выше второй ступени здесь под запретом: присвоение кем-то чужой внешности слишком чревато последствиями. На будущее: не стоит заниматься перекройкой лица – окружающие Пропасть чары мгновенно тебя пометят и пошлют сигнал серой страже.

– Чтоб ты знал, своим лицом я целиком и полностью довольна, – с достоинством сказала Морриган, кокетливо заправляя за ухо черную прядь. Тот самый момент, когда нахально напрашиваешься на комплименты.

– Нормальное лицо, – пожал плечами Дэмьен.

Морриган с трудом подавила порыв свернуть газету и ударить отступника по голове. Нормальное!

Вновь вернувшись к статье о благотворительном вечере, она увидела спектрографию, запечатлевшую все семейство Фитцджеральд. Седовласая Агнес с идеально прямой осанкой и суровым взглядом, несколько надменная Линн, спокойная Оливия и... судя по всему, Эмма – единственная на спектрографии, кто улыбался. Она вообще... отличалась. У нее единственной из всего семейства были серые глаза, круглое личико с румянцем на щеках и красивые формы – что Оливия, что Линн, что сама Агнес были очень худыми, словно высохшими. Ничего удивительного: веретничество – особая ветвь магии, за принадлежность к которой приходилось серьезно расплачиваться.

Ведьминское чутье подсказывало: Эмма неспроста так сильно не похожа на мать и сестер.

– Эмма, в отличие от Линн и Оливии, не пошла по стопам Агнес. Она не веретница.

– Что? – удивился Дэмьен.

– Посмотри внимательнее. У всех остальных черные глаза – признак присутствия в них демона или беса. У Агнес вообще глаза как сама бездна – жутко смотреть, того и гляди, затаянет. Эмма чуть полновата, розовощека, со здоровым блеском в глазах – а это говорит о том, что внутри нее не сидит потусторонняя темная сущность, которая выпивает ее силы. Да, веретницы могущественны, но им приходится делиться жизненной энергией с созданием Мира Теней. Разорвать договор нельзя – этот симбиоз продолжается на протяжении всей их жизни. Вот отчего Агнес выглядит такой изможденной и постаревшей раньше времени – и это несмотря на то, что она ведьма.

– А Оливия и Линн выглядят лучше просто потому, что не так долго взаимодействуют с сущностью, как их мать, – понял Дэмьен.

– Но Эмма на их фоне выглядит еще более цветущей. Она не веретница, в этом я полностью уверена.

Помолчав, берсерк медленно сказал:

– Значит, одна из дочерей королевы Пропasti пошла против воли матери. Представляю себе ее гнев.

Морриган задумчиво покивала. Для ведьмы было невероятно унижительно, если ее сын или тем более дочь выбирали свою собственную дорогу – другую ветвь магии. Если же дочь ведьмы и вовсе отказывалась от колдовского дара, своеволие могло закончиться для нее изгнанием из семьи. При лучшем раскладе – презрением матери и навсегда испорченными отношениями.

Оттого взаимоотношения Клиодны и Бадб далеко не всегда были так просты. Клио разочаровывала мать гораздо чаще, чем Морриган, и главное разочарование было связано именно с выбором жизненного пути: Клио наотрез отказалась пользоваться черной силой, перешедшей ей от Бадб. Даже к белой магии осталась равнодушна.

Какой позор для легендарной Леди Ворон – ее дочь выбрала путь обычного человека...

Потребовалось немало времени, чтобы Бадб смирилась с желанием дочери стать врачом, а не ведьмой. Счастье, что Клио унаследовала от нее упрямство и умение до последнего стоять на своем. Счастье, что Бадб хоть немного, но их любила.

– Но значит ли это, что Эмма полностью отказалась от магии? – задумчиво произнесла Морриган.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался Дэмьен.

– Что, если она стала зеркалицей и уже пару недель не обезличена, а... мертва? Или жива и все еще обезличена, но нашла способ обрести временную свободу, пользуясь чужими телами? Я ведь могу и не знать всех возможностей зеркального дара... – Вдохновленная собственной теорией, она продолжала: – Своеволие и отречение от родового дара такие, как Агнес Фитцджеральд, не поощряют – если Эмма в свое время отказалась от дара веретничества, отношение сестер и матери к ней должно быть холоднее льда. Королева Пропasti была отнюдь не ягненокком, и если ее тирания распространялась и на младшую дочь, отчего бы той не желать отомстить за все? А после смерти матери и сестер Эмме осталось бы только освободиться от маски... и стать новой королевой. Кстати, кто может снять маску с Обезличенного?

– Только серая стража. Это целый обряд: однажды надетая, маска держится на лице как приклеенная – чары сращивают ее с кожей лица и костями черепа. Только серой страже известна магия, способная снять маску. А еще нужно расплести печать, запрещающую колдовать – поверь мне, она гораздо серьезнее той, что была на твоей ладони. И расплести ее может, опять же, только серая стража.

– Где вообще обитают Обезличенные? – продолжала допытываться Морриган.

– Им не запрещено свободно передвигаться по Пропasti, но запрещено заходить в большинство общественных мест. Жителям нельзя разговаривать с Обезличенными, помогать им едой или деньгами. Увидят – накажут по всей строгости закона. То есть, как ты понимаешь, наденут маску – пусть и не на такой долгий срок. Существуют специальные монастыри, где Обезличенных бесплатно кормят и дают им крышу над головой – именно там, в основном, они и обитают. Обезличенные сами сторонятся людей: если серая стража узнает хоть об одном нарушении, срок ношения маски увеличится. А этого не хочет ни один осужденный, поверь мне.

Что-то в голосе Дэмьена заставило Морриган вскинуть голову и всмотреться в глаза цвета пасмурного неба.

– Ты был Обезличенным?

– А ты проникательна. – Никакой горечи, только насмешливо приподнявшийся уголок губ. – Недолго. Но, поверь мне, быть вычеркнутым из жизни, забытым всеми, быть... никем, призраком, пустым местом – самое худшее из всех возможных наказаний.

Морриган не знала, что сказать, поэтому предпочла вернуться к делу.

– Ты можешь узнать, когда серая стража надела на Эмму маску и на какой срок?

– Естественно, – оскорбленно фыркнул Дэмьен. – У меня есть знакомая среди серой стражи. Им-то можно говорить об Обезличенных – работа такая.

– А как насчет тебя?

Его ухмылка стала шире.

– Я говорил, что это очень хорошая знакомая?

Морриган закатила глаза. Дэмьен исчез в одной из многочисленных комнат особняка – вести беседу с представительницей серой стражи он предпочел подальше от чужих ушей.

Интересно, она хорошенькая?

«Боже, Блэр, ты что, ревнуешь?» – изумилась Морриган.

Покачав головой, она уткнулась в газету. Взгляд снова задумчиво скользнул по спектрографии.

Эмма Фитцджеральд совсем не похожа на серийного убийцу, да и то, что вместо веретничества она обратилась к зеркальной магии – лишь предположение, ничем пока не обоснованное. Но за свою недолгую жизнь Морриган повидала достаточно, чтобы с уверенностью заявлять: в тихом омуте черти водятся. Нередко за приятным обликом скрывались безжалостные ведьмы и колдуны. Да и обычные люди, лишённые магического дара, порой преподносят сюрпризы.

Заслышав за спиной шаги, Морриган обернулась. А он быстро.

Дэмьен выглядел задумчивым.

– Эмму Фитцджеральд провозгласили Обезличенной четыре недели назад, – сообщил он. – Срок ношения маски – полгода.

– Долговато... – пробормотала Морриган. – Выходит, Эмма надела маску почти за две недели до нападения на Клио. И что же она натворила?

– Украла у одного из местных магов зачарованный родовой кулон. Магия в нем совершенно безобидная – управление сновидениями.

– Осознанные сновидения? – уточнила она.

– Почти. Только точнее и результат гарантирован. Засыпаешь, сжимая в руках кулон, и представляешь, что хотел бы увидеть. А дальше воображение и магия кулона делают свое дело, насылая очень подробные и яркие сны.

– И зачем ей понадобилось красть этот кулон?

Дэмьен развел руками.

– На одном из балов, устроенных Линн Фитцджеральд, маг Дома Ассон похвастался своим кулоном. Эмма в шутку предложила продать ей такую замечательную вещицу, на что он ответил, что это родовой кулон и может принадлежать только его семье. Все бы забыли об этом разговоре, если бы пару недель спустя Ассон не заявил о пропаже кулона.

– И что, серая стража взялась за это дело?

– Это тебе не Департамент. Серую стражу кражи не интересуют – они занимаются только убийствами. В Пропасти так: если пострадавший сможет доказать факт преступления и своими силами поймать вора – того осудят. Нет – придется ждать, когда вор кого-нибудь убьет. Только тогда серая стража пойдет по его следу.

Морриган хмыкнула. Нет, все-таки в Кенгьюбери жить куда безопаснее. Правда, поразмыслив, она была вынуждена согласиться с Дэмьеном: перспектива отсидеть положенный срок в тюрьме казалась более привлекательной, нежели... стать Обезличенной.

– Получается, Ассон сумел доказать виновность Эммы. А серая стража вообще задумалась о том, зачем дочери королевы города, которая явно не нуждается в деньгах, красть у кого-то? Да и что? Несчастный амулет?

– На том вечере Эмма проявила немалый интерес к кулону Ассона – по-своему уникальной вещице даже по меркам Пропасти, где можно найти все, что угодно. Его зачаровала еще прабабушка Ассона, обладательница редкого сновидческого дара. – Дэмьен пожал плечами. – Не забывай, Эмма выросла в семье королевы Пропасти. Кто знает, может она была одной из тех капризных принцесс, одуревших от собственной безнаказанности и уверенных, что все сойдет им с рук?

– Знаешь, это очень удобно – стать Обезличенной как раз накануне нападения на семью Фитцджеральд. Глупо подозревать Обезличенную в преступлении с использованием магии, если колдовать они не могут.

Идеальное прикрытие... – Морриган задумчиво постукала пальцем по нижней губе.

– Даже если предположить, что юная тихушница Эмма все это время планировала хладнокровное убийство собственной семьи... мало занять освобожденный со смертью Агнес трон, его нужно еще и удержать, – заметил Дэмьен. – Агнес – железная старуха, но даже на нее главы других Домов неоднократно совершали покушения. Она, конечно, быстренько расправлялась с наглецами, но сам факт... Думаешь, скромнице Эмме, к тому же, по твоим словам, отказавшейся от веретнического дара, это под силу? Да ее убьют, не успеет Высокое Собрание объявить ее королевой!

Морриган удивленно поморгала.

– Подожди. Хочешь сказать, «королева Пропasti» – не фигуральное выражение, а настоящий титул? С церемонией, короной и прочей белибердой?

– Не корона, а обруч: серебряный для мужчин, золотой для женщин. Согласен, в этом есть некий элемент театральности, но и Пропасть – не самое обычное место. Насколько мне известно, еще с век назад наши предки обходились без подобных пафосных атрибутов, но... мода диктует свое. В оправдание мужчин скажу, что, в отличие от королей Пропasti, они не увешивают свои обручи россыпью драгоценных камней.

Отшвырнув газету на низкий журнальный столик из голубоватого стекла, Морриган опустилась в стоящее рядом кресло – невероятно мягкое, охотно принявшее ее в свои бархатные объятия. Единственное неудобство заключалось в том, что теперь ей приходилось смотреть на Дэмьена снизу вверх.

– Не представляю «железную старуху» Агнес Фитцджеральд, увешанную рубинами и бриллиантами, – фыркнула она.

– В этом плане она брала пример с сильного пола, предпочитая носить простой и строгий обруч – если вообще вспоминала о нем. Все, что ее по настоящему интересовало – это магия и власть.

– Ладно, с этим разобрались. Но вот что меня смущает: если бы план зеркальника удался, и все семейство Фитцджеральд, включая и чудом выжившую Оливию, погибли... как быть с тем, что Эмма все еще остается Обезличенной? Я думала, ее срок куда короче...

– Так как любой преступник на время ношения маски официально не существует, даже останься Эмма последней из Фитцджеральд, она не смогла бы в открытую заявить о своем праве на трон. И сильно сомневаюсь, что Высокое Собрание приняло бы ее в расчет при выборе правителя Пропасти – вряд ли они стали бы дожидаться, когда она снимет маску, чтобы вступить на трон. Хотя утверждать наверняка не могу: на моей памяти подобных прецедентов не было.

– Что за Высокое Собрание?

– Совет глав всех Домов. Если никто не объявляет о своем праве на освободившийся трон, именно главы Домов избирают нового короля города – разумеется, из своих же. Чаще всего тот, кто убивает действующего правителя Пропасти, и занимает его место.

– Король умер, да здравствует король... – пробормотала Морриган. Вскинула голову. – То есть, если бы и глава, и дочери Дома Фитцджеральд были бы убиты, их убийца мог бы заявить о своих правах на престол?

– Более того, чтобы занять трон, ему достаточно только захватить опустевший Тольдебраль. Есть, конечно, небольшая вероятность, что против захватчика выступят адгеренты Дома. Тогда все просто – кто выживет, тот и король. Если адгеренты Дома слишком слабы или недостаточно честолюбивы, чтобы сражаться за трон, они переходят в Дом нового короля Пропасти – если он, конечно, пожелает. И не убьет их на месте, чтобы не плодить конкуренцию.

– А как же серая стража и ее нетерпимость к убийствам? – ехидно поинтересовалась Морриган.

Дэмыен хмыкнул, будто она сказала полнейшую глупость.

– Борьба за престол – пусть и кровавая, но честная игра. Другое дело, если убийство совершено не в битве за трон с последующим заявлением о праве на него, а по каким-то другим причинам.

Морриган только головой покачала. Нет, здешние законы ей никогда, наверное, до конца не понять.

– Хорошо, а если Высокое Собрание будет против нового короля/королевы Пропasti?

– Или им останется просто смириться с этим, или... сговориться друг с другом и убить нынешнего короля/королеву, освободив место для более подходящей кандидатуры.

– Ого, – только и смогла сказать Морриган. – Хороши порядки.

– Главный девиз Пропasti – «выживает сильнейший», – пожимая плечами, отозвался Дэмьен. – На глав Домов он распространяется в первую очередь.

Морриган потерла пальцами виски.

– Я все еще не могу понять, есть ли у Эммы резон убивать всю свою семью. С одной стороны, она – преступница. Да и отказ присоединиться к матери и сестрам и стать веретницей – веская причина разругаться с ними в пух и прах, стать изгоем в собственной семье и затаить на нее злобу. С другой стороны – Эмма по-прежнему Обезличенная, а значит, даже умри Оливия, у нее весьма сомнительные перспективы стать королевой Пропasti.

Опершись о шкаф, Дэмьен сложил руки на груди. Явно надоело стоять столбом, однако в кресло напротив Морриган берсерк не стал садиться. Она подозревала, лишь из-за того, чтобы и дальше смотреть на нее сверху вниз.

– А что насчет самой Оливии? Не слишком ли удачно она выжила?

– Во-первых, если бы не твой длинный нос, который привел тебя в Тольдебраль, она могла бы умереть, – напомнил Дэмьен. – А во-вторых, какой резон ей организовывать покушение на свою семью и делать вид, что пытались устранить и ее тоже, если она могла убить Линн и Агнес – неважно, своими и чужими руками – и занять трон на законных основаниях?

– Репутация? – неуверенно предположила Морриган, предугадывая реакцию берсерка.

Он ответил ей снисходительным смешком – как и ожидалось.

– И что насчет других жертв? Клиодны и остальных? Для чего они ей?

Морриган помрачнела. Пазл снова распадался на части.

– Ладно, давай для начала встретимся с Ассоном. – Помолчав, она неохотно сказала: – Слушай, ты знаешь Пропасть как свои пять пальцев, а я здесь все еще чужачка. Конечно, при большом желании я могу заставить сотрудничать со мной самых несговорчивых... Но, боюсь, мои методы слишком радикальны.

– Ну надо же, Охотница заботится о своей репутации? – едко произнес Дэмьен.

– У Охотницы есть сестра, которой, возможно, предстоит прожить в Пропasti до конца своих дней, – спокойно парировала Морриган. – Которая и так настрадалась из-за репутации матери и старшей сестры и принадлежности к роду Блэр.

Дэмьен понимающе усмехнулся.

– В общем, ты бы пригодился мне в качестве напарника. Мы снова заключим сделку? Или я могу нанять тебя в качестве... ммм... устранителя проблем?

– Ты можешь просто меня попросить.

Морриган невольно рассмеялась.

– А ты быстро учишься. Еще немного, и я решу, что тебе действительно нужен друг.

– Он нужен любому в этом безумном мире. И в безумном городе под названием Пропасть тоже.

Глава двадцать восьмая

Дерек Ассон, высокий и крупный молодой мужчина, оказался не главой, как почему-то предположила Морриган, а сыном Дома. Темно-русые волосы обрамляли скуластое лицо, глаза смотрели устало.

Причина визита Морриган и Дэмьена немало его удивила.

– Вы же знаете, я не могу говорить об этом.

Морриган подавила растущее раздражение.

– О да, она Обезличенная. Но кто узнает, что вы говорите о ней, если в этой комнате находимся только мы трое? А нам, раз уж мы первыми заговорили об Эмме Фитцджеральд, невыгодно об этом распространяться.

Дерек вздохнул. Но сдался, только когда ему в руки попала хрустящая купюра. Видимо, дела у Дома Ассон шли совсем плохо.

– Ладно, но имен я называть не буду. Ну да, украли она у меня родовой кулон. Сначала выпрашивала, просто любопытствовала, как мне показалось – про магию кулона, про бабушку мою, сновидицу.

– А потом вы обнаружили пропажу...

– Да, несколько дней спустя.

– И что потом? – осведомилась Морриган.

– А вы по какому поводу интересуетесь? – наконец додумался спросить Дерек.

Не растерявшись, она спокойно ответила:

– Я помогаю расследовать дело об убийстве королевской семьи. – К этому моменту вряд ли в Пропasti нашелся хотя бы один человек, до которого не дошли будоражающие слухи. – Есть основание полагать, что убийца охотится за главами Домов и опасность подстерегает любого из них, в том числе и вашего отца.

– Так вы из серой стражи? – подозрительно спросил Ассон.

Морриган едва удержалась от того, чтобы не фыркнуть. Вот осел – ну какая из нее серая стража? Она предусмотрительно сменила костюм Охотницы – вряд ли это ремесло пользовалось в Пропasti уважением – наряд по местной моде: абсолютно непрактичное, но роскошное вишневое платье с коротким передом и длинным подолом, черные кожаные перчатки и ботфорты чуть выше колена. Или Ассон видел серую стражу в подобном облачении?

– Я – помощник частного детектива. – Морриган понятия не имела, имелись ли в Пропasti подобные профессии, но их точно не мешало бы завести – раз уж серая стража заиклена исключительно на убийствах. – Я провожу независимое расследование. Так вы поможете мне или нет?

– Я не видел вас в Пропasti раньше.

Морриган мысленно чертыхнулась. Как это все не вовремя!

– Вы уже деньги взяли! – возмутилась она.

– Я поручаюсь за нее, – сощурился глаза, твердо сказал берсерк. – Дэмьен Чейз. Если вам когда-нибудь потребуется моя помощь...

Глаза Дерекa изумленно расширились – имя татуированного отступника было ему хорошо знакомо. Как и его род деятельности. Посчитав улаженными все недоразумения, Морриган буркнула:

– Ну вот и прекрасно. И как же вы смогли доказать, что Эмма – воровка? Проникли в ее комнату в Тольдебраль?

– Да ну что вы. Если бы я это сделал, то с вами бы уже не разговаривал.

Морриган хмыкнула. Ладно, может, не такой он и осел.

– Ситуация вообще занимательная. Не успел я обнаружить пропажу и поднять дома переполох, как объявился неизвестный осведомитель. В письме он рассказал, что видел, как... вы знаете, кто... похищала у меня кулон. Рассказал, что сегодня ее можно будет найти в Граунд-парке, где она часто проводит вечера. И кулон будет у нее с собой.

Дэмьен изумленно уставился на Ассона.

– Серьезно? То есть в письме фактически был подробный план задержания Эммы Фитцджеральд?

– Ну да. – Дерек пожал плечами. – Я, не будь дураком, взял боевых магов и пошел туда. Они отговаривали меня, говорили, что это ловушка. Но я сказал – мы только посмотрим на нее. Если будет одна – значит, кто-то из другого Дома захотел устранить конкурентку. Здесь это обычное дело – все шпионят друг за другом, а потом друг на друга доносят.

– А зачем устранять Эмму, если она – всего лишь младшая дочь королевы города? Если бы тайный осведомитель даже смог свергнуть с трона Агнес, то престол заняла бы ее старшая дочь, Линн.

– Ну не знаю, – раздраженно отозвался Ассон. – Может, он хотел устранять их одну за другой? Кто-то же убил в итоге Линн и Агнес. И чуть не убил Оливию.

Морриган покачала головой. Нет, все-таки он осел: если бы некто хотел устранить разом всех четырех конкуренток в борьбе за престол, то просто убил бы, затянув их души в зеркала. Или... может, он знал, что Эмма сможет противостоять его чарам? Или был в стоворе с ней и потому не убил, а лишь отправил отбывать наказание? Но почему тогда не придумать другой выход – ведь сейчас, будучи Обезличенной, Эмма не может претендовать на трон?

Ничего не складывалась. Версия за версией разваливались как карточный домик.

Больше из Дерека ничего путного вытянуть не удалось. Но рассказ о том, как в кармане Эммы он обнаружил украденный родовой кулон, был сам по себе невероятен.

– Какая топорная работа. – Морриган покачала головой. Они с Дэмьеном направлялись обратно в особняк О`Флаэрти. – Это же явный подлог. Я только одного понять не могу: подставил ли кто-то Эмму или же она организовала подставу самой себе, так или иначе зная, что на их семью будет совершено нападение? Варианта только два – потому что в такие совпадения я не верю. Как и в настолько глупое поведение взрослой девушки и, по совместительству, дочери королевы города. Я больше склоняюсь к версии,

что сама Эмма подстроила и кражу, и свою поимку. Сам посуди – когда-то Агнес Фитцджеральд фальсифицировала свою смерть и надела маску, чтобы обрести своеобразную невидимость и неприкосновенность. Ничего не напоминает?

– Ты каждый раз исходишь из того, что Эмма была со своей семьей в ссоре, – заметил Дэмьен. – Но что, если это не так?

Остаток пути прошел в молчании. Морриган мрачно думала, что ни на шаг не продвинулась в поисках убийцы. Столько жертв, столько душ в плену зеркал... И все ради чего? Ради истребления королевской семьи и получения короны? Но почему тогда тот, ради кого так старался зеркальник, не объявился сразу, пока Оливия находилась в коме?

Первым, кого Морриган увидела в особняке О`Флаэрти помимо дворецкого, была Клиодна. Она восседала на софе и о чем-то ворковала с голубкой.

Морриган с облегчением отметила, что сестра выглядит отдохнувшей и посвежевшей. Клио и есть стала лучше, а значит, потихоньку возвращалась к нормальной жизни. Ну или почти нормальной – если не считать того, что отныне глазами Клио были глаза ее крылатого фамильяра.

Справившись о самочувствии сестры, Морриган оставила грозного берсерка мило беседовать с Клио и гладить полюбившуюся ему белую голубку. Наскоро затолкала в себя ужин, не чувствуя вкуса еды. В последнее время она забывала поесть и поспать, и каждый раз, когда изможденный организм посылал тревожные звоночки, напоминала себе: убийца Клиодны все еще на свободе.

Морриган нашла Ганджу в его каменной обители, тонущей в постоянном полумраке. Спускаясь по ступеням в объятия полутьмы, невольно поморщилась. Не хотела бы она жить вот так, почти не видя света: бокор очень редко выбирался на надземные, залитые солнцем, этажи, не говоря уже о том, чтобы покинуть стены дома.

К своему удивлению, Морриган обнаружила внизу не только мамбо Саманью и хунгана Аситу, но и Дэмьена. Все четверо вполголоса что-то

обсуждали, и если лицо Саманьи было испуганным, то лица мужчин – хмурыми. На мгновение стало любопытно, что они затевают, но Морриган тут же мысленно махнула рукой: все, что не имело отношение к Клиодне, сейчас ее интересовало мало.

– Ганджу, я могу с вами поговорить?

Не скрывая недовольства, что его прервали, седобородый кивнул.

– Это насчет Клио. – Морриган не видела смысла говорить с бокором наедине – каждый из присутствующих прекрасно знал суть проблемы. – Я перепробовала уже все возможные варианты. Тэна уходит, но ненадолго – на какие-то несчастные пару десятков минут. А значит, Клио не сможет вести жизнь обычного человека, не боясь преследования Трибунала. Не сможет стать врачом, о чем мечтала с самого детства. Не сможет найти нормальных друзей не среди преступников и отступников.

Дэмьен хмыкнул, лицо Саманьи вытянулось и помрачнело – казалось, слова Морриган ее задели. Но последнее, о чем она думала сейчас – как бы ненароком не ранить чьи-то чувства. Ей казалось, что она задыхается от невозможности помочь сестре, невозможности исправить собственную ошибку. Если бы она приехала в Кенгьюбери раньше... ничего этого бы не случилось.

– Ганджу, магия вашего лоа рождает в Клио тэну. Заберите ее, уничтожьте, нейтрализуйте – что угодно! Все, лишь бы Клио стала обычной...

Бокор медленно покачал головой.

– Ты любишь сестру, но любовь застилает твой разум. Ты не хочешь принять очевидного: если я заберу магию лоа, то Клиодна просто перестанет существовать. Связь между ее телом и ее душой разорвется, ведь только частица силы Барона Суббота поддерживает в ней жизнь.

– Должен быть другой способ! – воскликнула Морриган. Осеклась на полуслове. – Подождите... а что, если...

Она принялась мерять шагами комнату под застывшими взглядами берсерка и жрецов вуду.

– Клио нужна жизненная энергия, верно? – Глаза Морриган лихорадочно блестели. – И сейчас ее заменяет темная энергия лоя. Но что, если вместо нее будет настоящая, чистая живительная сила?

Ганджу вопросительно взглянул на нее.

– Моя собственная энергия... Я могу поделиться ею с Клио! – выпалила Морриган. – Как веретники делятся жизненной силой с темными сущностями – с той лишь разницей, что я буду отдавать ее не какому-то мерзопакостному демону, а родной сестре. Клио будет жива, и никакой черной магии – это как переливание крови, только на магическом уровне, и...

– И это непрекращающийся процесс, – со странной интонацией отозвался Дэмьен. – Тебе придется отдавать свою энергию Клио всю твою – и ее – жизнь. А это значит...

– Я знаю, что это значит, – холодно сказала Морриган. – И это не изменит моего решения. Буду жить столько, сколько отмерено обычному человеку. Пусть это будет не полтора века, а меньше раза в два. Люди же живут. И наслаждаются этим. Шестьдесят, семьдесят лет – не так уж и мало, верно?

Подумалось невеселое: некоторые ведьмы в этом возрасте только заводят детей и начинают жить полноценной жизнью. А ей уже надо будет готовиться к переходу в Мир Теней.

– Я не знаю, – бросил Дэмьен. – Берсерки обычно до семидесяти лет не доживают. Слишком часто мы находимся на пределе своих возможностей. Слишком сильные – даже для колдунов – получаем нагрузки. Слишком часто впадаем в ярость, которая подтачивает наше тело изнутри.

– Я этого не знала, – нахмурилась Морриган.

– Теперь знаешь.

– Тогда ты тем более должен понимать, что моя жертва – не так ужасна и вполне оправданна, – запальчиво сказала она. – Ганджу, вы можете мне с ритуалом? Кто-то должен связать меня узами с Клио. Это вам под силу?

Мелькнула запоздавшая мысль, что бокор может оскорбиться тем, что она сомневается в его даре. Но никаких обид не последовало. Ганджу кивнул и на родном языке обратился к Саманье и Аситу.

– Ночью, – бросил он наконец. – Поспи несколько часов до полуночи – ты должна быть отдохнувшей. Ритуал потребует много сил.

Морриган открыла было рот, чтобы возразить – ей хотелось приступить к ритуалу немедленно.

– Не спорь, черноглазая. Если хочешь помочь сестре, придется мне довериться.

Она шумно выпустила воздух из ноздрей. Поразмыслив над словами бокора, сказала:

– Я спущусь сюда в полночь. И, Дэмьен... прошу, ничего не говори Клио.

Берсерк коротко кивнул. Успокоенная, Морриган поднялась на первый этаж. Какой-то шорох привлек ее внимание. Резко обернувшись, она увидела сидящую на полке шкафа белую голубку. Была ли она в подвале или рядом с ним? И если да, то слышала ли сестра их беседу? Иногда Морриган натывалась на летающую по особняку птицу, в те часы, когда Клио спала. Хотелось бы надеяться, что сейчас именно такой случай.

Как бы то ни было, она не собиралась отказываться от своей затеи. Всего-то и надо – вплоть до самого ритуала избегать столкновения с Клио, чтобы та не начала ее отговаривать.

Поднявшись к себе, Морриган заперлась на ключ и улеглась на кровать. Из груди вырвался вздох блаженства, копившаяся днями усталость тут же налила веки свинцом. «Я просто немного полежу...» Не успев додумать мысль, она провалилась в сон.

Короткий сон на скамейках в парке, унижительный обмен дорогих часов на еду... Думал ли Ник, что когда-нибудь ему доведется пережить подобное? Он обходил одного белого мага за другим – от целителя к гипнотизеру, от ведуна к онейромантке – в попытках понять, как все исправить. И все зря.

Ник стер ноги и вымотался так, что походил на собственную бледную тень. Сейчас в нем куда больше от жалкого бродяги, чем от младшего инспектора Николаса Куинна, кем он был совсем не так давно. Настала пора остановиться – или ходя бы замедлиться. Ему нужны были деньги, чтобы нормально выспаться и нормально поесть. К счастью, одна идея у него была.

Пройдя пешком несколько кварталов, Ник остановился возле стеклянного небоскреба в самом центре Кенгьюбери. Корпорация «Экфорсай» – единственная организация, имеющая лицензию на создание кристаллов магической энергии, которые использовались в знаменитых браслетах Экфо. Стоило Нику приблизиться к входной двери, ее стеклянная поверхность разлетелась на мелкие кусочки. Осколки замерли в воздухе, образовав арку из битых стекол. Как только Ник миновал ее, осколки со звоном соединились в цельное стекло.

Его глазам предстало огромное помещение, в котором все предметы мебели были сделаны из стекла. Прекраснее всех смотрелась витая лестница в центре зала. Под прозрачным стеклом пола плескалась подкрашенная серебром вода. На входе Ника встретила девушка, как и другие сотрудники «Экфорсай» одетая в костюм серебристого цвета – цвета заключенной в кристалле магической энергии. Длинные ноги, короткая юбка и профессионально-оценивающий взгляд, который не мог не отметить черное пальто с нашивкой младшего агента.

– Чем я могу вам помочь? – сверкнув белоснежной улыбкой, поинтересовалась она.

– Я бы хотел стать донором, – деланно равнодушно произнес Ник. Прежде он никогда не прибегал к подобному способу заработка – просто не было на то нужды, и чувствовал себя непривычно и странно.

Во взгляде сотрудницы «Экфорсай» промелькнуло удивление. Ее можно понять: обычно агенты Департамента донорством не занимались.

– Разумеется, – охотно откликнулась она и провела Нику к стеклянной стойке. – Ваши документы.

Ник нервно царапнул ногтем по ладони.

– Мне бы хотелось сохранить инкогнито, – стараясь казаться вежливым, ответил он.

– Я понимаю. – Хотя взгляд брюнетки стал более пристальным, дежурная улыбка, словно приклеенная, не сходила с ее лица. Ник начал уже было подумывать, что работников «Экфорсай» специально тренируют и сурово наказывают, если те хоть на миг перестают демонстрировать зубы. – Ваше имя, должность и звание останутся в тайне, но карточку донора заполнить необходимо.

Она протянула ему тончайший серебристый прямоугольник мемокарда.

– Приложите, пожалуйста, запястье. Повторюсь, полученная информация будет надежно защищена.

– Я передумал, – выдавив из себя улыбку, ответил Ник.

Отошел от стойки и торопливо направился к выходу из стеклянной громады, ощущая на себе пристальные взгляды не только брюнетки, но и многочисленных охранников компании. Итак, «Экфорсай» для легкого заработка не подходил: без документов делать тут было нечего.

Стеклянная дверь послушно разлетелась на осколки, выпуская Ника. Он замер в нерешительности, не зная, что делать дальше. Стоящая неподалеку худощавая девица с растрепанными светлыми волосами, сбросив столбик пепла с палочки танге, кинула на него понимающий взгляд.

– Выперли, да? – хмыкнула она.

Ник нахмурился. У него было совсем не то настроение, чтобы вести пространную болтовню с незнакомкой. Однако девицу его неразговорчивость несколько не смутила.

– Меня тоже вежливо выпроводили, – охотно поделилась она. – Они, видите ли, заботятся о моем здоровье! Опустошать магическую энергию, видите ли, нельзя, и больше двух раз в день они принять ее не могут! А то, что мне позарез нужны деньги, их совершенно не интересует!

Ник просто кивнул, занятый своими мыслями. Видимо, светловолосая расценила его жест как сигнал к продолжению беседы. Затянувшись, кинула палочку танте в урну, мгновенно ту уничтожившую, и подскочила к Нику.

– Я – Гесса, – представилась она. – Знаю, имя дурацкое, ну уж какое есть.

– Ник, – подавив раздраженный вздох, ответил он.

Словоохотливая девица доверительно сообщила:

– Я знаю, где можно поработать донором без всяких там ограничений.

– И где же? – моментально заинтересовалась Ник.

– Иди за мной. – Гесса легко слетела со стеклянных ступеней.

Пока они шли, девушка трещала без умолку. За несколько минут пути до портал-зеркала Ник успел узнать едва ли не всю ее подноготную. Гесса рассказала о своей матери, подсевшей на новомодную зачарованную пыльцу, позволяющую уходить в иллюзорный мир. Чем чаще человек употреблял его, тем больше были размыты границы с реальным миром. У матери Гессы была не последняя стадия зависимости, но... к этому все шло.

– Я вот хочу в университет поступить. Я ведь даже школу умудрилась закончить! – гордо сообщила Гесса, но тут же сникла: – Глупо, да?

– То, что ты хочешь учиться? – недоуменно переспросил Ник. – Что же в этом глупого?

– Не знаю, просто... Работать надо – деньги нужны, да и кто за матерью будет приглядывать?

Остаток пути они провели в задумчивом молчании. Оказавшись у портала-зеркала Центрального квартала, Гесса коснулась его поверхности. На зеркальной глади замелькали спектрографии, запечатлевшие разные районы Кенгьюбери. Гесса выбрала единственное портал-зеркало в квартале Дарквиш.

Ник только головой покачал. Разве могло быть иначе?

Прежде чем скрыться в портал-зеркале, Гесса посоветовала Нику оторвать нашивку младшего агента – чтобы «у них неприятности не возникли». Что он и сделал, призвав на помощь белые чары первой ступени – хоть они еще были ему подвластны.

Шагнув в портал-зеркало вслед за Гессой, он очутился в самом бедном и неудобном квартале Кенгьюбери, где не так давно разговаривал с Илэйн Уайтхед. Безликие дома тянулись вдоль узкой улочки, по краям которой не было ни деревьев, ни кустов, лишь жухлая трава и мусор, разбросанный тут и там.

Передернув плечами, Ник догнал новую знакомую. Гесса свернула с улицы и принялась петлять между домами. Вскоре она привела его к неприметному дому, притулившемуся между двух других. Дверь на ее стук отворилась далеко не сразу.

На пороге дома стоял невероятно худой мужчина с угрюмым лицом. Оглядев Ника с ног до головы, перевел взгляд на Гессу.

– А, снова ты, – равнодушно бросил он.

– Это Диг, – шепнула Нику Гесса. – А это...

– Да плевать. – Хмыкнув, Диг пропустил их внутрь.

В небольшом помещении находилось шесть человек, которые расселись на полу в позе для медитации. У каждого из них в руках был зажат пустой призмер, который использовался для вытягивания магической энергии, а затем перерабатывался в кристаллы, служившие наполнителем экфо. Пока Ник размышлял, где подражатели «Экфорсай» сумели приобрести годные для зарядки магической энергией призмеры, Гесса уже села на потрепанный ковер, скрестив ноги. Диг протянул ей пустой призмер, который она тут же зажала в ладонях. Об энергетическом донорстве Ник знал лишь в теории, поэтому с интересом наблюдал за Гессой. Ее лицо стало напряженным, она закусила губу. Руки, сжимающие призмер, задрожали.

– Это больно? – удивился Ник.

– Не особо приятно, – хохотнул Диг.

Пожав плечами, Ник опустил на ковер и сжал в руках протянутый ему призмер. Сразу же появилось странное ощущение, будто из него вытягивали жилы. Сначала легкое, с каждым мгновением оно становилось все сильнее. Стиснув зубы, Ник терпел тянущую боль во всем теле. Ему нужны деньги. Он должен разобраться в том, что происходит. Должен заставить мир вспомнить его и вернуть то, чего его лишили – любимого дела, дома...

Ник не сразу услышал окрик и не сразу понял, что он предназначается ему.

– Неужели, – недовольно буркнул Диг, едва ли не вырывая из его рук заряженный призмер.

Поднимаясь, Ник покачнулся – нехватка магической энергии сильно сказывалась на самочувствии. Пытаясь побороть слабость и головокружение, оперся о стену. Гесса стояла рядом, с сочувствием наблюдая за ним.

– В первый раз, да?

Он едва нашел силы, чтобы кивнуть.

Денег, полученных от Дига, должно было хватить на день – на еду и недорогой ночлег. А завтра Ник собирался прийти сюда снова.

На улице он поинтересовался у Гессы:

– Ты хорошо знаешь этот район? Не подскажешь, где можно дешево снять комнату?

– Знаю одно место!

Энергичная девушка тут же помчалась вперед. Нику пришлось ускорить шаг.

Новая комната не отличалась ни роскошью, ни уютом – обычная крохотная каморка в двухэтажном доме, куда с трудом втиснулись продавленная кровать, небольшой обеденный стол со стулом и раковина с расположенным над ней треснувшим зеркалом. Не было даже шкафа, поэтому пальто Нику пришлось повесить на спинку стула. Как бы то ни было,

временному пристанищу он был несказанно рад. Главное сейчас – выспаться, чтобы приступить к решению проблемы со свежей головой.

Сейчас ему больше всего хотелось побыть в одиночестве, но Гесса, которая и договорилась с хозяйкой дома о съеме комнаты, явно не собиралась никуда уходить. Выпроводить Ник ее не мог – только благодаря Гессе ему не придется снова бродить по городу или ночевать на скамейках.

Сидя на кровати, он думал о своем. Лишь изредка вслушивался в болтовню новой знакомой и снова возвращался к безрадостным мыслям.

– ...Я обычно так и делаю – восстанавливаю силы и снова иду к Дигу. В «Экфорсай» платят, конечно, больше, но...

– Я помню, – вставил Ник, – ограничения.

Гесса кивнула, и, поколебавшись, спросила:

– А где твой дом? Ты ведь агент или... это, наверное, не мое дело...

– Ты права, не твое. – Скопившееся напряжение выплеснулось в обычно не свойственную ему резкость. Увидев расстроенную мордашку Гессы, Ник примирительно сказал: – Извини, нервы ни к черту. Последние дни выдались не из легких...

Ник оборвал себя на середине фразы: даже Гесса с ее-то непростой жизнью не унывала, а он, впервые за двадцать с небольшим лет столкнувшись с настоящими трудностями, вздумал жаловаться...

Успев понять, что Гесса любит рассказывать о себе, он расспросил ее об институте, об интересующей ее профессии, о сестренке-Вольной, в четырнадцать лет упорхнувшей из дома, чтобы стать путешественницей – как подозревала Гесса, из-за их матери, которая потеряла интерес ко всему, кроме магической пылицы. Гесса и рада бы последовать примеру сестры, но... тогда некому будет выдергивать мать из мира красочных грез в мир куда менее красочный, но реальный.

Непосредственной Гессе удалось рассмешить и отвлечь его, и когда на Кенгьюбери опустился вечер, и она заторопилась домой, Ник, вопреки недавним мыслям, даже почувствовал сожаление, что остается в одиночестве.

Однако нехватка сна и сильная потеря энергии давали о себе знать – глаза буквально закрывались. Ник устало опустился на кровать.

Открыв глаза, он поморщился от яркого света. Недовольно вздохнул, поняв, что уже утро. Поместил в раковину сущность воды, умылся и пригладил волосы. Невольно подумав о Гессе с ее растрепанной прической, сделал себе мысленную пометку как можно быстрее купить расческу.

Заперев дверь, Ник направился к ближайшему портал-зеркалу, который перенес его в Дарквиш: после платы за ночлег его карманы опустели. Получасом позже – утром в подпольной донорской станции оказалось неожиданно много народа – он обменял заряженный призмёр на деньги.

На улице Ник лицом к лицу столкнулся с Гессой. Как и вчера, она была растрепана и одета в длинный свитер с капюшоном и рваные темные джинсы. Обрадовавшись встрече, Ник с улыбкой ее поприветствовал.

Скользнув взглядом по его лицу, Гесса чуть нахмурилась.

– Привет, – замаявшись, ответила она. Заметив недоумение Ника, рассмеялась: – Извини, память никудышная, особенно на лица. Ты, наверное, как и я, здесь постоянный посетитель?

Ник молча смотрел на нее, чувствуя неприятный холодок по коже.

– Гесса, мы же только вчера с тобой виделись, – медленно сказал он.

– Правда? – Ее глаза удивленно распахнулись.

– Ты привела меня сюда, а потом нашла для меня комнату. Сидела у меня до вечера, – объяснял Ник... со всей отчетливостью понимая, что объяснения его бессмысленны.

– Точно не вчера, – снова рассмеялась Гесса. – Вчера я... – Она сосредоточенно нахмурилась, пытаясь вспомнить, но потом махнула рукой. – Все, надо завязывать с этой работой, память уже никакущая. Но сюда вчера я точно одна приходила. Можешь даже у Дига спросить!

– Да, конечно. – Не простившись, Ник пошел прочь.

Он не чувствовал ничего, кроме пустоты и обреченности. Люди не просто забыли его в одночасье. Они продолжают забывать его и сейчас. Стоит Нику уехать из Кенгьюбери, и через несколько часов о его существовании никто и не вспомнит...

Остаток дня он бродил по родному городу, но лишь в очередной раз удостоверился: без понимания, какие именно чары на него наложены, ни одному белому магу их не расплести.

Дойдя до портал-зеркала, Ник остановился. Куда ему идти? Приложив руку к зеркальной глади, он равнодушно наблюдал за спектрографиями, сменяющими друг друга. Увидев знакомый пейзаж, коснулся его, сам не зная, зачем. Дошел до знакомого дома, постучался...

На пороге появилась Меган Броуди. Удивилась, увидев его.

– Вы что-то хотели?

Взгляд теплых карих глаз скользнул по пальто, задержался на вновь приделанной нашивке – отчаянная попытка удержать ускользающее прошлое. Сам не веря в успех своего стихийно возникшего плана, Ник все ей рассказал. И пускай Мег станет ему собеседницей и другом только на этот вечер – при условии, что вообще поверит ему. Пускай забудет его на следующий же день. Но сейчас Нику просто нужен был кто-то рядом. Кто-то из его прошлой жизни, которая рухнула в пропасть стремительнее короткого вздоха.

Мег долго молчала, недоверчиво его изучая. Ник хорошо знал этот взгляд – в последние сумасшедшие дни он сталкивался с ним постоянно. Быть может поэтому говорил в захлеб, пытаясь убедить Мег в своей искренности.

– Значит, проклятие... – задумчиво сказала она. Вдруг вскрикнула – совсем как девчонка. – Подождите, я...

Мег захлопнула перед ним дверь – какая бы догадка ни пришла ей в голову, впускать в дом незнакомца она не спешила. Впрочем, другого от старшего инспектора ждать не стоило.

Ник растерянно топтался у порога. Мег вернулась, держа в руках странный амулет – незнакомый ему серебристо-голубой камень на длинном простом шнурке.

– Я никогда не пользовалась им и не знаю, работает ли он вообще, – пробормотала Мег, – но... возможно, сейчас самое подходящее время, чтобы это проверить.

Ник молчал, боясь спугнуть зародившуюся надежду. Как только амулет оказался на ее шее, серебристо-голубой кулон засиял мягким белым светом. Мег шагнула к нему, наморщила лоб. Секунды текли вальяжно и неторопливо, складываясь в минуты и заставляя Ника изнывать от нетерпения.

В ее взгляде росла настороженность... пока Мег не ахнула от изумления:

– Ник! Боже мой, Ник! – Она порывисто обняла друга. – Что это за...
Что это за чары?

– Не знаю, – устало ответил он. – А что это за амулет?

– Средоточие сильнейшей белой магии. Подарок одной лесной ведьмы – за то, что спасла ее от рук преследующего ее отступника, – пояснила Мег. – Ох, заходи давай!

Прежде Ник никогда у нее не был – они встречались только в Департаменте или в баре. Дом Меган был обставлен дорого и со вкусом, в нем главенствовали красное дерево и цвет слоновой кости. И вместе с тем он показался Нику слишком стерильным, холодным – никаких статуэток, ваз с цветами, ажурных светильников, присущих женскому стилю. Единственное украшение – многочисленные картины в тяжелых медных рамах.

– Любишь живопись? – поинтересовался Ник.

Мег улыбнулась своей характерной мягкой улыбкой.

– Люблю, – просто ответила она.

Аппетитные запахи, витающие в квартире, напомнили Нику, что со вчерашнего вечера он ничего не ел.

– А я тут ужин готовлю, – нарочито весело сказала Мег, хотя в ее взгляде застыло беспокойство. – К счастью, хватит на нас обоих.

Она обвязала вокруг стройной талии фартук, безнадежно испорченный красным соусом. На решетке шипело мясо, поджариваемое снизу сущностью огня.

– Я помогу, – спохватился Ник.

Размешал салат и заправил его маслом. Мег тем временем выложила готовое мясо и разлила соус по соусницам. Поставив все это великолепие на стол, осведомилась:

– Вино белое или красное? Прости, ничего крепче нет.

– Красное, – мимолетно улыбнувшись, ответил Ник.

Когда приготовления были закончены, они сели за стол. Пригубив терпкий напиток, Ник смотрел на уплетающую мясо Мег. Несмотря на голод, ему кусок не лез в горло.

– Есть какие-нибудь соображения, как это исправить? – тихо спросила Мег, отложив нож и вилку.

Он сокрушенно покачал головой.

– Пока нет. Хорошо, что у тебя есть этот амулет... Кстати говоря, а где живет ведьма, которая его зачаровала?

– Она умерла, Ник, – виновато сказала Мег. – Отступник, от которого я спасла ее когда-то, однажды все-таки ее настиг. Наверное, именно поэтому я все это время не носила амулет на шее – подсознательно понимала, что недостойна этого. – Она тряхнула волосами, будто желая изгнать призраков прошлого из головы. – Хотела бы я тебе помочь... Может, хотя бы останешься на ночь? То есть... Не подумай, просто у меня есть пустая комната, а тебе наверняка нужна крыша над головой.

Ник так устал и был настолько выбит из колеи безумием последних дней, что и не подумал отказаться. Насильно затолкал в себя ужин, пока Мег

приготавливала для него комнату. Поблагодарил ее за все, Ник поднялся в спальню, чтобы спустя несколько минут забыться сном без сновидений.

Утренний свет не радовал. Солнечный луч нахально лез в глаза, не оставляя никаких шансов уснуть снова. Невыспавшийся и раздраженный, Ник оделся и спустился вниз. Мег стояла у решетки с сущностью огня и на звук его шагов обернулась.

Странное выражение, появившееся на ее лице, заставило Ника похолодеть. А в следующий миг Мег выхватила револьвер из лежащей на столе кобуры. Прищурив глаза, нацелилась ему в грудь.

Несколько страшных мгновений, растянувшихся на целую вечность... И зачарованный амулет на шее засиял уже знакомым Нику мягким белым светом. Меган вскрикнула, инстинктивно потянулась рукой к кулону.

– Боже мой, Ник, – выдохнула она. – Я едва тебя не застрелила.

– Все в порядке, – хрипло сказал Ник, с усилием выдавливая из себя слова.

– Ничего не в порядке, – прошептала Мег, дрожащей рукой опуская револьвер.

И была совершенно права.

– Я... прогуляюсь немного, ладно?

– Ник...

– Мне просто нужно побыть одному.

Он покинул дом, только вчера казавшийся таким гостеприимным. Шел и видел в голове образ Мег с бледным лицом и виноватым взглядом. Снова бродил по городу, пытаясь понять, чем заполнить пустоту в душе, как избавиться от преследующего ощущения, что его попросту стерли с лица земли. Ник казался себе лишним в этом мире, и хуже всего то, что он понятия не имел, как это исправить.

Глава тридцатая

Сон был странным и сотканным из плохо сшитых лоскутов воспоминаний, тревог и страхов. События минувших дней проносились перед глазами Морриган как в гигантском калейдоскопе. Ужас, охвативший ее при виде мертвого тела сестры, ритуал вызова Барона Суббота, крик Клио «Мои глаза. Я ничего не вижу!», Бадб, в обличье ворона беспрестанно кружащаяся над ее головой.

И зеркала... много зеркал...

В одном из них вместо своего отражения она увидела Клио. Радостно улыбнулась, глядя в сине-зеленые глаза с живым, видящим взглядом.

– Морри, остановись. Я не хочу, чтобы ты это делала.

– Клио?

Морриган окружали огромные зеркала в золотых рамах, по которым медленно сбегали ручейки крови. Они трескались, наполняя мертвую тишину хрустящим звоном. Но в остальном... ощущение нереальности происходящего уступило место обыденности – казалось, Морриган не спала, а на мгновение заглянула в чью-то иллюзию.

– Морри, это я, – тихо сказала Клио из отражения зеркала. На его раме не было крови, а зеркальную гладь не тронули змейки трещин. – Я настоящая. Я тебе не снюсь, а... являюсь.

– Являешься?

– Я рассказала Ведающей Матери – лесной ведьме, которая связала меня с голубкой, о своих странных снах. О том, что каждый раз, когда я засыпала, возникало ощущение, что я нахожусь в центре воронки, а водоворот пытается затянуть меня куда-то вглубь. И каждый раз меня преследовал жуткий страх – я не знала, что окажется там, на дне. Я боялась, что дно... эта глубина – это...

– Смерть, – глухо сказала Морриган.

Клиодна тряхнула светлыми волосами.

– Да, смерть, от которой ты меня спасла. Я боялась увидеть, что там... Ведающая Мать предложила мне помочь. Она сказала, чтобы я не сопротивляюсь этому притяжению. Чтобы я попыталась понять, куда меня затягивает этот водоворот. И если что-то окажется не так, если мне будет угрожать опасность – она почувствует это и меня разбудит. И я... согласилась. Она подарила мне глаза. Я знала, что могу ей довериться.

Острый, как стилет, укол ревности. Клио вверила свою жизнь в чужие руки, а Морриган узнала об этом только сейчас.

– Не злись, – мягко попросила Клио. Она всегда превосходно чувствовала настроение сестры. – Я бы сказала тебе раньше, но все ведь обошлось, верно? Ты и так слишком много за меня беспокоишься. Так было всегда, но... Морри, я выросла. Мне уже шестнадцать. Я должна сама делать выбор и нести ответственность за свои решения.

Морриган натянуто улыбнулась. Она понимала, что иногда перегибает палку в своем желании контролировать жизнь Клиодны. Порой даже боролась с неприятным чувством, что не имеет на это права: она оставила дом в тринадцать лет, став Вольной, оставила сестру – на няню и Бадб, которой мир мертвых всегда был ближе мира живых. И вместе с тем дожимала Клио бесконечными звонками...

И вместе с тем Морриган знала: свобода и вседозволенность, что были в ее распоряжении с самого детства, порой не так уж хороши, как может показаться на первый взгляд. Особенно когда ты с восьми лет погружаешься в мир черной магии, практикуя пока еще простейшие чары, а с десяти – Леди Ворон никогда не умела ждать – в загадочный и жутковатый Мир Теней. Взглядом, касанием, но все же...

Сколько дров Морриган наломала в детстве, страшно вспомнить. Измени ей удача, ее жизнь могла бы закончиться по-другому. Печально, бесславно и совершенно недостойно для потомка великого рода Блэр. В котором, к слову, были исключительно черные колдуны и ведьмы. Прежде. До появления Клиодны, избравшей путь обычного человека, и Морриган, оставляющей за собой право в любой момент примкнуть к белой или к черной стороне.

– Прости, милая. Ты, конечно, права.

Клиодна улыбнулась ей – светло и нежно.

– И что ты увидела, когда позволила водовороту тебя затянуть? – заинтересованно спросила Морриган.

– Пустоту. Белую пустоту без конца и края. И только потом – обрывки чьи-то снов. Я не сразу поняла, что нечаянно вторглась в твой сон. Он был обо мне, и я... Прости... Я чувствовала себя так, будто подглядываю в замочную скважину. Тут же ушла, конечно. Точнее, проснулась. Обо всем рассказала Ведающей Матери. Она убедила меня, что это нормально – магия лоа лишь усилила то, что было во мне скрыто. Что-то, связанное со снами. А ты – самый близкий мне человек. То есть вас у меня двое, но...

Она замолчала, смущенная оговоркой. Но Морриган прекрасно понимала: оговоркой это не было. Ближе сестры у нее никого не было, и Клио чувствовала то же самое, хоть и стеснялась это признавать. Ведь это неправильно, аморально – не любить свою мать.

– Я пока не знаю точно, как это работает, но знаю, что могу находить тебя по снам. Вижу пока только твои, но, думаю, видела бы и сны мамы... Если бы она хоть когда-нибудь спала.

Морриган задумчиво смотрела на сестру. Клио посерьезнела.

– То, что ты хочешь сделать... Я слышала, что ты хочешь делиться своей жизненной энергией со мной.

– Клио... – мысленно чертыхнувшись, начала Морриган.

– Нет, послушай. Я не хочу жить в Кенгьюбери и становиться врачом, если для этого понадобится такая жертва. Я не хочу красть у тебя целые годы жизни, чтобы самой наслаждаться ею. Ты же знаешь, я не смогу...

– Знаю, – тихо сказала она. Клио никогда не позволит кому-то страдать, чтобы изменить к лучшему свою собственную жизнь.

– И даже не думай о том, что, если бы я ничего не узнала... Я не глупа, и понимаю, что темная магия лоа, которая делает меня живой, не может просто

исчезнуть, не убив при этом меня. Я бы догадалась, что что-то не так, и оборвала бы связывающие нас узы. И я рада, что узнала о твоих намерениях прежде, чем ты их осуществила. Я никогда не прощу себе, если из-за меня ты потеряешь хотя бы день своей жизни. Жизнь – это чудо и самый драгоценный дар. Нельзя им разбрасываться понапрасну.

Морриган устало вздохнула. Она знала – ей не переубедить сестру. Но не хотела верить в то, что потерпела поражение.

– Я научусь жить в Пропasti, – мягко сказала Клио. – И найду себе другую мечту.

Сон становился зыбким и туманным – наверное, новые, еще неизведанные до конца силы, которые Клиодна обнаружила в себе, таяли. Глядя на сестру, Морриган впитывала в себя ее образ – образ зрячей девушки с грустной улыбкой на губах, словно неосознанно боялась не увидеть ее наяву.

Проснувшись, она еще долго лежала не без единого движения и бездумно смотрела в потолок. Слова Клио звучали в голове, заглушая и путая мысли.

Морриган взглянула на часы – половина одиннадцатого. Нужно сказать жрецам вуду, что ритуал не состоится. Идти против воли сестры, зная, что до конца жизни Клио будет чувствовать себя виноватой даже за один-единственный украденный у нее день, она не имела права.

Значит, оставалось только одно: поймать убийцу, который перевернул с ног на голову их жизни и заставить его платить по счетам.

Морриган рассказала обо всем Ганджу. Удивленным бокор не выглядел. Поднявшись наверх, она столкнулась с Дэмьеном в коридоре.

– Я поговорил с Оливией Фитцджеральд, пока ты спала.

– Без меня? – возмутилась Морриган.

– Ну простите, ваше величество, что был настолько самонадеян, чтобы действовать, не дожидаясь вашего очаровательного общества, – сочась ехидством, сказал Дэмьен. – Так мне продолжать или сначала выслушать длинную нотацию о том, какой я мерзавец?

– Нотация будет позже, – пообещала она. – Так что сказала Оливия?

– Целители привели ее в чувство, она еще слаба, но чувствует себя вполне сносно. Вот только она наотрез отказывается говорить о сестре. Потеряла всяческое терпение и в самом конце, прежде чем приказать слугам вытолкать меня за порог и захлопнуть дверь перед самым моим носом, прошипела как кобра, чтобы я и думать не смел подозревать в чем-то Эмму. Она не опаснее котенка и вообще сама доброта, обвинения против нее сфабрикованы, и Оливия делает все возможное, чтобы это доказать.

Морриган кивнула.

– А вот и нотация. Если бы ты соизволил дождаться меня, прежде чем отправиться к Фитцджеральд, то мне не пришлось бы сейчас обращаться к черной магии и тратить свою жизненную энергию на проникновение в замок нынешней королевы. Я же правильно понимаю, что королевой стала Оливия?

– Нет, – огорошил ее Дэмьен. – Она официально заявила Высокому Собранию, что отказывается от притязаний на трон. Ей позволили на какое-то время остаться в Тольдебраль, чтобы организовать церемонию прощания с матерью и сестрой. В это время Высокое Собрание будет решать, кто станет следующим королем города. Правильно сделала, между прочим: хоть Оливия и веретница, как и ее мать, она в разы слабее Агнес. Легкая добыча для глав Домов, которые облизываются на корону.

– Но в свое время так думали и об Агнес, – заметила Морриган.

– Агнес обвела всех вокруг пальца. Ее попросту недооценили, да и она долгое время успешно скрывала свое увлечение веретничеством. К тому же, Агнес оказалась той еще интриганкой: заводила нужные связи, убеждала людей в своей преданности, но только заподозрив неладное, не гнушалась ударом в спину. Оливия ей и в подметки не годится. Она не удержала бы трон – не прошло бы и нескольких недель, как союзники Дома Фитцджеральд от нее бы отвернулись. А затем поддерживать слабую королеву, если ее можно просто свергнуть? Лучшее решение для Оливии – отказаться от титула, на заработанные Агнес деньги купить себе миниатюрную версию Тольдебраль и в игры сильных мира сего не вступать.

Морриган пожала плечами.

– По правде говоря, мне наплевать, что будет с Оливией Фитцджеральд и в чьи руки перейдет Пропась.

– Твоя мать явно не разделяет твоей точки зрения, – хмыкнул Дэмьен.

– С чего ты это взял? – насторожилась она.

Берсерк с цоканьем покачал головой, изображая крайнюю степень осуждения. К счастью, этот театр одного актера закончился довольно скоро.

– Ты так занята поиском убийцы, что не обращаешь внимания на то, что происходит вокруг тебя.

Морриган тут же все поняла. Когда они только очутились во владениях Доминика О`Флаэрти, Морриган увидела в нем лишь неожиданного, но весьма полезного союзника. Да, Бадб флиртовала, но желание флиртовать было у нее в крови... что в алой и горячей, когда она была жива, что в черной и мертвой, когда она стала личем. Но слишком часто за последние несколько дней Морриган заставала Леди Ворон и Доминика О`Флаэрти наедине, слишком недвусмысленными были взгляды, которыми они одаривали друг друга. Неужели это нечто большее, чем простая интрижка?

– Хочешь сказать, Бадб мечтает посадить Доминика на трон?

– Хочу, – невозмутимо отозвался Дэмьен. – Более того – она прямо ему это предложила. Загвоздка лишь в том, что возможности твоей матушки весьма ограничены и долго находиться в мире живых она не может.

Морриган передернула плечами. Значит, Доминик, как и Дэмьен, прекрасно осведомлен, что Бадб – лич. И, судя по всему, романтический интерес у Доминика это знание не отбило. Их дело, конечно, но есть в этом что-то... противоестественное. Смертный и мертвая ведьма, которая раза в три его старше.

Бадб и после смерти не потеряла хватку и не изменяла своему принципу: ее всегда интересовали только самые достойные из мужчин, в чьих руках была и власть, и сила. Слабых она подавляла – или попросту уничтожала, если они вставали на ее пути. Бадб не умела прощать человеческие слабости, и вообще

не умела прощать, не разделяя людей на близких и посторонних – ко всем она была одинаково сурова и нетерпима. Сила – вот что всегда ее привлекало. И если Леди Ворон не просто приблизила к себе Доминика, но и пообещала ему корону, значит, она разглядела в нем то, что Морриган не увидела. Впрочем, ей и впрямь было не до того.

– Занятно, ничего не скажешь... – пробормотала она.

– Ты так и не объяснила, зачем тебе понадобилось снова проникать в Тольдебраль, – напомнил берсерк.

– Затем, чтобы взять какую-нибудь из вещей Эммы и дать ее вервольфу. В Пропasti же наверняка есть вервольфы?

Дэмьен фыркнул, словно Морриган сказала несусветную глупость. И правда – где еще им обитать, как не здесь? В Кенгьюбери их определенно недолюбливали...

– Ну да, разумеется, есть. Так вот, я хочу, чтобы вервольф отыскал Эмму среди Обезличенных.

– И что дальше?

– Для начала хочу удостовериться в том, что она до сих пор Обезличенная. Затем – убедиться, что печать, запрещающая ей применять магию, не сломана.

– И что ты будешь делать, если поймешь, что Эмма причастна к убийствам?

Взгляд Морриган сделался жестким.

– Вспомню о том, что я Охотница.

Удивительно, но никаких едких замечаний не последовало. Дэмьен знал не меньше Морриган: тот, кто сделал это с Клио и остальными, заслуживает смерти. И только ее.

Морриган заверила Дэмьена, что сообщит ему, как только что-то узнает, и тут же уединилась в спальне. Подобного рода обряды она предпочитала

проводить в гордом одиночестве. Мир Теней впустил ее в свои объятия, охотно принимая ее жертву – саму жизнь.

Укрываясь тенями как плащом-невидимкой, Морриган добралась до Тольдебраль, проникла в окно. Неодобрительно фыркнула – звук достиг границы между миром живых и миром мертвых и рассыпался, превратившись в едва слышный шорох – защитная сеть, покрывающая стены, сильно истончилась со времени первого вторжения Морриган в Тольдебраль. По всей видимости, стены замка магической сетью оплетала сама Агнес Фитцджеральд, и после ее смерти чары слабели с каждым часом. А самой Оливии не хватало сил, чтобы их подлатать.

Дэмьен прав. Недолго она оставалась бы королевой.

Да, способность обращаться тенью, доставшаяся Морриган от Леди Ворон и отточенная благодаря последней, редка, и вряд ли кто-нибудь в Пропasti обладает подобной. Но есть другие дары, не менее опасные...

Оказавшись внутри, Морриган не стала терять времени зря. Она догадывалась, где находятся покои Эммы Фитцджеральд – эта комната, в отличие от комнат Линн, Оливии и Агнес, в прошлый ее визит была заперта. Но то, что является препятствием для человека, для тени – лишь секундная заминка. Морриган без помех проскользнула в щель под дверь. Проявилась – только в человеческом облике она могла взаимодействовать с предметами.

Все до единой вещи Эммы распихали по ящикам комода и роскошного трельяжа на львиных лапах. Видимо, правила, касающиеся Обезличенных, запрещали держать принадлежащее им имущество на виду. И пусть в комнату Эммы вряд ли водили экскурсии, кто-то из Фитцджеральд решил подстраховаться и спрятать ее личные вещи подальше от посторонних глаз.

Морриган быстро нашла подходящую вещь – тонкий газовый шарфик, пропитанный теми же духами, что обнаружили в соседнем ящике комода. Уже собралась уходить, как взгляд упал на пачку спектрографий, веером рассыпанных по дну ящика.

Фитцджеральды не притворялись счастливой и любящей семьей – строгие лица, тяжелые взгляды... Только Эмма стояла в расслабленной позе, склонив

голову набок и, казалось, искренне улыбалась. Оливия почти на всех спектрографиях выглядела серьезной, но хотя бы стирала надменность из глаз и холодную усмешку, которые отличали Агнес и Линн Фитцджеральд.

Ахнув, Морриган подалась вперед. Весь мир сузился до одной единственной спектрографии из семейного архива. Снимок запечатлел Эмму и Оливию – они вообще на половине спектрографий были вместе – и... зеркало с фигурной медной рамой на стене. Зеркало, в которое в один ужасный день затащило душу Клиодны. Зеркало, которое, судя по всему, таинственный убийца использовал для вторжения в мир живых самым первым.

Морриган ошеломленно смотрела на спектрографию, пытаясь связать воедино обрывки ускользающих мыслей. Зеркало из Пропasti оказалось в Кенгьюбери. Убийца, напав на Клио в Верхнем городе, последними жертвами выбрал правящую семью на Дне. Что бы ни руководило его действиями, какова бы ни была причина...

Круг замкнулся.

Глава тридцать первая

Знакомым Дэмьену вервольфом оказался молодой мужчина с темно-русыми, почти черными, волосами. Кроме хищного взгляда карих глаз ничто не указывало на его принадлежность к оборотням. Высокий – но не выше Дэмьена, такое же крепкое тело – правда, лишенное татуировок.

За помощь ей Морриган пришлось отдать вервольфу внушительную сумму. В любом другом случае она с удовольствием сбила бы спесь с наглеца, потребовавшего такие деньги за исполнение простейшей просьбы. Но слишком сильным были нетерпение и желание отыскать Эмму Фитцджеральд и понять, имеет ли она отношение к убийствам.

Вервольф, представившийся Кеннетом, спрятал деньги в карман черных джинсов и приложил к носу пропахший духами шарф. Постояв так какое-то время, резко сорвался с места: острый нюх, звериное чутье, выносливость и силу вервольфы сохраняли и в человеческом обличье. Они вообще никогда не обращались на глазах посторонних – и сохраняя таинство процесса перевоплощения, и соблюдая букву закона.

В Кенгьюбери за нарушение прописанного Трибуналом правила появляться исключительно в облике человека, вервольфа могли посадить в тюрьму на приличный срок. А вот разгуливающего по улицам Пропasti волка Морриган легко могла представить – нравы здесь были куда свободнее, чем в городе, который освещало лишь одно солнце. Лису – скорее всего, это был аниморф – на Дне Кенгьюбери она видела точно.

Они направлялись к восточному острову. Кеннет уверенно шел вперед, лавируя между прохожими. Суровый взгляд, черные джинсы, черная футболка, обтягивающая мускулистый торс... и нежно-бирюзовый шарфик, зажатый в ладони. Мило.

Транспорт в Пропasti представлял из себя хаотичную систему, которую Морриган мысленно окрестила «кто во что горазд». Здесь отчего-то было очень мало портал-зеркал. Большинство прохожих, вздумавших попасть в другое место, просто колдовали временной портал – разрыв в завесе реальности, который захлопывался сразу, как только заклинатель переносился в нужный пункт назначения. Но были и те, кто предпочитал более эффектные способы перемещения.

Пока Кеннет шел по следу Эммы Фитцджеральд, Морриган увидела и парящую в воздухе платформу, работающую исключительно на магии и медленно плавающую от одного острова к другому, и странное приспособление, имеющее одно колесо, подставку для ног и шест, за который держался пассажир. Вся эта сомнительная конструкция довольно резво катила по улицам Пропasti. Еще Морриган встретила беловолосая ведьма на вороном коне и грозного вида парень, оседлавший сотканного из чистой иллюзии, но удивительно правдоподобного ящера.

С каждым днем Пропать нравилась ей все больше: все-таки скучный и подчиненный строгим правилам Кенгьюбери проигрывал в оригинальности и яркости своему чуть театральному Дну.

Пока Морриган любовалась видами – впервые за две недели в Пропати выпала возможность изучить ее получше, Дэмьен, похоже, тренировал лицевые мышцы: старательно хмурил брови, погрузившись в глубокие раздумья. Что ни говори, а отличным собеседником назвать его сложно.

Сюрпризом место, в которое в конечном счете попали вервольф, берсерк и зеркалица, ни для кого из них не стало. Морриган увидела внушительное здание, сложенное из белого камня – один из монастырей, о которых говорил Дэмьен. Всю территорию огораживал невысокий белый забор, к монастырю вела широкая дорога из щебня. Подстриженные кусты, ухоженный газон – было заметно, что здесь обитают трудолюбивые люди.

Как объяснил вынырнувший из глубин разума Дэмьен, здесь выращивали и готовили еду для Обезличенных и бедняков: на территории монастыря находилась небольшая ферма, огород с садом, где работали как белые жрицы, так их добровольные помощники – Обезличенные. К труду их не принуждали – они сами сюда приходили. Наверное, просто не знали, куда деть время, которое раньше тратили на общение с близкими и родными. А может, просто тянулись к человеческому теплу.

– И что, даже жрицам запрещено с ними разговаривать?

– Запрещено. Серая стража следит за тем, чтобы наказание Обезличенных было полноценным. И хотя главный принцип веры белых жриц – всепрощение, они не могут ослушаться приказа серой стражи. В противном случае, маски наденут уже на них самих.

Они прошли мимо жрицы, читающей на скамье книгу. Строгое белое платье в пол, накидка, темные косы, уложенные на манер короны. Оторвавшись от чтения, она мимолетно им улыбнулась. А Кеннет уверенно вел Морриган и Дэмьена к раскинувшемуся за спиной жрицы саду.

– Зачем им это? – вполголоса спросила Морриган. – Жить здесь? Помогать тем, чьих имен они не знают?

– Среди жриц много белых ведьм, чье призвание – помогать попавшим в беду людям. Они верят, что у каждого есть шанс измениться: искупить свою вину, очиститься от грехов, когда-то совершенных. Говорят, многие жрицы – бывшие Обезличенные, по той или иной причине после снятия маски вернувшиеся в монастырь. Они сродни отшельникам, которые селятся вдали от людей где-нибудь высоко в горах – с той лишь разницей, что здесь людей они видят, но не слышат. Каждая белая жрица принимает обет молчания в знак солидарности. Обезличенные могут говорить, но смысл им это делать, если никто их не слышит? Точнее, делает вид. Вот и белые жрицы молчат, чтобы лишний раз не напоминать Обезличенным о том, что они – изгои.

– А ничего, что многие из этих несчастных изгоев убивали и насиловали невинных? – резко бросила Морриган.

Взгляд Дэмьена задержался на ней.

– Как я и говорил, белые жрицы верят в искупление и всепрощение.

– А как тут со жрецами?

– Они – скорее исключение.

– Ну разумеется. Женщины куда сердобольнее мужчин.

– Не пойму, ты осуждаешь их за это или одобряешь? – усмехнулся Дэмьен.

Ответить Морриган не успела. Кеннет остановился в двух шагах от девушки, срезающей с куста пожухлые листья, и указал на нее рукой.

– Она.

Незнакомка тут же обернулась.

– Спасибо, великий конспиратор, – не скрывая недовольства, сказала Морриган.

Кеннет пожал плечами и, посчитав свою миссию выполненной, направился к арочным воротам монастыря. Морриган окинула взглядом стоящую перед ней Эмму Фитцджеральд.

Наглухо закрытое серое платье до пят облегло фигуру приятной полноты – такая, говорят, безумно нравится мужчинам. Волосы спрятаны под глубокий капюшон, лицо закрыто серой маской. Прорези узкие – исключительно для глаз и рта, не оставляющие и дюйма лишней кожи. Все вместе это смотрелось жутковато и странно.

Проходящая рядом с Эммой белая жрица с подозрением уставилась на Морриган и Дэмьена. Прищур, быстрое заклинание – и ее глаза заволочла пелена. Жрица послушно шагнула вбок, своим пышным телом в развевающейся белой накидке загораживая Морриган от серого стража, стоящего неподалеку. Дэмьен отошел в сторону, перетягивая на себя все его внимание.

– Эмма Фитцджеральд?

– Кто... Почему вы... – Наверняка отвыкшая от того, что к ней обращаются, младшая дочь Агнес растерялась. – Вы знаете, что со мной запрещено говорить?

– Знаю и мне наплевать, – пожала плечами Морриган.

– Кто вы такие? – спросила Эмма, с опаской косясь на берсерка.

– Ты знаешь, что произошло с твоей семьей?

На удивление тонкие руки в серых перчатках взлетели к лицу, скрытому под маской. Зажали рот, из которого вырвался сдавленный хрип.

– Такта тебе не занимать, – сердито сказал Дэмьен, подходя ближе.

– Я ничего еще не сказала! – возмутилась Морриган.

Берсерк резко перекрестил руки, и серый страж завертел головой по сторонам, будто пытаясь понять, кто его звал. А затем и вовсе развернулся и пошел в другую от них сторону. Морриган задалась вопросом: это им такой индивидуум нестойкий к чарам попался или Дэмьен был неплохим колдуном?

– Что... Пожалуйста, что...

– Мне очень жаль, имес Фитцджеральд. – Надо же, оказывается, Дэмьен умел говорить сочувственно и мягко. – На Тольдебраль было совершено нападение.

– Кто-то из Высокого Собраниа? – Эмма все еще держала руки у лица, отчего ее слова звучали глухо и неразборчиво.

– Нет. Дух, который прячется в зеркалах.

– З-зеркала? Боги, кто-то погиб? С Оливией все в порядке?

– Оливия защитила себя чарами. Она идет на поправку. Но Линн и ваша мать...

Эмма закрыла руками лицо и затряслась в беззвучных рыданиях. Морриган, воспользовавшись удобным моментом, шепнула Дэмьену:

– Проверь, есть ли на ней печать. Не все же мне одной бесконечно тратить энергию на чары.

– Это такой щадящий собственное самолюбие способ сообщить, что ты этого не умеешь? – с издевательской усмешкой осведомился Дэмьен.

Морриган устремила на него взгляд, который должен был передать, насколько она возмущена смехотворным предположением. Чтобы она, дочь Леди Ворон, и чего-то не умела!

К счастью, у Дэмьена было слишком мало времени, чтобы убедиться в своей правоте. Сосредоточив взгляд на плачущей Эмме, он нарисовал в воздухе знак.

– Печать не сломана, – был его вердикт.

Обезличенная успокоилась на удивление быстро. Дэмьен – сама галантность – соткал из иллюзии шелковый платок и протянул ей. Эмма улыбнулась – уголки губ чуть приподнялись в прорези маски, и осторожно промокнула глаза.

– Линн, мама... Значит, Оливия – королева?

– Нет, но вы – возможная претендентка на трон, – сощурила глаза Морриган.

Дэмыен покосился на нее, но она его взгляд проигнорировала. Печать печатью, но не хотелось так быстро вычеркивать Эмму Фитцджеральд из списка потенциальных убийц. Он и без того был весьма лаконичен.

Эмма нервно рассмеялась.

– Королева? Я? Боюсь, это совсем не для меня. Линн – другое дело. Веретницы живут меньше других черных ведьм. Много энергии уходит... Мама готовилась дожить лет до восьмидесяти, если повезет, а потом передать трон Линн. Она – единственная, кто не разочаровывал маму. Мы с Олив не отвечали ее требованиям, а Линн... она была очень на нее похожа. И сильнее нас двоих вместе взятых.

В словах и тоне Эммы было столько горечи, что Морриган неожиданно для себя самой почувствовала к ней искру симпатии. Как же похожи истории двух, с виду таких разных семей: Фитцджеральд и Блэр. Равнодушие и сильный характер матери, ее заикленность на постижении ведьминского искусства и отказ одной из дочерей идти по ее стопам, который, конечно же, одобрения не вызвал.

– Значит, Агнес вообще не видела тебя или Оливию в роли королевы?

Эмма невесело усмехнулась.

– Обычно, читая нам очередную лекцию, мама говорила так: младшая бесталанна, а средняя вечно витает в облаках.

Морриган вздернула бровь. Жестоко.

– И ситуацию усугубляло то, что ты не стала веретницей, как твоя мать, Оливия и Линн.

– Я хотела стать белой ведьмой. – Эмма вздернула подбородок, но поникла мгновение спустя. – Так... глупо, что я оказалась среди себе подобных, но не могу даже с ними заговорить! Насмешка судьбы...

Белая ведьма? Не так уж и удивительно – нередко дети черных ведьм, насмотревшись на жуткие ритуалы матерей и на их не менее жуткие последствия, навсегда зарекаются обращаться к черной магии. Что уж говорить о веретничестве, которое даже у нее самой вызывало брезгливую

гримасу. Впустить в себя темную сущность, которая будет паразитировать, пить твои жизненные соки, взамен давая право творить мощнейшие черные чары, привлекать на свою сторону демонов и духов, насылать порчу на людей... Морриган всегда считала веретничество самым мерзким из всех разновидностей черной магии. Кто знает, как повернулась бы ее судьба, если бы Бадб была веретницей. Вполне возможно, что тогда Морриган пошла бы по пути Клио, отринув родовой дар.

– Эмма... Ты знаешь кого-нибудь из своего окружения, кто не любил твою мать и занимался зеркальной магией?

– Нет. Не знаю. Может быть, но... об этом не принято распространяться. Если это кто-то из глав враждующих с нами Домов, то они тем более будут молчать об особенностях своего дара.

– Не могу не согласиться, – заметил Дэмьен. – Эмма... Понятно, что у вашей семьи много врагов. Но что насчет тех, кто вхож в твой дом? Ваши с сестрами союзники, друзья? Гм... любовники?

Прежде словоохотливая, Обезличенная насторожилась.

– Почему я должна рассказывать вам об этом?

– Потому что это в твоих же интересах, – убежденно сказала Морриган. – Ты что, не хочешь поймать того, кто убил твою сестру и мать?

Эмма молчала, обхватив себя серыми руками за серые плечи. Морриган понимала: с каждой секундой охватывающего ее недоверия к чужакам Эмма все больше замыкается в себе.

Дэмьен тронул Морриган за локоть, бросил Обезличенной:

– Прошу нас извинить. – Оказавшись на небольшом расстоянии от Эммы, шепнул: – Морриган, твои замашки Охотницы здесь не помогут, поверь мне. Я могу не знать многого, но людей я знаю. Научился их узнавать. Мне, парню, Эмма не доверится. И она, как белая ведьма, чувствует во мне силу зверя. Чувствует во мне берсерка и подсознательно боится. Но ты... у тебя есть история. Ты можешь завоевать расположение Эммы, но только если будешь искренней.

Разговор по душам – что может быть проще для такой, как она? Для той, что старательно запирала чувства глубоко внутри, зная, что всегда найдутся люди, которые захотят воспользоваться твоей уязвимостью? Она привыкла так жить – не оставляя камня на камне от своих слабостей или – если не могла от них избавиться – старательно их пряча. Ее так научили.

Запрокинув голову, Морриган резко выдохнула и решительным шагом направилась к Эмме. Та вдруг съежилась, словно испугавшись, что ее сейчас ударят. Нет, в семье Фитцджеральд определено была только одна королева. Возможно, Линн смогла бы стать ее достойной заменой – но этого им никогда уже не узнать.

– Эмма, я понимаю, что тебе сейчас нелегко. Но Оливия, Линн и твоя мама стали не единственными жертвами убийцы. Пострадала моя сестра. Точнее... дух убил ее, но благодаря черной магии я сумела вернуть ее к жизни – или к некоему ее подобию. Ты носишь маску, но однажды ты ее снимешь и счастливо заживешь рядом с сестрой. А моя сестра ослепла на всю оставшуюся жизнь и вынуждена остаться в Пропasti, в чужой для нее вселенной, навсегда. Я должна сделать для нее хоть что-то. Я должна отомстить за сестру.

Эмма долго молчала – так долго, что Морриган уже потеряла надежду на ответ.

– Но как вам поможет информация о тех, кто вхож в Тольдебраль?

– Все дело в зеркале. С него все началось. Я должна понять, кто и зачем зачаровал его, и кто прячется внутри. Кто убивает людей. Мою сестру, твою сестру и маму. Невинных, случайных жертв, которые пострадали лишь для того, чтобы убийца проник в Пропасть.

Морриган рассказала Эмме все, что знала. И про то, что выяснила от Клио: она выкупила зеркало у старьевщика, и несколько дней спустя дух на нее и напал.

– Думаю, зеркало попало в Кенгьюбери случайно. Убийца, кем бы он ни был, по какой-то причине не мог долго оставаться в одном теле, поэтому их приходилось менять, пока он снова – по моей вине – не очутился здесь.

Уверена, дух не напрасно моими руками убил Алиен Гвен. Я могла попасть или в тюрьму, или... в Пропась – и привести с собой убийцу. В этом и был его план.

– А значит, непусти ты его сюда в своем зеркале, бессмысленных смертей стало бы еще больше, – заметил Дэмьен. – Пока дух не добрался бы до Дна, он бы не остановился.

– Мне нужно понять, как зеркальник стал тем... кем он стал, и почему, – коротко кивнув, продолжила Морриган. – И каким образом дух очутился в зеркале в Тольдебраль. Не сам же он себя там запер?

– Но я не знаю, правда, – растерянно сказала Эмма. Огляделась по сторонам, явно выискивая взглядом серую стражу – боялась получить наказание за нарушение правил и увеличить срок ношения маски. – У нас очень узкий круг общения. Что и говорить, нас сторонятся. О нашей семье ходят такие слухи... дескать, если криво посмотришь на Агнес Фитцджеральд или ее дочерей, на тебя нашлют пожизненную порчу. А если вздумаешь оскорбить или обидеть – вообще проклянут до седьмого колена. Ах да, еще призванные нами демоны порой вырываются из наших тел и бродят по Пропасте, отыскивая жертв для кровавого пира.

– Эмма, соберись, – мягко, но настойчиво сказала Морриган.

– Да, простите. В общем, неудивительно, что друзей у нас немного. Я по сравнению с сестрами – сама общительность, но среди моих знакомых только белые ведьмы, правда, зеркальников среди них нет. А духи из Мира Теней – это черная магия.

С губ Морриган едва не сорвалось «спасибо, что открыла мне глаза, а я-то не знала!», но она сумела удержаться от издевки. Дэмьен, черт возьми, снова оказался прав – ей необходимо доверие Эммы Фитцджеральд. И пока убийца не будет пойман, Морриган придется прикусить язык.

– Линн вообще не поддерживает отношения ни с кем, кто не принадлежит нашему Дому. Адгерент нашего Дома, Павла – очень хмурая, неразговорчивая девушка. Они с Линн вроде как подруги. А больше она и не общается ни с кем. Даже со мной и Оливией довольно холодна.

– А Оливия?

Эмма вздохнула, но промолчала.

– Выкладывай, – нетерпеливо потребовала Морриган.

Снова вздох и виноватое:

– У Олив был друг.

– А поподробнее?

– Подробностей я не знаю. Он точно маг, при деньгах, дарил ей всякие забавные вещицы. Они держали роман в тайне, не знаю почему. Думаю, он не был веретником, и Оливия боялась, что мама его просто не одобрит. Как всегда. Как и всех, кто хоть немного нам нравился.

– Эмма, пожалуйста. Это очень важно.

– Прости. Но я правда больше ничего не знаю. Знаю, что его зовут Итан, он очень красив, но я никогда его не видела. Нет ни спектрографий, ничего – говорю же, Оливия все хранила в секрете. Все, что могу вспомнить из ее обрывочных фраз – он чуть старше нас и, по-моему, темноволосый. Оливия была безумно влюблена – даже странно, что мама не видела, как она переменилась. Впрочем, на нас с Олив она обычно... Прости. – Эмма шумно выдохнула. – Оливия говорила о нем несколько месяцев. Но где-то полгода назад... Стала совсем хмурой, даже грубой. Я пыталась расспросить ее, а она... Я подумала, что они расстались. А потом все это – кража кулона, мое осуждение, монастырь... и вы.

– Эмма, ты все равно уже осуждена. Скажи честно – ты крала амулет Ассона?

– Конечно нет, – устало сказала она.

– Я тебе верю, – кивнула Морриган. А Эмма вдруг расплылась в улыбке, которая смотрелась так странно в тандеме с жутковатой маской и переизбытком серого.

Они попрощались с Обезличенной и направились прочь от монастыря.

– Я вот о чем подумала... Я долго исходила из того, что убийца действует в одиночку, преследуя свои собственные цели. Но что, если он действует в чужих интересах? Но чьих, если трон по-прежнему пустует? И зачем вообще духу подчиняться живому человеку? Ни властью, ни деньгами его не подкупить...

Дэмьен остановился, оживленный пришедшей в голову мыслью.

– А что насчет... жизни? Настоящего тела?

Морриган развернулась к нему.

– Если он хочет стать личем, тогда ему необходим некромаг.

– Есть тут один, – задумчиво протянул Дэмьен. – Адиф. Глава Дома Версо. Достаточно влиятелен и амбициозен, чтобы метить в короли.

В дом О`Флаэрти он отправился в одиночестве – Морриган решила заглянуть в библиотеку. Через пару часов наведалась еще по нескольким адресам. Расплачивалась за информацию звонкими монетами, лживыми улыбками и правдивыми обещаниями, пока не связала воедино все нити.

Поручив «напарнику» задание принести из особняка необходимые ей атрибуты (к возложенной на него миссии Дэмьен отнесся весьма прохладно), Морриган встретила с ним на ближайшей к Тольдебраль площади.

– Дэмьен... Думаю, я знаю, кто убийца.

Глава тридцать вторая

Кровать в дешевой гостинице была жесткой и неудобной. Роящиеся в голове мысли не давали спать. Ник чувствовал себя мухой, угодившей в липкую паутину или бьющейся об оконное стекло в отчаянной попытке выбраться на свободу. Казалось, он перепробовал все возможные варианты, даже снова наведаясь к Детрану, который, как и все остальные, забыл и лицо Ника, и его, пусть и изначально фальшивое, имя.

Правда, договориться насчет чар с владельцем «Дурмана» он так и не смог. Условие Детрана осталось неизменным: привести к нему вейлу Илэйн Уайтхед, которая – как надеялся Ник – сейчас попивала чай в родном городе и рассказывала тете о своих злоключениях.

Лежа на кровати – раздеваться он не стал, сомневаясь в чистоте простыней, – Ник вынул из заднего кармана мешающий блокнот с листами- мемокардами. Внезапно нахлынула ностальгия по ушедшим временам, когда он был инспектором. Серебристые листы были испещрены многочисленными пометками о делах, которые он расследовал. Ник не расставался с блокнотом, хотя тот уже распух от количества вставленных листов – он вел блокнот с самого первого дня в Департаменте.

Перелистывая страницы, Ник чувствовал странную горечь – всему этому больше никогда не повториться, если выход он не найдет. Он бы занимался самобичеванием до самого утра, если бы не одна запись почти четырехмесячной давности, которая заставила его сердце замереть и забиться с удвоенной силой.

Ник резко сел на кровати, сжимая в руках блокнот и вчитываясь в проступающие под его пальцами слова. Одна фраза – «Роуз Финли», которая породила целый вихрь воспоминаний. Типичное дело... с не самым лучшим исходом.

Эрик Финли был берсерком, а значит, потенциальным отступником – за такими, как он, Трибунал следил особенно пристально. Каждый раз, когда в городе происходили кровавые убийства, в первую очередь думали на серийных маньяков, во вторую – на берсерков, не сумевших сдержать свою темную природу. Обычно отследить их было легко: каждый раз, когда пробудившаяся в крови сверхъестественная звериная ярость брала над человеческой волей вверх, вокруг берсерков появлялось облако тэны.

Когда была сделана эта краткая запись, Ник распутывал дело, в котором жертвами стали три молодые девушки. Одинаковый почерк в каждом случае: тело брошено на том же месте, где произошло убийство, несколько ножевых ранений – от пяти до одиннадцати, явно совершенных в ярости –

эмоциональной или же магической. Два тела обнаружили, когда с момента смерти прошло несколько дней, а потому тэна успела развеяться. Тут же, как обычно в таких случаях, активизировался Трибунал, и Ротриден поручил Нику проверить всех берсерков по давно сформированному списку. Что он и сделал, навестив и сестру Эрика Финли – ту самую Роуз из блокнота. Правда, тогда расследование ни к чему его не привело.

Но с третьей жертвой Нику «повезло» – если так можно сказать о чьей-то смерти: тело девушки нашли через пару часов после убийства. Это позволило ему сформировать из гущи тэны След, который привел его напрямиком к дому убийцы. Он спал, что было совсем не удивительно, если учесть опустошающую силу берсерков, но проснулся, как только Ник вошел в комнату – будто сработал невидимый «будильник». Заметив брызги крови на полу, Ник выхватил револьвер. Завязалась драка, и Эрик Финли мгновенно вошел в «яростный режим». Нику ничего не оставалось делать, как застрелить берсерка – помедли он хоть немного, и стал бы четвертой его жертвой.

Неудивительно, что он забыл об этом деле – одном из многих в его карьере и успешном. Расследования, окончившиеся неудачей, повисая на душе грузом вины, запоминались куда сильнее. Удивительно другое – почему информации по этому делу не было в Архиве? А ее там не было однозначно.

Возможно, это безумие... или же последняя надежда. Так переживший кораблекрушение в открытом море хватается за обломки, надеясь добраться до берега. Как бы то ни было, Ник вцепился в эту ниточку что было сил.

Он вскочил с кровати, спешно накинул пальто, предусмотрительно сорвав с него нашивку младшего агента. Сейчас она ничем ему не поможет, но помешать может вполне. Портал-зеркало перенес его к дому Роуз Финли. В два шага взлетев на крыльцо, Ник торопливо постучался. Дверь открыл заспанный и недовольный верзила. В прошлое знакомство Ника с семейством Финли его тут не было.

– Чего грохочешь? – недовольно спросил он.

– Мне нужна Роуз Финли.

Верзила хмыкнул.

– Мне тоже, и что? Если ее здесь нет, значит, ищи в баре «Кропски». Раз так нужна...

Последние слова он бормотал, уже закрывая дверь. Пожав плечами, Ник направился по указанному адресу. Спросил дорогу у случайного прохожего, и через несколько минут уже входил в бар со странным названием.

Обстановка здесь разительно отличалась от любимого агентами Департамента «Асковая»: дешевые деревянные стулья, липкие столы и барная стойка в потеках и крошках от сухарей. Едва войдя, Ник тут же увидел знакомое лицо. Роуз в царственной позе и гордом одиночестве восседала за барной стойкой. Ник подсел рядом, заказал бокал пива. Поздоровался с Роуз – взгляд ее пьяно блуждал по его лицу.

Смерть брата наложила на нее отпечаток: она изрядно пополнила и подрастеряла былую привлекательность. Волосы висели невымытыми прядями вдоль отекавшего лица. И не скажешь, что с момента их встречи прошло четыре месяца – кажется, что не меньше нескольких лет.

– Че те надо? – подозрительно спросила Роуз, старательно выговаривая слова.

Впервые Ник был рад, что его никто не помнит. Даже фальшивое имя придумывать не пришлось.

– Я – Ник. Я... старый друг Эрика.

– Эрик. – Роуз всхлипнула. В глазах задрожали слезы.

– Я давно его не видел. Приехал из Лайгрова и узнал... Соболезную вашей утрате.

Она шумно разрыдалась, но тут же резко, как по команде, пришла в себя.

– купишь виски?

Ник подал знак бармену – скучающей тощей девице с рыжими волосами. Повернулся к Роуз и мягко попросил:

– Расскажите, что с ним случилось.

Он медленно пил пиво, слушая бессвязную речь Роуз. Слушая искаженную версию реальных событий, где он, Николас Куинн, был «каким-то ублюдком из Департамента, который пристрелил Эричку как какую-то псину».

Нет, Роуз Финли не стала бы мстить. Не хватило бы духу. Да и ей – Ник чувствовал это нутром – гены одного из родителей, формирующие дар берсерка, не перешли. Все, что она могла – это оплакивать брата день за днем, так, как она это умела.

Стрелки часов отсчитывали минуту за минутой, и Ник все отчетливее понимал, что напрасно теряет время. Что напрасно цепляется за соломинку, которая на поверку оказалась лишь игрой света.

Он думал так ровно до того момента, пока в едва связном потоке слов, перемешанных со слезами, не промелькнуло знакомое имя. Имя, камертоном ударившее по натянутым струнам, острым лезвием вонзившееся... не в грудь, а в спину.

Это могло быть просто совпадением. Это должно быть просто совпадением. Но что-то подсказывало Нику – совпадением это не было.

Он уточнил и, получив исчерпывающий ответ, резко поднялся. Кинул деньги на стойку и, не сказав растерявшейся Роуз ни слова, вышел в темноту.

Постучавшись в дверь знакомого дома, с равнодушием посмотрел очередной спектакль, когда его снова не признали.

– Ты и Эрик Финли? – бросил Ник, прерывая. – Старший инспектор Департамента и берсерк-убийца?

Меган перестала разыгрывать сцену, сдернула с шеи замерцавший белым амулет. Разумеется, никакое не «средоточие белой магии» – фальшивка, один из важных атрибутов ее спектакля. Ник мог догадаться раньше, ведь целительницы оказались бессильны ему помочь – белая магия подчас слабее черной. Но кулон Меган от его проклятия ее – только ее одну – избавил.

Он должен был догадаться.

– Я ждала, когда ты придешь. Знала, что так не может продолжаться вечно. Но надеялась, что это произойдет гораздо позже.

Меган отступила назад, вглубь квартиры, пропуская Ника внутрь. Зная ее, он мог заподозрить ловушку... Но сейчас ему было все равно. Важнее стало узнать правду.

– Почему, Мег? Такая изощренная месть... За то, что я наказал озверевшего убийцу?

– Он не был убийцей! – истерично выкрикнула она, сжимая руки в кулаки.

– Тебе хочется в это верить. – Ник говорил с ней спокойно, как с диким зверем, которого нужно было присмирить.

– Потому что это правда! Его подставили... И когда истинный убийца убьет снова, это, как и смерть Эрика, будет только на твоей совести, – прошипела Мег.

Ник покачал головой. Теперь стало ясно, почему Детран готов был назвать ему имя заказчика чар – или описать его, довольно-таки яркую, внешность. Наверняка через своих людей он узнал, что Меган Броуди была агентом Департамента. Этого слишком мало, чтобы отказаться от прибыльного дела – интересно только, что отдала ему Мег взамен чар – но достаточно для того, чтобы при случае сдать ее с потрохами. Вражда отступников и агентов неискоренима.

– До сих пор не могу в это поверить, – качая головой, сдавленно проговорил Ник. – Все это время ты втиралась ко мне в доверие, втайне наслаждаясь тем, что вертишь мной, как кукольник – марионеткой. Разрушала мою жизнь по кирпичику, оставаясь в стороне, но при этом все контролируя... Вот зачем ты дала мне пропуск в Архив – чтобы создать видимость поддержки и уверить меня в том, что нитей я не найду. И правда, как? Если ты собственноручно стерла информацию о деле Эрика Финли, рассчитывая, что я забуду о рядовом убийстве?

– Видишь, что для тебя его смерть? – прошипела Мег. – Рядовое убийство! Не первое и не последнее. А для меня Эрик был всем. Одним выстрелом ты разрушил мою жизнь до основания... И я отплатила тебе той же монетой. Тебе кажется это безумным? Но мне, Ник, больше нечего терять. Ты отобрал у меня самое дорогое...

– Берсерка, Меган?

– Человека, Ник. Самого близкого в этом мире человека. – Она опустила плечи и будто постарела разом. Во взгляде появилась усталость и обреченность – трезвое отражение взгляда Роуз Финли. – Когда мы познакомились... я не знала, кто он такой. Узнала случайно – из списков Трибунала. Но Эрик клялся мне, что подавил свою полубезумную магическую природу, поставив контроль во главу угла, что никогда в жизни не поддавался ярости. И я поверила – потому что видела это своими глазами. За все время, что мы были вместе, Эрик никогда на меня даже не накричал. Он словно заморозил свою ярость... приручил ее. Мы скрывали наши отношения несколько лет. Это было унижительно для Эрика, я знаю. Но он понимал, что иначе мне не построить карьеры, и понимал, как это важно для меня. А потом эти убийства... Ты все разрушил. Ты разрушил мою жизнь, из-за тебя – из-за тебя! – я потеряла своего ребенка. Нашего ребенка. Все, что у меня осталось от Эрика...

Ник молчал, ошеломленный. Но Мег, в отличие от него, было что сказать.

– Я хотела видеть, как ты страдаешь, – процедила она. – Поначалу я хотела тебя уничтожить – это было бы несложно. Но потом поняла: за то, что ты сделал, просто убить тебя будет недостаточно. Разрушить твою жизнь так, как ты разрушил мою, и заставить тебя мучиться этим осознанием – вот, что мне было нужно. Ради этого заклятия я отдала все.

– Сначала ты уничтожила мой дар, а потом, войдя во вкус, стерла меня из памяти людей...

– Не войдя во вкус, – жестко бросила Мег. – Таков и был план. Я хотела, чтобы ты навеки остался всеми забытым, вечно скитался по свету одиночкой

без права на любовь и семью. А когда ты окончательно возненавидел бы собственную жизнь...

– Убил себя сам? – усмехнулся Ник. – А твои руки при этом остались бы незапятнанными.

– В отличие от твоих.

Ледяное молчание, стеной вставшее между ними, кололо виски.

– И что же ты сделаешь, Ник? Давай, уничтожь то небольшое, что у меня осталось. Дам подсказку: если убьешь меня, проклятие потеряет свою силу.

– Я не убью тебя. Смерти ты не заслужила. Но ты хоть понимаешь, что тебя ждет?

Взгляд Мег, брошенный на него, был пропитан горечью

– Мне уже ничего не страшно – потому что больше нечего терять. Я живу, и говорят, жизнь – великий дар. Но скажи, так ли это? Я позволила тебе жить, так скажи мне... ты счастлив? Потеряв все, стоя на краю пропасти, когда позади тебя – лишь разруха и пепел... Ты счастлив, что по-прежнему жив?

Когда Ник шел сюда, уже зная имя возлюбленной Эрика – «они не хотели, чтобы кто-то знал, и я понимаю, почему, но Меган милая, действительно милая, не такая, как то чудовище, который убил моего Эричку» – его воображение рисовало совсем другие картины. Что Мег набросится на него, как кошка, или выстрелит с порога, когда поймет, что он знает правду. Или будет все отрицать, или устроит новый фарс, в который он уже не поверит. Все, что угодно, любое развитие событий... но только не то, что происходило сейчас.

Она была словно выжжена изнутри. Лишена той силы, что побуждает сражаться снова и снова, плыть против течения, бороться... за что? Меган Броуди больше не за что было бороться.

Мег не сопротивлялась, когда Ник набрасывал на нее сеть из парализующих чар. Лишь смотрела на него теплыми карими глазами, и от этого взгляда внутри все стыло и превращалось в лед.

На то, чтобы найти филактерий, понадобилось несколько минут. В тот самый миг, когда коробочка с вырезанными на ней рунами и чарами вперемешку с его волосами внутри сгорела от вспыхнувшего на ладони пламени, проклятие рассеялось. Ник понял это, наконец увидев облако тэны – слишком разрушительным был его огонь.

Прежде, чем уйти, он снял с Мег чары.

– Я прошу тебя только об одном. Остановись. Месть никогда и никому не приносила облегчения. Я не знаю, действительно ли я совершил ошибку, убив Эрика Финли. Я не знаю, сочтешь ли ты мой жест слабыхарактерностью или ненужной тебе жалостью или еще черт знает чем. Но я не хочу ломать тебе жизнь больше, чем уже сломал. Не хочу губить твою карьеру. Ты стала отступницей – но и я, в попытке спасти собственную шкуру от твоих чар, им стал. Ты совершила ошибку – но и я, возможно, ее совершил. Нам по-прежнему придется работать вместе, но я уже буду начеку. Если Ротриден вспомнит о том, что я говорил ему о своем проклятии, кто-то из его подчиненных начнет расследование. Я не буду ни помогать ему, ни мешать. Целиком положусь на судьбу. Что тебе делать со всем этим – продолжать разрушать свою жизнь или попытаться на осколках и руинах прежней жизни построить новую, возможно, лучшую, а возможно, и просто другую... Решать тебе.

Ник ушел, аккуратно закрыв за собой дверь. Задрал голову, долго смотрел на равнодушные звезды, с высоты глядящие на людей. Он не улыбался – время для улыбок еще не пришло. Слишком силен был шок от открывшейся ему правды. О многом нужно было подумать, многое принять.

Как бы то ни было, Ник был рад избавиться от роли чужой марионетки.

Когда он прошел полгорода – хотелось почувствовать на коже прохладный вечерний воздух – с ним связалась Клио, будто ознаменовывая новый этап его жизни. Она снова была почти необъяснимо – даже если учесть его каждодневное столкновение с магией, давно переставшей быть чем-то необъяснимым – жива, но ее глаза украшала белая лента, а плечо – белая

голубка. И только улыбка – светлая, искрящаяся жизнью, осталась прежней. Клио придется остаться в Пропasti, но... «Ничего, Ник, это не страшно».

Ночь медленно сменялась рассветом, а в его голове еще долго звучали слова Клио, объединяющие их совсем непохожие истории.

Каждый конец – это новое начало.

Глава тридцать третья

Разумеется, слова Морриган об убийце Дэмьена равнодушным не оставили. На месте назначенной встречи берсерк встретил ее словами:

– Ладно, выкладывай. Что тебе удалось откопать?

– Для начала, я узнала прелюбопытнейшую вещь. Итаном, прекрасно подходящим под описание Эммы, оказался Итан Ривс – темноволосый, привлекательный молодой человек двадцати девяти лет...

– Глава Дома Ривс? – поразился Дэмьен.

– Именно.

– Но он...

– Исчез пять месяцев назад, – кивнула Морриган. – И до сих пор не найден ни он сам, ни его тело. И тут мы переходим к уже не внешним совпадениям: примерно в это же время, если верить Эмме, Оливия стала сама не своя и перестала упоминать о своем друге. А Итан, говорят, около года до своего исчезновения был не просто увлечен, а по уши влюблен... Вот только имени дамы сердца Итан называть никому не торопился. Опять же, сроки романа приблизительно совпадают – да и его нежелание выдавать имя возлюбленной вполне объяснимо, если учесть суровый нрав Агнес Фитцджеральд. Но главное даже не это. Я наведальась к одной трепетной лани, которой приписывали роман с Итаном Ривсом, чтобы точно в этом удостовериться. Она, испуганно хлопая глазками, заверила, что ничего между

ними нет. Итан просто помог ей однажды отыскать дорожное помолвочное кольцо. По ее словам, муж убил бы ее, если бы обнаружил пропажу. Кольцо Итан нашел, и знаешь, что помогло ему в этом?

Дэмьен – явно не знаток понятия «риторический вопрос» – мотнул головой.

– Свечи, зеркало и... Мир Теней, – торжественно сообщила Морриган. – Итан Ривс был зеркальником.

– Ты думаешь, он и есть дух из зеркала?

– Думаю. Пока он искал кольцо, они с трепетной ланью разговорились – о свадьбе и прочем. По мечтательному тону Итан она поняла, что он хочет сделать предложение своей любимой. Но... не может. Когда она спросила, почему, Итан сказал: «Мы из разных миров». Она подумала, что его невеста в Кенгьюбери, но... уверена, речь шла об Оливии Фитцджеральд.

Дэмьен хотел было что-то спросить, но Морриган не дала ему и слова вставить.

– А вот еще несколько фрагментов головоломки. Деспотичная мать, две сестры, которые были очень близки. Первое, что спросила Эмма, когда услышала о нападении: в порядке ли Оливия? Не мама, которая подарила ей жизнь в общем и жизнь в достатке в королевском замке в частности. А Оливия. И на всех спектрографиях, где Эмма и Оливия были запечатлены вместе, они улыбались. Оливия выглядела счастливой лишь на тех снимках, где была вдвоем с Эммой. Они искренне любили друг друга. И еще эти чары, которые не позволили зеркальнику ее убить... они все время не давали мне покоя. Я долго не могла понять, что именно меня смущает.

– И что же?

– Как так вышло, что «железная старуха» Агнес Фитцджеральд, сильнейшая веретница, умерла от чар духа, а Оливия, не хватающая звезд с неба, осталась в живых? Поначалу я приняла ее слова за чистую монету – кто знает, вдруг она изучала веретничество днями напролет и уже давно

превзошла мать? Сомнения появились, когда стало ясно, что между Агнес и ее младшими дочерьми целая пропасть различий.

– Как между Бадб и Клиодной?

Морриган смерила берсерка долгим взглядом.

– Клио сильна в другом. Помяни мое слово: однажды она заставит людей Пропasti или Кенгьюбери о себе говорить. – Тряхнула головой, возвращая мысли в нужное русло. – В библиотеке я прошерстила раздел защитных чар – все-таки белую магию, если не брать в расчет ее зеркальную ветвь, я знаю хуже черной.

– Это я уже заметил. – Дэмьен, конечно же, не упустил случая припомнить ей недавнюю заминку.

Недобро прищурившись, Морриган продолжила:

– Магия – гибкая наука, и изначально я оправдывала Оливию тем, что мне самой удалось защититься от чар зеркальника. Во многом благодаря твоей печати – дух напоролся на нее, когда попытался проникнуть в мое тело. Так почему бы и Оливии не соединить и белую защитную, и черную веретническую магию? Но когда я начала искать ту самую вязь чар, которую увидела на теле Оливии, обнаружилось нечто странное. Оказалось, подобные чары иногда применяют целители, чтобы замедлить сердцебиение или... погрузить человека в искусственную кому.

– Значит, Оливия наложила на себя чары, которые ввели ее в состояние комы? – вскинул бровь Дэмьен.

– Временно, конечно – остальные витки вязи наверняка были призваны пробудить ее через какое-то время. Оливии и не нужно было, чтобы ее кто-то спасал. Пока не знаю, почему, но она хотела, чтобы ее сочли мертвой. Она не учла одну деталь – что я, зеркалица, окажусь на месте преступления.

Морриган перевела дыхание, глядя на возвышающийся впереди Тольдебраль. Хотела бы она когда-нибудь жить в готическом замке...

– Еще эта странная кража с просто до безумия нелепым «осведомителем». Как я уже говорила, топорная и совершенно дилетантская

работа. Как раз в стиле молодой девицы, которая жизнь за пределами замка знает разве что по книгам и вечно «витают в облаках».

– Оливии Фитцджеральд, – кивнул Дэмьен.

– Девицы, которая никогда не ладила ни с матерью, ни со старшей сестрой. Возможно даже, всеми фибрами души ненавидела их обеих – за то, что решили ее судьбу за нее, за то, что никогда бы не одобрили выбор ее сердца. Оливия настолько боялась Агнес, что держала в тайне свой роман. А младшую сестру безмерно любила и уважала – за то, что нашла в себе силы пойти против воли матери и сестры. Она хотела защитить Эмму – от серой стражи или глав Домов, одержимых стать королями. Все знают, что Обезличенные не способны колдовать, а значит, они вне подозрений. Поэтому Оливия сделала Эмму Обезличенной, впала в кому...

– А Итан убил ее сестру и мать.

Слова Дэмьена стали финальным аккордом – они как раз оказались перед задним фасадом замка.

Морриган вынула из сумки свечу, зеркало и плеть-молнию. Обычно она старалась не брать ее с собой: плеть-молния – оружие исключительно Охотников и Охотниц, и привлекло бы к ней, ныне жительнице Пропasti, излишнее внимание. Но теперь молниевый хлыст был как нельзя кстати. Кто знает, что ждет их за стенами Тольдебраль?

Коротко рассказав Дэмьену свой план и поколдовав над зеркалом, Морриган спрятала его в сумку и перебросила ее через плечо.

– Не знаю, как именно Итан оказался в зеркале, и что с ним стало теперь, но на всякий случай готовься к тому, что они могут дать нам отпор. Хотя уверена – нам ничего не стоит разобраться с двумя влюбленными, которые, даже придумывая свой грандиозный план, серьезно наложали, – едко добавила Морриган.

– Еще бы, – усмехнулся Дэмьен. Какой мужчина позволит девушке сомневаться в своих силах?

– С Оливией пусть разбирается серая стража или боги, которым она поклоняется. Итан Ривс – мой. И если ты сейчас начнешь спорить и говорить о прощении, или что нужно действовать по закону, или еще какую-нибудь несусветную чушь, я просто вырублю тебя и пойду убивать его в одиночку.

– Я знаю, что такое жажда мести, – веско сказал Дэмьен, глядя ей в глаза.

Что-то крылось в его словах – что-то более глубокое, более интимное, нежели просто согласие и поддержка. Но сейчас было не то время и не то место, чтобы расспрашивать о личном.

Перевоплощение в тень стало уже привычным и легким, но Морриган не забывала, какова цена за подобного рода чары, а потому действовала быстро. Проникла в первую же попавшуюся тонкую щель, машинально отметив, что защита стен еще больше ослабла.

В обличье тени Морриган открыла замок на входной двери и наслала на ближайших боевых колдунов легкий морок. Путешествовала по этажам и коридорам, перепрыгивая из тени в тень, когда натыкалась на немногочисленных обитателей Тольдебраль, пока не оказалась в спальне Оливии. Она была не одна.

Морриган узнала Итана Ривса по спектрографии из архивов: темные волосы, карие глаза и привлекательное лицо. Лицо убийцы Клио. Мертвый или живой, он обнимал бледную Оливию, шепча на ухо успокаивающие слова, но стоило Морриган перешагнуть порог, резко вскинул голову.

– Здесь кто-то есть.

Морриган мысленно чертыхнулась и призвала Дэмьена. Жаль, что чары невидимости, на которые она растратила львиную долю сил, негодились.

Следуя призыву – нити белой энергии, подобной магниту – берсерк ворвался в спальню Оливии. Как только Дэмьен оказался рядом с ней, Морриган захлопнула дверь комнаты и, прошептав: «ges regaam», запечатала ее изнутри. Не самые мощные чары, но они на какое-то время задержат боевых ведьм и колдунов Дома Фитцджеральд, если Оливия вздумает призвать их на помощь.

Бойня Морриган не нужна.

Она впервые наблюдала берсерка в деле... и зрелище было впечатляющим. Дэмьен за считанные мгновения вогнал себя в состояние боевого безумия, окрашивая глаза в алый цвет. Его кулак, вонзившийся в живот Итана, едва не выбил из того дух. Сбрасывая с себя тeneвую маску, Морриган процедила:

– Оставь его мне.

Все ее внимание сосредоточилось на Итане Ривсе. Она приближалась к нему, сокращая расстояние с каждым шагом. Собирала магию в ладонь, хотя и догадывалась, что он сделает в следующее мгновение.

Ставший вдруг слишком живым для духа Итан не разочаровал: за мгновение до ее удара он оставил свое тело. Вспышка тэны, похожая на миниатюрную комету, ударила в зеркало. Морриган поморщилась. Отправлять душу в мир духов и теней, а после возвращать ее в оживленное сильнейшей черной магией тело, могли только личи. Как делала это Бадб, превращаясь из ворона – всего лишь одной из форм тени – в человека. Живым подобное было не под силу.

Именно соединение зеркального дара и магии смерти – самой сильной из всех существующих, непредсказуемой и до конца неизведанной – позволило Итану Ривсу перетекать из одного тела в другое, используя зеркала, чтобы опустошить их – украсть их души.

Нельзя было допустить, чтобы подобная участь постигла кого-то из них двоих.

– Дэмьен, Оливия!

Следуя плану, берсерк подскочил к Оливии сзади, зажал локтем ее шею и нарисовал на ее коже парализующий знак. Без сомнения, спрятавшийся внутри нее демон найдет способ выбраться из ловушки... но свою ярость Итану Морриган продемонстрировать успеет.

Выхватив из сумки свечу, она зажгла ее легким дуновением на фитиль. Мимолетный взгляд на Мир Теней в отражении зеркала, сорвавшееся с губ

заклинание – и она скрыла Дэмьена и окаменевшую Оливию в тенях. Стоя на одном месте, подвластный теневым чарам человек полностью исчезал, но стоило пошевелиться, и чары рассеивались.

Итан наверняка видел сокрытых в тенях Дэмьена и Оливию – но в форме облаков тэны, которые сливались воедино. А потому и свою смертоносную магию применить не мог. Но была еще одна потенциальная жертва. Оставшаяся без соратника, теней и печати, которая стала спасением в их прошлое столкновение.

Волк в шкуре ягненка.

Морриган чувствовала нарастающую слабость, грозившую свалить ее с ног. Ужасное ощущение – будто сама жизнь вытекала из нее по капле. Так происходило всякий раз, когда она перебарщивала с чарами. Пришлось активировать экфо. В кожу вонзилась тончайшая игла, в кровь влилась чистейшая магическая энергия. И в тот же миг Морриган услышала треск зеркал.

Итан готовился лишиться ее души.

Морриган бросила под ноги зеркало, стремительно вынула из сумки другое. И в тот момент, когда появилось знакомое уже ощущение, что из нее вытягивают душу, она выставила вперед зеркало, покрытое тонкой сетью зеркальных чар, обращающих любое заклинание против их владельца.

Вспышка магической энергии взорвала тишину, зеркало на стене треснуло, а то, что было в нем, сгустком тэны врезалось в зеркало в руках Морриган. Она поймала Итана Ривса в ловушку его собственных чар, из которой он сможет выбраться только в одном единственном случае: если она, Морриган Блэр, этого захочет.

Глава тридцать четвертая

Впрыснув под кожу еще немного энергии кристаллов экфо – чтобы бесславно не рухнуть в обморок на глазах у свидетелей, Морриган сбросила с Дэмьена и Оливии теневой покров. Устало кивнула берсерку, и он одним движением стер с кожи веретницы парализующий знак, но, не успела Оливия даже шелохнуться, нанес печать, не позволяющую применять черные чары.

– Теперь поговорим? – миролюбиво спросила Морриган. Ее спокойствие было обманчивым: бурлящую в венах ярость приглушало лишь осознание того, что убийца всецело в ее власти. – Я знаю, что ты сделала. Знаю, что сделал Итан Ривс. Я не знаю только, зачем все эти жертвы, если ты отказалась от притязаний на трон. Если скажешь правду, я, возможно, пощажу твоего любимого. Ты ведь должна понимать, что судьба Итана сейчас находится в моих руках.

Оливия пронзила Морриган ненавидящим взглядом, но совсем скоро ее гнев поутих. Она сгорбила плечи – скорее, от усталости и обреченности человека, угодившего в ловушку, нежели от давящего на нее чувства вины.

– Ты ничего не поняла... Я никогда не хотела быть королевой. Никогда не хотела быть такой... как она. Мир без Агнес Фитцджеральд – в любом из воплощений – вот о чем я всегда мечтала. Пусть мы с Итаном и наделали ошибок, но я рада, что она мертва. Я позаботилась о том, чтобы она больше никогда не воскресла.

– Вот как? – бесстрастно произнес Дэмьен, но в его глазах Морриган заметила искру интереса. – Для этого ты осталась в Тольдебраль?

Оливия вскинула подбородок, с вызовом глядя ему в глаза.

– Я уничтожила душу матери, а душу Линн выпустила в Мир Теней – духи и демоны ей уже как родные, так что трагедией новый дом для нее не станет. Я – не зло. Я освободила Пропать от гнета Агнес и Линн Фитцджеральд... Я и Итан. Я знаю, мать ненавидела вся Пропать – она принижала сильных и играла на страхах слабых, чтобы укрепить свою власть. Линн... ее любимица, она росла такой же, и со временем стала бы могущественней и безжалостней матери.

– Так ты у нас, выходит, благородная освободительница? – ядовито поинтересовалась Морриган.

– Знаю, кем вы меня считаете, но все должно было быть иначе, – спокойно отозвалась Оливия. – И если бы Агнес не убила Итана, ничего этого бы не случилось. Около полугода назад... Итан напал на мою мать. Я хотела помочь ему ее одолеть, но ничего не вышло. Агнес... Она убила его. Последним заклинанием он связал с себя с зеркалом, чтобы его душа не ушла в Мир Теней. Мать сожгла тело Итана, и я не могла воскресить его с помощью магии вуду. Тогда я попыталась сделать его личем – отдала за эту сделку с демоном почти все свои силы без остатка, всю свою магию.

Морриган раздраженно выдохнула. Темной сущности, живущей в тандеме с веретником, нужна постоянная подпитка, и если магический резерв истощен... демон будет искать себе новое пристанище. А значит, все предосторожности – парализующий знак, печать – были бессмысленны: опустошенная, веретница не представляла никакой угрозы.

– Но что-то пошло не так, верно? – холодно усмехнулась Морриган. – Если учесть, что ни в одном из тел Итан не смог задерживаться надолго.

– Да, – неохотно сказала Оливия. – Моей магии не хватило. Вселяясь в чужое тело, Итан будто его отравлял. Они умирали... и ему ничего не оставалось делать, как уходить в зеркала. Тогда я этого не знала. Мы планировали, что Итан убьет мать и Линн, вселится в тело Кормака Филса – прозектора Дома Смерти, которого я под вымышленным предлогом приглашу в Тольдебраль. Вернется в Дом Смерти, туда же отправят и «мертвую» меня. Итан в теле Кормака подтвердит мою смерть и подпишет свидетельство о кремации. Оливия Фитцджеральд навсегда исчезнет из этого мира, и мы все начнем сначала, оставив Пропасть позади. А Эмма после снятия маски получит деньги матери и заживет спокойно. И веретничество, которое она ненавидела всей душой, навсегда исчезнет из ее жизни. Мы не думали, что Агнес велит слугам избавиться от зеркала, потому что почувствует в нем что-то странное. И когда Итан появился в Пропасти снова, он рассказал мне...

– Рассказал? – вскинул брови Дэмьен.

– Я слышу его голос в своей голове, когда касаюсь зеркала, в котором он находится. Когда Итан рассказал мне, что тела, которые он занимает, долго существовать не могут. Но времени на Кормака и Дом Смерти нам должно было хватить. Я впала в кому, но... Кормака опоздал, и... – Оливия повернулась к Морриган. – В Тольдебраль появилась ты и «разбудила» меня раньше времени. Я думала, плану конец, но Итану пришел в голову новый: чтобы я, обратившись к веретничеству, продала одному из демонов душу Агнес в обмен на то, чтобы он стал полноценным личем.

Морриган удивленно помотала головой. Итан явно был посообразительней Оливии. Значит, слухи о том, что демону можно продать свою – или пойманную в ловушку чужую – душу – отнюдь не миф. Представить страшно, сколько сил получил демон, в чье распоряжение попала черная душа Агнес Фитцджеральд.

– Я отказалась от короны, чтобы на меня не открыли охоту. Правда, толку в этом было мало – взамен я получила рыскающую по Тольдебраль серую стражу, которая пыталась выяснить причину убийства моих матери и сестры. Сделка с демоном – процесс небыстрый. Нам оставалось совсем немного до свободы... – Оливия устало прикрыла глаза. – И все было бы хорошо.

– Хорошо? – разъярилась Морриган. – Хорошо?! А что насчет людей, которые пострадали, чтобы вы с Итаном смогли красиво уйти в закат?

– Так не должно было быть! – воскликнула Оливия. – Мы не знали, что зеркало окажется в Кенгьюбери! Итан не хотел напрасных жертв, я не хотела, но... Итан не мог долго находиться в Мире Теней. Ты должна знать, чем это чревато. Он терял воспоминания, становился тенью... Та, первая... Он терпел сколько мог, но она коснулась зеркала и...

Морриган и сама не заметила, как очутилась в полушаге от Оливии. Не заметила, как сорвала с пояса Дэмьена клинок и приставила его к горлу бывшей веретницы.

– Не та, первая, тварь, а моя сестра Клиодна, – прошипела она, чувствуя пульсацию крови в висках.

– Морриган, не повторяй моих ошибок, – спокойно сказал Дэмьен, – не иди на поводу инстинктов и эмоций. Подумай о сестре.

Его голос странным образом ее отрезвил. Морриган отступила назад, возвращая кинжал берсерку.

– Ты прав, – хрипло сказала она. – Теперь это дело серой стражи.

– А Итан? – взмолилась Оливия, заламывая руки.

Морриган бесстрастно бросила:

– Ты разве забыла? Итан Ривс мертв.

Оливия всхлипнула, поняв, что кроется за ее словами. Личи уже мертвы, и за их убийство осудить нельзя. Иногда законы играют на руку, особенно когда твой заклятый враг – лич.

– И вот еще что. Пусть мне знакома ненависть и пускай кровь и не на твоих руках, но именно из-за тебя пострадала моя сестра. Ты не лич, увы, а рисковать свободой я не имею права. Но я настоятельно советую больше никогда не попадаться на моем пути.

Дэмьен передал Оливию в руки серой стражи. Достаточно взрослая для ненависти, но недостаточно сообразительная для хладнокровной убийцы, Оливия Фитцджеральд расплатится за свои ошибки сполна.

Дэмьен предложил Морриган отпраздновать удачное завершение «дела». Впервые за несколько недель она позволила себе расслабиться. Наверное, всему виной вино, но их беседа перетекла с невинных тем на более личные.

– Хочешь, открою секрет? – медленно сказала Морриган, любуясь игрой света в бокале. – Мне близка история Эммы, Оливии и Агнес Фитцджеральд. Настолько, что в какой-то момент я видела вместо Оливии... себя. Я не говорю о том, что смогла бы убить Бадб, но меня тоже порой переполняла ненависть. Боги, она – зеркальное отражение Агнес. Властная, сильная, холодная... деспотичная. И глядя на Оливию, я задавалась вопросом: неужели я могла бы оказаться на ее месте? И поняла, что нет, не могла бы. Всему, даже ненависти и жестокости, есть предел. Но тот момент... те сомнения... это было по-настоящему страшно.

Они помолчали, каждый думая о своем. Берсерк и зеркалица сидели очень близко друг к другу – на одной софе, на расстоянии ладони.

– Кажется, моя пора признаваться, – с такой непривычной для него улыбкой сказал Дэмьен.

Откинув голову назад, Морриган рассмеялась.

– Это не игра. Ты не обязан платить мне той же монетой.

– Но может, я этого хочу? – отозвался он, пожимая плечами. – Знаешь, те вспышки ярости, которые я не мог контролировать... Они начались в первый же день, как я встретил в Кенгьюбери тебя. Ты странно на меня влияешь...

– Почему?

– Магия? Химия? Выброс адреналина? Хотел бы знать. Я научился жить с тем, кто я есть, смирился, что таким мне быть до конца жизни, и научился жить в ладу со своей сумасшедшей силой. Научился ее подчинять, хотя это стоило мне огромного труда. А появилась ты... и все перевернула вверх дном.

В голосе Дэмьена звучала горечь. Отчего тогда Морриган так будоражило то, что он говорил? Неужели оттого, что она хотела чувствовать себя рядом с ним, для него... особенной, уникальной? Знать, что действует на него так, что одним своим прикосновением срывает оковы контроля?

Морриган поставила бокал на хрустальный столик. Развернулась к Дэмьену, чувствуя приятное головокружение. Одно стремительное движение – и она оказалась у него на коленях. Пальцы, запутавшиеся в темных волосах, скользнувшие по узору татуировки на шее; пахнувший вином долгий и страстный поцелуй...

И накатившее ледяной волной непонимание, когда берсерк, приподняв ее за талию, снял с колен и усадил рядом. Ушла расслабленность из серых глаз, и вдруг показалось, что где-то на дне пляшут алые искры.

– Это лишнее, – отрывисто сказал Дэмьен, стараясь не встречаться с ней взглядом.

– Да что с тобой не так? – взорвалась Морриган. – Я же вижу, как ты на меня смотришь! Я знаю, что ты думаешь и чувствуешь!

– Ты ничего обо мне не знаешь, – отчеканил Дэмьен. – И будет лучше, если так все это и останется.

И он просто... ушел.

Морриган переполняли гнев пополам с неверием. Чертов Дэмьен! Пусть убирается прямо в ад! Слушая, как затихают его шаги, она схватила со стола бутылку вина и со всего размаха швырнуть в стену, давая выход своей ярости.

Осколки прозрачным дождем посыпались на пол, но облегчения она не ощутила. Призвала магию, которая уничтожила осколки и разлитое вино. Никто не должен догадаться, что она потерпела сокрушительное и немислимо унижительное поражение. Никто не смеет отказывать Морриган Блэр.

Ярость – превосходное оружие. В этом она давно уже убедилась.

Она вынула из брошенной на пол сумки зеркало, в котором, как в филактерии, была заключена душа Итана Ривса. Переделась в костюм Охотницы, понимая, что, возможно, надевает его в последний раз, повесила на пояс верную плетть. Привычный ритуал – зеркала и свечи. Переступив невидимую черту, оказалась в Мире Теней – маленьком ее клочке, в специально сотворенной ею тюрьме для убийцы и мучителя Клиодны.

Глядя в расширяющиеся зрачки Итана Ривса, Морриган превратила хлыст в молнию.

Самое время для ненависти.

Эпилог

Голубка проснулась на несколько мгновений раньше Клиодны. Пока Клио нащупывала лежащую на столике у кровати ленту, птица, сделав круг по

комнате, приземлилась на ее плечо и устремила взгляд на сидящую в кресле Морриган.

Ночь выдалась длинной... Она успела принять душ и сменить костюм Охотницы на элегантное платье.

– Я за тебя отомстила, – бесстрастно сказала Морриган, глядя в бусинку-глазок белой голубки.

– Морри...

– Не надо, Клио. У тебя свои принципы, у меня свои. Он должен был поплатиться за то, что с тобой сделал. Прости, но твоя сестра – не только зеркалица, но и охотница за головами и черная ведьма. Я не хочу и не умею жить по-другому.

Морриган поднялась и вышла. Благодарностей она не ждала и не заслужила: все произошедшее – ее вина. Ее и Бадб, хотя та никогда в этом не признается. Они должны были защищать Клио.

Доминик О`Флаэрти восседал в своем излюбленном кресле с чашкой кофе в одной руке и свежей газетой в другой.

– Ранняя пташка, – добродушно рассмеялся он.

Поддерживать беседу не хотелось, и Морриган сразу перешла к делу:

– У меня есть для тебя предложение. Я не хочу знать, что связывает тебя и мою мать – это исключительно ваше дело, и не хочу полагаться на привязанности, которые могут оказаться хрупки и недолговечны. Ни я, ни Клио не можем находиться в Кенгьюбери или в любом другом городе, где есть агенты и трибуны. Нам обеим нужен дом. – Она наморщила нос. – Защита тоже бы не помешала. Но простого слова мне недостаточно.

Заинтересованный, Доминик отложил газету.

– И что ты предлагаешь?

– Я хочу, чтобы мы с Клио стали адгерентами Дома О`Флаэрти. Я сильная ведьма и, в отличие от Бадб, я живая. А значит, все мое время – твое. И моя сила – твоя. Дома Ривс и Фитцджеральд ослаблены – Эмма не желает

быть королевой, а Оливия совсем скоро последует примеру сестры и наденет маску. Сразу два Дома, два конкурента в борьбе за престол, вышли из игры. Ты хочешь стать королем Пропasti, и я сделаю все возможное, чтобы тебе в этом помочь. А могу я многое.

Доминик помедлил несколько мгновений, изучающе глядя на Морриган снизу вверх. Отставив кофе, поднялся и несколько церемониально пожал ей руку, скрепляя сделку словами:

– Добро пожаловать в Дом О`Флаэрти.

Усмехнувшись, она направилась к себе, чтобы отдохнуть хотя бы пару часов. Новый день принесет новые заботы.

Проходя мимо комнаты Клио, Морриган увидела стоящую рядом с кроватью дочери Бадб. Леди Ворон и Леди Голубка... А кто такая она?

Ведьма, с трудом балансирующая на тонкой грани между черным и белым, и не знающая, в какую сторону сделать шаг. Недоохотница, променявшая наемничью жизнь на клеймо отступницы – хоть и не по своей воле. Доказать, что она не убийца, невозможно – агенты Департамента не имеют доступа в Пропасть, а серая стража не появляется в Кенгьюбери. Верхний город для Морриган закрыт...

Но вместе с тем она – Вольная, в тринадцать лет взявшая судьбу в свои собственные руки. Она – ведьма, в чьем распоряжении обе ветви магии. Она – девушка, доказавшая, что ее любимых обижать не стоит. Она сделает все возможное, чтобы заставить жизнь играть по своим правилам.

Отныне Пропасть – ее новый дом... Пора расшевелить этот улей и показать всем, кто такая – Морриган Блэр.